

ДЕРЖА ОКЕАН

ХАЙДИ
КАЛЛИНАН

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ
Переводы книг

Оригинальное название: Carry the Ocean (The Roosevelt, #1)

by Heidi Cullinan 2015

Держа океан (Рузвельт #1)

Хайди Каллинан 2017

Перевод: Юлия Корнейчук

Редактор: Дарья Подшибякина, Светлана Павлова

Вычитка: Екатерина Урядова, Александра Журомская

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Глава 1

Эммет

Чтобы встретиться с Джереми Сэмсоном, мне потребовалось долгих десять месяцев.

Впервые я увидел Джереми в день переезда в наш дом в городе Эймс, штат Айова. Мы переехали туда перед началом моего первого учебного года в университете этого штата. Дом Джереми находился напротив нашего, стоял торцом. Его окна выходили на железнодорожные пути, которые пробегали там, где должна была пролегать аллея. Когда мы с моей тетей Алтеей пошли в продуктовый магазин в конце улицы, я заставил её пройти длинным путем, чтобы запомнить номер его дома и номерной знак автомобиля на его подъездной дорожке. Потребовались долгие часы копания в сети, но я нашел имя его семьи, а потом и его имя. Джереми Сэмсон.

И все же я к нему не приближался. Я наблюдал за ним издалека. Изучая его через двор. Потом я нашел его в «Инстаграме». Было трудно узнать о нем что-то еще, поскольку он был тихим в сети, а подойти лично и поздороваться я стеснялся. Я бы познакомился с ним в социальной сети, отправил бы ему сообщение и сначала узнал его в переписке, но он размещал максимум одно фото в месяц и никогда не оставлял комментариев.

В тот момент он учился в старшей школе. У него был друг по имени Барт, вероятно, это было сокращение от Барталамью. Барт любил публиковать в «Инстаграме» селфи с высунутым языком. Я следил за страницей Барта только потому, что он фотографировал Джереми.

Джереми никогда не высовывал язык, и его улыбка всегда была небольшой, с закрытыми губами. Иногда я пытался найти логическую причину тому, почему мне так понравился Джереми, но романтические чувства не имеют никакого отношения к логике. Порой мне больше всего нравилось в Джереми то, как он писал свое имя — Джереми, с дополнительной «е». Я поставил компьютерную программу, в которой писал его имя красивым шрифтом и всегда улыбался на третьей букве «е». Она делала его имя особенным, обычное «Джереми» недостаточно хорошо для всех «е».

Порой он мне нравился за его улыбку. Порой за то, что он не улыбался. Иногда у меня была эрекция от того, как он убирал волосы со своего лица. Для моего мозга не имело значения, что эти причины очень странные для того, чтобы ухаживать за кем-то. Мой мозг, мое тело, весь я хотел стать парнем Джереми.

Я хотел представиться ему, но нервничал. Мой первый год в университете был

сложным, и не было столько энергии для того, чтобы справиться с таким количеством нового, да еще и с приобретением нового друга. Я продолжал надеяться, что столкнусь с Джереми на улице или в библиотеке, но этого не происходило. Во время учебного года Джереми выходил на улицу все реже и реже и публиковал все меньше фотографий, иногда он не публиковал ничего больше месяца. Однажды в мае у него была вечеринка по случаю выпускного, но немногие пришли его поддержать. Когда я увидел Джереми, он был грустным.

Я хотел подойти к нему, чтобы выяснить, почему он печален и, может быть, развеселить его. Но не мог. Честно говоря, я сходил с ума по Джереми Сэмсону. Я не хотел быть просто его другом. Я хотел быть его парнем.

Большинство людей сказал бы: «Ну так дерзай! Иди и найди себе парня». Если бы я зашел на сайт знакомств, то мог бы встретить кого-нибудь близкого по духу. Вряд ли людей заботило то, что я гей, в Эймсе это никого не волнует. Хотя есть небольшая проблема, которая, возможно, изменит мнение людей обо мне. Это причина, по которой мне пришлось ждать так долго, прежде чем представиться Джереми, по которой я не хотел говорить своей семье, что втюрился в парня. Эта небольшая проблема — причина переезда, который раздражал, делая для меня учебу в университете борьбой.

Хотя у меня есть тонны виртуальных друзей, один факт обо мне меняет их мнение, особенно, когда они встречаются со мной лично. Поскольку никто не поверит, пока не столкнется со мной лицом к лицу в то, что Я, который пишет в интернете — точно такой же Я в жизни, который ходит, разговаривает, каждый день ездит на автобусе до университета.

Меня зовут Эммет Дэвид Вашингтон. Мне девятнадцать лет, и я второкурсник государственного университета штата Айова, изучающий информатику и прикладную физику. Я получил высший балл на своем факультете. Мой рост сто девяносто сантиметров, у меня темные волосы и серо-голубые глаза. Я обожаю головоломки и фильм «Братья Блюз». Разбираюсь в компьютерах и во всем, что связано с математикой. Я помню почти все, что когда-либо прочитал или увидел. Я гей. Люблю поезда, пиццу и шум дождя.

Также у меня есть расстройства аутистического спектра. Это даже рядом не стояло с теми важными деталями, что стоит обо мне сказать, но как только люди видят меня, смотрят на то, как я двигаюсь, слушают то, как я говорю — кажется, это единственное, что имеет значение. Люди относятся ко мне по-разному. Они ведут себя так, будто я глуп или опасен. Они называют меня на букву «Д» или говорят мне, что я должен находиться дома, но имеют в виду специальное заведение, а не дом, в котором я живу. Когда люди узнают, что я аутист, они даже не могут себе представить, что я могу себе позволить полюбить Джереми или кого бы то ни было еще.

Полная чушь. Как говорит Элвуд Блюз — всем нужно кого-то любить. Я один из всех. Мне тоже кто-то нужен.

Проблема заключается в том, что найти кого-то становится сложнее, если у вас аутизм. Если бы мне хватило смелости самому представиться Джереми, я бы узнал, станет он моим другом или кем-то большим, чем друг, я не смог бы проигнорировать его или позволить своему аутизму вселить в меня тревогу по поводу его возможного отказа. Я пытался себе вдолбить, что кто-то с таким спокойным лицом и милой улыбкой не станет говорить мне гадости или называть меня «Д». Я заставил себя быть смелее.

Мне потребовалось целых десять месяцев, чтобы набраться храбрости и представиться Джереми Сэмсону. Чтобы узнать и запомнить правила этикета, чтобы найти правильные

слова, чтобы показать Джереми себя, а не свой аутизм. Потребовалось немало времени и труда, но я сделал это. Я не должен был ни о чем волноваться. Честно говоря, я классный, и все, кто с этим не согласны, должны уйти с моего пути.

Прежде чем я расскажу о том, как я встретился с Джереми и стал его парнем, я должен вам объяснить, в чем выражается мой аутизм.

Первое, что вы должны знать об аутистах, заключается в том, что все мы разные и врачи не знают об этом заболевании всего. Некоторые люди спорят о том, действительно ли это расстройство, и правильно ли употреблять именно это слово. Моя мама говорит, что расстройство звучит так, как будто временами со мной бывает что-то не так. Я странный, не такой как все, но она говорит так каждому, кто ведет себя подобным образом. Если честно, я думаю, что это слово правильное. Слово расстройство означает нарушение нормальных физических и психических функций. Я понимаю, что на самом деле никто не является нормальным, но как я уже сказал маме, я отклоняюсь и от среднего значения. Я не странный. Я просто другой.

Трудно описать, как мозг аутиста отличается от мозга большинства людей, так как я не знаю, как работает мозг у большинства. В лучшем описании, которое я могу дать, должно быть сказано, что я чувствительнее большинства людей, и я не имею в виду какую-то там обидчивость. Моя чувствительность проявляется по-разному, например, если у моих носков есть шов на внутренней стороне ноги, я чувствую, будто кто-то скоблит шпателем поперек моего мозга. Если на меня дует фен, я чувствую, как десять миллионов муравьев ползают по всей моей коже. Шумы меня не беспокоят, но мигающий свет доставляет мне боль. Сильные запахи делают то же самое, а от некоторой консистенции еды меня рвет. Когда я смотрю на вещи, я вижу все их краски, и каждая деталь меня отвлекает. Все звуки громче, даже чье-то дыхание. Быть с людьми слишком долго утомляет меня, потому что люди могут сильно раздражать. Это моя проблема в школе. Я не понимаю, почему я единственный, кто расстраивается, когда люди пихаются в коридоре или слишком громко разговаривают резкими голосами. Почему кому-то должно это нравиться? Кто бы не расстроился?

У моей тети Алтеи, когда она была маленькой, был, как они тогда называли, умеренный Аспергер, но теперь они так называют аутизм.

Когда вы говорите об аутизме, говорите о «цветовом спектре» — как и на нем, у всех нас разный вид аутизма. В целом я согласен, что это хорошая метафора, насколько я понимаю понятие метафоры.

Алтея активней, чем я. Большинство людей вообще не знают, что у нее аутизм. Она может водить машину, чему я завидую. Мне говорят, что я никогда не смогу этого делать, независимо от того, сколько раз по памяти перепису учебник по вождению штата Айова. Алтея живет с нами, несмотря на все — она плоха в математике и дисциплине, в отличие от меня. Она совсем не может содержать свою комнату в чистоте. Мы с мамой помогаем ей в уборке каждую субботу, но я не могу туда зайти в течение первого часа, пока мама не сделает её менее отвратительной. Алтея более общительна, в отличие от меня, но ей тяжело даются испытания, и она с трудом сосредотачивается на работе, и из-за этого так часто её меняет.

А я напротив, слишком сильно сосредоточен.

Видите, все аутисты разные, вы не можете сказать слово «аутизм» и знать, каков он. Более того, вы не можете произнести слова «мальчик» или «человек» и думать, что знаете парня.

Алтея говорит, что ASD — расстройство аутистического спектра — делает наше восприятие острее, чем у большинства людей. Она говорит, что громкие голоса и запахи беспокоят всех, но более острое восприятие означает, что большинство людей могут их проигнорировать. Мы с ней тоже можем проигнорировать внешние раздражители, но это требует усилий. Алтея показала мне сайт, посвященный женщине с волчанкой, которая рассказывает о ложках. Типа, все мы используем столько-то ложек в течение каждого дня нашей жизни, но люди с интенсивными физическими или умственными недостатками должны использовать больше ложек, чтобы больше тренироваться в их использовании каждый день. Я не понимаю, какое отношение имеют ложки хоть к чему-нибудь, но знаю, что внешние раздражители беспокоят меня больше, чем остальных. Я ползал на сайте «Нельзя болеть все время», но так и не понял, почему таких, как я, волнуют столовые приборы. Алтея говорит, это потому, что мой мозг не понимает метафор, которые, по сути, показательными примерами объясняют что-то вместо того, чтобы давать буквальные ответы. Мой мозг мыслит буквально.

В моем аутизме все же есть забавные вещи. Например, я помню все, что когда-либо увидел. Мой мозг похож на камеру, и, если я что-то вижу, особенно числа, я запоминаю это навсегда.

Моя мама всегда просит меня найти её вещи, и я могу это сделать не потому, что я волшебник, а потому что мой мозг удивителен. Если я видел вещь, которую она потеряла, я её найду. Если только кто-то не переложил её, пока я не видел. Я помню рецепты, номера телефонов, номерные знаки, математические формулы. Могу запомнить пятьдесят строк компьютерного кода за одно прочтение. Я хорошо понимаю математику, а если что-то не знаю, то могу очень быстро этому научиться.

Мои глаза тоже видят по-другому. Мама говорит, что к дополнению того, что я вижу сразу все, я замечаю больше деталей — структуру и цвет. Иногда это означает, что я нахожу красивыми те объекты и предметы искусства, которые люди считают уродливыми, а иногда то, что кажется людям красивым, уродливо для меня.

Правда, люди сложнее, чем цифры или память о том, где лежат мамины ключи. Я не понимаю людей вообще. Не то, что они чувствуют, не то, почему они ведут себя так или иначе, не то, что они, возможно, будут делать дальше. Мне иногда очень грустно от того, что в моей голове я могу говорить с кем угодно, и там меня всегда понимают. Конечно, классно иметь некоторые способности, доступные аутисту, но в общем и целом я одинок. Я стараюсь общаться с людьми, и я хорош в онлайн, в письме, но когда открываю рот, то все порчу. И дело даже не в словах, которые я произношу. Я прикасаюсь к людям, когда этого делать не следует, и не прикасаюсь, когда они этого хотят. Я говорю и делаю то, что людей злит. Очень злит. Хуже всего то, что никто не может понять компьютеры и математику так, как понимаю их я, но все могут общаться с людьми, за исключением меня. Неважно, насколько сложную математическую задачу я могу решить или сколько строк кода могу запомнить. Если я говорю человеку что-то не то, то, как правило, он уже будет ненавидеть меня всегда. Люди намного важнее чисел или того, что я четче вижу цвета, или того, что я помню каждый ингредиент наших ужинов на Дни благодарения за последние десять лет. И люди для меня самые сложные создания в целом мире.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы Джереми Сэмсон ненавидел меня, но статистика явно не в мою пользу. Во-первых, чтобы стать моим парнем, он тоже должен был быть геем. Данные неточны, но, судя по опросам, от двух до пяти процентов американцев

гомосексуальны. Обычно взаимное влечение не поддается измерению в процентах, но мне не нужны были опросы, чтобы понять, что аутизм не поможет, даже если я попытаюсь сломать все предубеждения.

Я хотел подойти к Джереми, но сначала должен был поупражняться в доброжелательном общении. Конечно, мой аутизм никуда бы не исчез, но я могу показать себя в выгодном свете. Я провел большое исследование в области советов желающим познакомиться, которые были для меня трудны, ведь я не мастер этого вида общения. Мне повезло, и я нашел несколько сайтов объявлений, на которых аутисты успешно знакомились, и они поделились со мной своим опытом. Я воспользовался их советами, в отличие от советов остальных пользователей Интернета, и занялся этой проблемой так старательно, будто корпел над своей домашкой по физике или над кодировкой.

Беда была в том, что, когда я на него смотрел, я напрочь забывал о своем исследовании. Я мог думать лишь о том, как сильно он мне нравится, и как сильно я хочу нравиться ему.

Положительно в аутизме было то, что я мог смотреть на Джереми, и он не подозревал, что я это делаю. Один из дефектов, которые встречаются у аутистов чаще других — мы редко смотрим в глаза собеседнику, с которым говорим. Я не могу говорить за каждого аутиста, но лично мне не обязательно смотреть на людей, чтобы видеть их. Прямой зрительный контакт слишком резкий и напряженный, я плохо его переношу, но мама с папой говорят, что не смотреть в глаза человеку неприлично.

Когда я смотрел на Джереми, мой аутизм был суперсилой. Я мог сидеть на своей веранде часами, следя за ним, наблюдая, как он пересекает свой двор. Никто не догадывался о том, что я делаю. Моя семья не знала, что я подсматриваю за Джереми, потому что они думали, что я ожидаю поезд. Мне нравилось, что на нашем заднем дворе проходили железнодорожные пути, и моим любимым способом расслабиться было считать вагоны, проходящие мимо. Когда шел дождь, и прибывал поезд, я практически был в раю. Я не только считал вагоны. Я обращал внимание на номера машин и двигателей, пытаюсь понять, как они устроены, отмечал, сколько автомобилей проехало, когда и в каком направлении.

Я и вправду смотрел на поезда, но также не выпускал Джереми из вида.

На улице я видел его не слишком часто, но всегда обращал внимание, когда он появлялся. Он двигался мягко и аккуратно, отчего мне казалось, что он очень чувствительный. Много он не улыбался, его лицо было умиротворенным и спокойным, как у моего отца. Временами он казался грустным, но точно сказать не могу, так как находился далеко. Джереми ухаживал за садом своего отца: стриг газон, мульчировал² растения.

Иногда он сидел на лавочке со своей мамой, а иногда с сестрой, когда она их навещала. Бывало к ним приезжал Барт, но не часто. В основном Джереми сидел на лавочке один. Я никогда не видел Джереми где-либо, кроме его двора. И его нельзя было найти в онлайн, чтобы заговорить с ним. Чтобы познакомиться с ним, я должен был проявить инициативу, и мне пришлось бы встретиться с ним лично. Для этого мне нужно было набраться смелости и постараться не упустить свой шанс.

Он подвернулся в начале июня на благотворительной вечеринке нашего квартала. Я не хотел идти на эту вечеринку. Там должно было быть слишком много людей и вопящих деток, но мама сказала, что мне полезно пообщаться с соседями. В другой раз я бы поссорился с ней и сказал бы, куда она может засунуть свою благотворительную вечеринку, но прочитав флаер, понял, что название было неправильным. В эту вечеринку было включено больше одного квартала. Вечеринка нескольких кварталов. Квартал Джереми тоже в нее входил.

Конечно, встретиться с ним там, если он придет, было рискованно, но на этот риск стоило пойти.

Накануне вечером я практиковался во «взгляде в лицо» и скинул себе на флешку подходящий текст разговора для знакомства с парнем.

Одеваясь следующим утром, я дополнительно удостоверился в том, что моя рубашка прилична, а волосы хорошо расчесаны. Я в этом не очень хорош, но, когда я спустился вниз, тетя Алтея улыбнулась и сказала, что выгляжу я прекрасно.

В ожидании вечеринки я сидел, покачиваясь на крыльце целый час. А потом моя семья со стульями и едой, включая меня, несшего пакетик картофельных чипсов, напевая, побрела на вечеринку.

Мама посмотрела на меня.

— Тебя что-то тревожит, Эммет?

Я нервничал, но не хотел рассказывать ей о Джереми.

— Я не хочу говорить.

Она продолжала пристально смотреть на меня, и выражение её лица говорило о том, что она собирается задать множество вопросов, поэтому я прикрыл ладонью свое ухо с её стороны. Мама вздохнула, но отвернулась и ничего не спросила. Ну и к лучшему. Мы почти дошли до места для пикника, и я хотел посмотреть, не пришел ли Джереми.

Когда я увидел его родителей, мое сердце забавно забилося. Смеясь над чьими-то словами, миссис Сэмсон подошла к столу и потянулась за тарелкой. Мой пульс снова подскочил, и я почувствовал головокружение. Это был чистый адреналин, гормоны моего тела взлетели до небес, что не могло не раздражать. Сейчас мне было необходимо сосредоточиться, не отвлекаясь на всю эту химию. Разве я знал, почему мое тело действовало вопреки здравому смыслу, почему оно проигнорировало все мои планы, превратив мой супермозг в супер-желе? Там, куда ушла его мать, склонив свою белокурую голову, под деревом, уставившись на землю, стоял Джереми.

Глава 2

Джереми

Если вы болеете чем-то, что не видно глазу, то эта болезнь не самая большая ваша проблема. Заканчиваете вы тем, что каждый божий день боретесь с другими людьми больше, чем с болезнью. Мне потребовалось немало времени, чтобы это понять, потому что на самом деле в течение многих лет я не знал, что болен. Оглядываясь назад, я понимаю, что депрессия у меня была со времен средней школы, а в высшей школе к ней добавилась еще и тревога. Или, возможно, они всегда вертелись вместе, но сполна я это почувствовал именно в то время. Такие вещи как депрессия и тревожность целиком и полностью сосредоточены в вашей голове. Люди, у которых не возникает депрессия или тревожность, думают, что они могут избавиться от негативных эмоций, как только поймут, что те появились. Но те из нас, кто живет с подобными проблемами психологического здоровья, знают, что наши демоны никогда не берут выходной.

В первые месяцы после окончания школы я был не в состоянии связно думать о том, что происходит с моим мозгом и о том, что может это улучшить или ухудшить. Долгое время я не мог озвучить свое состояние, а когда наконец сделал это, то почувствовал стыд и

ущербность. В тот момент я в основном выживал, правда, без особого успеха.

Люди всегда настораживали меня, даже когда не замечали меня. В седьмом классе меня дразнили, и кульминацией стал инцидент в раздевалке, когда группа мальчишек, смеясь надо мной, угрожала выпихнуть меня голым в коридор, чтобы девочки тоже могли надо мной посмеяться.

Я начал испытывать боль в животе каждый раз, когда находился на уроке физкультуры. Медсестра думала, что я симулирую, и когда я жаловался, мне приходилось специально вызывать у себя рвоту, чтобы мне поверили. Со временем мне приходилось возвращаться в спортивный зал, но я умел хорошо прятаться в ванной комнате, пока все во что-то играли. Думаю, учитель понял, что происходит, поскольку никогда не наказывал меня за опоздания. Это стало способом моей борьбы со школой. Люди были опасны, действительно опасны, и потому я избегал их. У меня был один друг, но думаю, что я был для Барта больше опорой, чем настоящим другом. Он, конечно, быстро бросил меня, когда на четвертом году моего обучения депрессия стала брать верх. Я скрывал это ото всех, но в мае, во время презентации самоуправления в моем классе, я сломался.

Это привело к поездке к нашему семейному доктору, который диагностировал у меня серьезное депрессивное расстройство. Казалось, он наспех поставил диагноз, как если бы я был просто простужен, а у меня было ощущение, что он просто хочет впарить мне какую-то известную марку таблеток. Не было ничего похожего на обычные тревожные чувства, скорее казалось, будто мне повесили на шею бирку с названием болезни. Мне было неловко и стыдно, и я не возражал, когда мать разозлилась и сказала ему, что он не знает, о чем говорит.

В целом я был благодарен за то, что мне дали окончить школу на домашнем обучении, подальше от стресса. Я даже не пошел на выпускной. Все это звучит прекрасно, но пока я не выходил из своей добровольной тюрьмы, единственным человеком, с которым я боролся, была моя мать.

Она ненавидела, что я продолжаю отгораживаться от мира, и сделала своей миссией пихать меня в это носом. И хотя до подтверждения диагноза она разрешала мне не ходить в церковь, теперь тянула меня туда за волосы каждое воскресенье. Там я постоянно отбивался от людей, после каждой службы мамыны подруги, которых я особо не знал, улыбаясь, обеспокоенно спрашивали, куда этой осенью я собираюсь пойти учиться или встречаюсь ли я с кем-то. Если я болезненно реагировал на этот натиск и у меня начинался приступ паники, мама ругала меня, а папа хмурился. Если бы я знал, что потерю в классе этот чертов контроль, то работал бы над собой больше, пытаясь предотвратить этот крах, прячась, как обычно, в туалете между уроками.

Благотворительная вечеринка квартала была еще одной возможностью для мамы заставить меня быть нормальным, а для меня — провалиться. Она показала мне флаер за три дня до вечеринки.

— Мы должны пойти, — сказала она. — Было бы хорошо встретиться с соседями. Многие молодые пары в честь вечеринки приехали в город.

Я не сказал «нет» потому, что должен был вести себя хорошо. Даже позволил ей потащить меня в магазин за продуктами, хотя магазины всегда вызывают у меня приступы паники. Я не кричал о болезни в день вечеринки, но плакал во время душа, а папа злился и включил одновременно радио и телевизор, чтобы меня заглушить.

Но простого присутствия на вечеринке маме было недостаточно.

— Помоги мне сделать салат, Джереми.

— Сходи для меня в магазин, Джереми.

— Пойди помоги хозяевам встретить гостей, Джереми.

Трахал я это все, потому что был не в состоянии даже дойти из машины до магазина, и папе пришлось идти вместо меня.

Мама шла со мной к месту для пикника, настраивая меня, подталкивая локтем и бормоча, чтобы я прекратил быть таким нервным. Когда стало слишком много указаний, и пришедшая громкая женщина из третьего дома внизу улицы сделала меня нервным, хозяйка заметила, что мне плохо и посоветовала пойти отдохнуть.

— Мы можем закончить без вас, не волнуйтесь.

Моя мама не волновалась, она была зла. По её словам, ей было стыдно за мое поведение на публике. Мама хотела яркого, улыбчивого, очаровательного сына. Она хотела, чтобы у меня было множество ответов на вопрос, который все задают — куда я пойду учиться этой осенью. Она хотела, чтобы я врал, уклонялся, а еще лучше, чтобы по мановению волшебной палочки перестал быть таким подавленным и уставшим, но я хотел лишь вернуться в свою постель.

Я думал, что домашнее обучение было компромиссом, поскольку мы все знали, что я нигде не буду учиться, но это было не для сына, которого хотела моя мать. Я не был сыном, которого она хотела. Я не улыбался, не флиртовал, не предугадывал желания хозяйки. Сжимаясь, отводил глаза и ронял посуду. Когда кто-то слишком громко смеялся, я вздрагивал. Разговоры в таком количестве вокруг меня заставляли паниковать, и я старался отрешиться от этого, что означало — когда кто-то задавал мне вопрос, я его не слышал. Хозяева и другие гости вечеринки хлопали меня по плечу и поддразнивали мое «напряженное подростковое расписание», но папа хмурился, а мама сжимала губы в тонкую полоску, что обещало неприятности. У меня не было никакого напряженного подросткового расписания. И я никогда не отсутствовал дома ночью. Я вообще никогда не отсутствовал дома. Я не был застенчив из-за присутствующих на вечеринке девочек моего возраста. Дело было в другой большой проблеме, о которой родители пока еще не знали.

Не то чтобы я не пытался. Я пришел на эту ужасную вечеринку и был настолько нормальным, насколько возможно. Этого, конечно, было недостаточно. Мои родители не собирались меня слушать. Я мог представить будущее, и оно было ужасным, темным и парализующим: я в странной комнате общежития, в чужом городе, где все смеются надо мной, кривя лица и спрашивая, в чем моя проблема. Уже не в первый раз я подумал о том, что для всех было бы лучше, если бы меня не было вообще. Когда я пытался успокоиться и придумать план, как все закончить, ко мне подошел парень.

Я видел, как он пришел на вечеринку со своими родителями, и мне не нужно было долго на него смотреть, чтобы понять, что он не станет запугивать меня или ставить в неудобное положение. Однако я отметил, что он не похож на остальных, что-то в нем было странным, иначе я даже не думал бы о нем, а просто задвинул в темные задворки своей памяти, ко всем остальным. Но вот он внезапно подходит ко мне, видимо намереваясь начать разговор.

Странным было то, что он не смотрел на меня. Он был около меня и улыбался, при этом не глядел мне в глаза. Парень стоял передо мной, переминаясь с ноги на ногу. Наклонившись немного в сторону, сжимая и разжимая руки под странным углом, он уставился в воздух надо мной и заговорил.

— Привет. Позволь представиться. Я Эммет Вашингтон. Как дела?

Я моргнул, не совсем его понимая. То есть я понял, что он сказал, но то, как он это говорил, было странно. Он говорил почти как робот, не делая пауз между словами и ставя ударение в неправильных местах. Даже вопрос звучал не вопросительно, он заставил свой голос повыситься, будто бы знал, как нужно задать вопросительную интонацию, но сделал это неправильно.

«С ним что-то не так», — шептал испуганный голос в моей голове. Ссутулившись, я отступил.

Эммет продолжал говорить, а я начал задаваться вопросом, может, в воздухе, около меня, находился его телевизионный суфлер, на который он уставился, такими отретпетированными казались его слова.

— Это прекрасный день для пикника, не правда ли? Не слишком жарко и не ветрено.

Я должен был хоть что-то сказать. Сейчас была явно моя очередь говорить, но я слишком растерялся. Почему он разговаривает со мной? И что мне сказать ему? Он просто вежлив. Возможно, мать Эммета тоже заставила его прийти на вечеринку и быть общительным. От этой мысли я немного расслабился. Очевидно, парень был с «особыми потребностями». Разве я умру, если буду вести себя с ним повежливее?

— П-привет. — Я смутился собственной глупости. Ну и кто теперь с «особенными потребностями», идиот?

Если Эммет и думал, что я тупил, то этого не показывал. Он терпеливо ждал, мягко покачиваясь на пятках, и смотрел в ту же точку над моей головой. Его поза была ужасно странной. Плечи его были приподняты, а руки он странным образом держал перед собой. Иногда он менял их положение, но всего на мгновение, а потом снова возвращал в прежнее положение. Он был милым. Его светло-каштановые волосы были слегка длинноватыми и обрамляли его лицо, как будто он был в мальчиковой группе. Его глаза, похожие на кристаллы с преломляющимся в них светом, были светло-голубыми, с множеством переливов.

— Теперь представиться должен ты, — наконец сказал Эммет.

— П-прости, — я было начал протягивать свою руку, но, трусая, отдернул ее и засунул под мышку. — Я Джереми.

— Приятно познакомиться, Джереми, — он снова замолчал, а я думал, действительно ли он считает, что должен сделать паузу, и молча ждал, когда он продолжит. — Этой осенью я перехожу на второй курс государственного университета штата Айова. Я учусь на факультете информатики и прикладной физики. Мне нравятся головоломки, игры и прогулки. — Еще одна пауза, такая же длинная, как и предыдущая. — А что насчет тебя?

Я чувствовал смущение, разрываясь между дискомфортом от того, что он не хотел уходить, и изумлением от того, что он только что сказал.

— Ты... ты учишься в университете? Изучаешь прикладную физику?

Внезапно я почувствовал, что мог ошибиться в своем предположении о его «особых потребностях». Это меня пристыдило, и я почувствовал вину и панику.

Эммет продолжил, несмотря на то, что я начал психовать.

— Я и правда учусь. Мы переехали сюда прошлой осенью, чтобы я мог поступить в университет. Для меня было бы не очень хорошей идеей жить в общежитии или самостоятельно, но мама сказала, что, в любом случае, это перемены. Мой папа работает научным специалистом в «КонАгра»³. Мама работает терапевтом неполный день в клинике

Эймса, а тетя Алтея работает в гастрономе на Вест-Стрит, она активистка. Я хочу быть программистом или физиком. Еще не решил. — Опять пауза. — А чем ты занимаешься, Джереми? Ты учишься?

Физиком. Я с трудом сглотнул, чувствуя себя смущенным, потерянным и неадекватным.

— Н-нет. Я ок-окончил в мае. Школу.

— Планируешь пойти в колледж?

Было приятно то, что он не думал, что я все еще учусь в школе, но говорить о том, что от колледжа я бегу как от огня было бы позорно.

— Я... не хочу, но мои родители... — Я огляделся, чтобы убедиться, что мама и папа не слышат. — Они заставляют меня поступить в университет Айовы.

Эммет нахмурился, и его раскачивания стали более явными.

— Очень жаль. Они должны позволить тебе самому выбрать, где в Айове ты будешь учиться. Есть хорошее учебное заведение, и оно находится прямо здесь, в Эймсе.

Было забавно, я почти почувствовал вину, говоря плохо о своих родителях, а Эммет как будто этого не заметил, что вдохновило меня на еще большее признание.

— Я вообще не хочу учиться.

Его взгляд не отрывался от пространства над моим ухом.

— А чем ты хочешь заниматься?

— Я не знаю. — Продолжать смотреть на него было слишком, из-за этого я чувствовал себя разбитым, поэтому уставился в землю перед собой. — Я хочу отдохнуть. Прошлый год был трудным, особенно последний месяц. Но, думаю, такова реальная жизнь.

— Что было трудно?

Недолгий разговор с Эмметом был хорош, почти приятен, но теперь я хотел остановиться. Я пытался придумать, как бы выйти из разговора.

Эммет перестал раскачиваться.

— Извини. Я поставил тебя в неудобное положение? Это был неудобный вопрос?

Я удивленно на него посмотрел. Теперь он раскачивался еще сильнее. Он был расстроен. Я должен был заставить его перестать волноваться.

— Это был не неудобный вопрос. Просто я... запутался.

— В последнее время, когда я вижу тебя в твоём дворе, ты кажешься грустным.

Вау!

— Ты видел меня в моем дворе?

— Да. Ты живешь через железнодорожные пути от меня. Я вижу, как ты сидишь на крыльце или работаешь в саду. Иногда ты грустишь.

Вероятно, я часто кажусь грустным на заднем дворе, ведь я ухожу туда, когда хочу убежать от своих родителей. И то, что соседи наблюдали за мной, снова взволновало меня и смутило.

— Прости... меня.

— Почему ты извиняешься за то, что грустишь?

Мне нужно было прекратить этот разговор.

— Я... не знаю.

— Тебе снова неудобно.

Да, было неудобно. Я начал слишком быстро дышать и почувствовал, что мое сердце стучит так, что готово вырваться из груди. Я закрыл глаза. Боже, у меня начинается приступ паники прямо здесь, на вечеринке. Мать никогда меня не простит.

— Я... я должен идти.

Я огляделся, понимая, как много людей приехало на пикник, и насколько близко они от меня. Я дышал все чаще и чаще, мне хотелось плакать.

— Я не могу выбраться отсюда. Я в ловушке. Они будут злиться.

— Позволь мне помочь тебе.

Сначала, глядя на Эммета, я удивленно моргал, не понимая, что тот сказал. Он все еще не смотрел на меня, но перестал заламывать руки и ждал, прекратив качаться.

Я вложил свою руку в его. Не знаю почему, но я позволил ему увести меня подальше от дерева, подальше от пикника. Он провел меня через мусорные баки, стоящие возле дома, позволив опуститься на скамью, и сел рядом со мной. Эммет отпустил мою руку, предоставив мне немного пространства. Он ничего не говорил, просто сидел со мной, пока я, успокаиваясь, глубоко дышал.

— С-с-спасибо, — сказал я ему, когда снова смог говорить.

Эммет сидел на своем месте, выпрямившись, и смотрел на мои колени.

— Я извиняюсь, если сказал что-то не то. Я пытался практиковаться, но воочию это сложнее.

— Ты практиковался?

— Да. Я давно хотел с тобой познакомиться.

— Ты... хотел со мной познакомиться? Давно?

— Да. — Он стал покачиваться, сидя на скамье, переместив пристальный взгляд на дерево. — Я хотел произвести хорошее первое впечатление, но вместо этого вызвал у тебя приступ паники. Прости меня.

Меня наполнил тупой и неприятный стыд.

— Это не из-за тебя. Я... запутался. Мне было стыдно признаться, что я не хочу учиться.

— Это большие перемены. Ты должен сказать родителям, что тебе необходимо все делать постепенно.

В моем горле зародился горький смех.

— Они говорят, что мне придется это сделать.

— Мне жаль. Это низко с их стороны.

Я не знаю, почему сделал это. Даже когда слова уже сформировались на моих губах, мозг пытался меня заткнуть, но Эммет превзошел все мои ожидания, и, видимо, когда это случилось, мои чувства отключились. Вместо того, чтобы оправдывать родителей, пробормотать «да, расскажи мне» или что-то еще, я выпалил:

— У меня депрессия.

— Оу. Ты имеешь в виду СДР? Серьезное депрессивное расстройство? Клиническую депрессию?

Я кивнул, стыдясь до кончиков пальцев.

— У меня... в школе был нервный срыв. Последние две недели я не ходил на занятия. А окончив школу, не пошел на выпускной, иногда мне не верится, что все это произошло на самом деле. Я все еще стою там, перед классом, теряя сознание из-за того, что мне не хватает воздуха. — Тот ужасный день, всплывая в памяти, затмевал разум. — Мой врач хочет, чтобы я начал принимать лекарства, но родители запрещают это делать.

— Современное антидепрессивное лечение увеличивает количество моноаминов⁴ в синапсах⁵, и клинически доказано, что во многих случаях это поднимает настроение и облегчает депрессивные симптомы. Иногда для того, чтобы подобрать нужный препарат,

требуется время, и некоторым людям они не помогают, особенно если не добавлять беседы с психиатром, но для ряда пациентов они эффективны.

То же самое сказал мне врач в мае, но, кажется, сейчас я понял ненамного больше. Это укрепило мое мнение о том, каким умным был Эммет, хотя казалось, мне придется сочинять маленькие предложения, чтобы он меня понимал. Я хотел спросить его об этом, но мог думать лишь о том, что именно с ним было не так, и это ужасно.

— Откуда ты так много знаешь о депрессии? — спросил я вместо этого.

— Я читал об этом. В тринадцать лет у меня был депрессивный период, и я исследовал свое состояние. Лекарства не желательны для подростков, за исключением особых обстоятельств, так что я практиковался в медитации. Также мне помогло то, что я перешел на домашнее обучение. Сейчас у меня иногда возникает беспокойство, но я пытаюсь вносить в свою жизнь нововведения и избегаю стрессовых ситуаций.

Как он может говорить об этом так, будто здесь нет ничего особенного? Как будто депрессия — это что-то привычное и нет ничего особенного в том, что из-за этого он не учился в школе.

— Нововведения?

— Да. У меня много нововведений. У меня всегда есть план и знаки, которыми я показываю своей семье, что я расстроен. В университете сложнее, но я стараюсь держать все в себе, не разговариваю с людьми, и тогда они оставляют меня в покое. Поскольку я одарен, мои преподаватели помогают мне справляться с грубыми студентами. Мои сверстники иногда меня оскорбляют, но я вставляю в уши наушники и не слышу их, и все снова становится нормально.

— Почему... они оскорбляют тебя?

— Потому что я аутист.

Я не знаю, что я ожидал от него услышать, но не это. Я почти уверен, что смотрел на него, скорее всего, с открытым ртом.

— Ты... ты... аутист? — Я прикусил язык, прежде чем продолжить. — Ты не можешь им быть.

Да, что-то с ним было не так, но... аутизм? Аутисты ведь не могут разговаривать, не могут прикасаться к людям.

Эммет продолжал смотреть на дерево.

— Да. У меня расстройство аутистического спектра. Мой мозг работает иначе, чем у большинства людей. Но это не похоже на депрессию, где все дело в моноaminaх. Это проявляется в нарушении общения, в том, как ведет себя мое тело, в моих манерах. Еще я умнее большинства, но у меня трудности в общении с окружающими. Поэтому почти все люди ведут себя, как будто со мной что-то не так, будто я дурачок.

Так же делал и я. Я чувствовал себя ужасно.

— Прости меня.

— Все в порядке. Они многое упускают. — Он снова замолчал, но на этот раз я был уверен, что он не ждет, а решает, что ему сказать. — Я надеялся, что ты захочешь дружить со мной.

Я вспомнил, как он сказал, что давно хотел встретиться со мной. Я понял, что он набирался смелости, как будто я был из тех людей, с которыми не терпелось познакомиться. Эта мысль заставила меня чувствовать себя замечательно и застенчиво одновременно.

— Я не интересен. У меня не так много друзей.

— У меня тоже, — он повернул лицо так, что почти посмотрел на меня и протянул мне свою руку. — Что думаешь? Мы можем дать завертеться дружбе между нами?

Я уставился на его руку, не зная, что с нею делать. Я был смущен, польщен, испуган, но, прежде всего, я был загипнотизирован и вложил свою руку в его. Когда он сжал мои пальцы, трепет промчался сквозь меня.

Впервые со дня моего позора я не думал о том, как остановить этот мир, чтобы избежать провала, которым являлась моя жизнь. Я думал об Эммете Вашингтоне, о физике, об аутизме, о моноaminaх.

Я думал о том, каково быть его другом.

Глава 3

Эммет

Я был взволнован тем, как хорошо прошла встреча с Джереми. Хотя и боялся, что его приступ паники был плохим знаком, но даже приступ ничего не испортил. Джереми оказался таким, каким я надеялся, и даже более того. Однако я переживал из-за его депрессии, и из-за того, что его родители не помогают ему с лечением. И волновался, что осенью, с отъездом в колледж, он останется без друзей, которые могли бы ему помочь. Хотя сейчас еще не осень.

Мы обменялись номерами сотовых, и я уже отметил в своем календаре, что утром надо бы ему позвонить и договориться о встрече. Но Джереми написал мне первым.

Было 21:18. Я работал над задачами по математике, когда мой телефон завибрировал. Этот звук оповещал о том, что пришло новое смс, которое обычно подразумевало спам. Чаще всего я их игнорирую и позволяю папе разобраться с ними, потому что если спам грубый, то меня это расстраивает. Но я вспомнил, что не назначил тип вибрации на звонок Джереми и не настроил его контакт, только записал его имя и телефон. Это было нетипично для меня, я никогда ничего не забываю. Джереми был для меня необычен.

Где-то минуту я напевал, качаясь в кресле, и пытался решить, что мне делать. Вот еще кое-что о моем мозге: по словам моей мамы, он ведет себя так, будто на нем сидит осьминог. Это еще одна метафора, но, в отличие от метафоры про ложки, эту я понимаю. На самом деле у меня в черепе, конечно, нет никакого моллюска, но мой мозг действует так, как если бы тот там был. Он сидит тихо, пока кто-то в него чем-то тычет, а потом перемещается с помощью своих щупальцев, заставляя меня нервничать. Мне не нравится эта метафора.

Плохо, если на вашем мозге живет осьминог, даже если вам так просто кажется. Мама говорит, что мы не можем вынуть его, не причинив вред мне, поэтому я живу с осьминогом. Это противно, но я ничего не могу изменить.

Так что я напеваю, качаюсь в кресле и размахиваю руками.

Мне пришлось напевать и качаться до 21:23. Я хотел поговорить с Джереми, но не мог узнать, от него ли это сообщение, пока не посмотрю на телефон, на котором должно высветиться — это Джереми Сэмсон, неизвестный номер или неприятный, грубый спам. Я мог бы попросить посмотреть маму, но она захочет поговорить, а сейчас мне не хотелось с ней разговаривать. Я хотел, чтобы это оставалось только между нами: мной и Джереми. Никаких мам, пап или Алтей.

Если это грубый спам, я побегу за кувалдой, чтобы обрушить её на свою кровать. Так я пообещал своему осьминогу и это сработало. Я перевернул свой телефон экраном вверх и нажал кнопку «Home». В окне разблокировки отобразились имя, номер Джереми и сообщение от него, начинающееся со слова «Привет».

Теперь я напевал, потому что был счастлив. Я разблокировал телефон движением пальца, и, открыв смс, засмеялся. Это был мой текст, моя шутка, которую я написал, когда вводил свой номер в его телефон, и отправил себе, чтобы на моем телефоне высветился его номер.

«Привет Эммет, это пишешь ты сам, с телефона Джереми».

Это все еще было забавно. Я хорошо шучу.

Я хотел написать ответ, но сначала заполнил его контакт и установил на него тип вибрации, чтобы в следующий раз знать, что смс пришло от него. Я выбрал для него звук сердцебиения, потому что он заставлял мое сердце забавно биться и потому, что я хотел, чтобы он стал моим парнем. Вы используете знак сердца для своих парней. Или девушек. Если вы не гей или лесбиянка.

Я надеялся, что Джереми гей. Хотел задать ему этот вопрос, но Доктор Норт и мои родители с серьезными лицами предупреждали меня о том, что я не могу спрашивать такое у людей вот так, прямо в лоб. Я этого не понимаю. Если быть гомосексуалистом естественно и нормально, то почему спросить у кого-то, является ли он геем — так страшно? Они говорят, что это из-за людей по ТВ и недобрых церквей. Их сердца больны, и они могут их излечить, но как правило не хотят. Рядом с ними опасно находиться. Они проецируют ненависть на людей, не понимая, что это может задеть меня или других гомосексуалистов. А в некоторых странах геев убивают.

Я рад, что живу в Айове, а не в тех странах, и рад, что наша церковь сама по себе не так плоха. Айова хороший штат с высокой степенью толерантности. В нем одобрены однополые браки, здесь появилась первая женщина адвокат, а женитьбу людей с разными цветами кожи разрешили еще до начала гражданской войны. Айова хорошее место. Есть здесь некоторые люди с больными сердцами, но с большинством людей все в порядке.

Я беспокоился, был ли в порядке Джереми. Если его сердце окажется больным, я буду долго использовать кувалду по её прямому назначению.

Я закончил заполнять контакт Джереми и написал ему.

«Привет, Джереми. Это Эммет. Ты не обязательно должен подписывать свои смс. Мне предпочитаю делать так же. Мне нравится, как это выглядит. Как будто я там, в этом тексте. Я рад, что ты написал мне».

Он прислал ответ не сразу, но я был терпелив, ведь он мог отойти в туалет, ну или он ложился спать раньше меня. Мне не пришлось долго ждать, прежде чем я почувствовал вибрацию сердцебиения в своей руке.

«Спасибо за сегодняшнее знакомство. Мне понравилась встреча с тобой».

Смс заставило меня улыбнуться. Не так широко, как когда он согласился стать моим другом, но на моем лице все равно растянулась приятная улыбка. Я напевал, пока набирал ответ.

«Я хочу встретиться завтра. Чем тебе нравится заниматься? Во сколько ты будешь свободен?»

Я хотел увидеть Джереми завтра. У меня было несколько свободных часов в моем расписании. Мы могли увидеться в это время.

«Я ничем не занимаюсь. Открыт для всего».

Я колебался, пытаюсь понять, что означает «открыт для всего». И прежде чем я это понял, написал Джереми.

«А тебе чем нравится заниматься?»

Я расслабился, потому что понял вопрос.

«Многим. Математика замечательна, как и компьютерные игры. Иногда я сам их создаю. «Майнкрафт» хорош, но не на сервере. Мне не нравится стрелять в играх.

Я люблю читать. Люблю покер, но людям не нравится играть в него со мной».

«А почему им не нравится?» — спросил он.

«Им не нравится, когда я считаю карты, а меня раздражает играть без подсчета».

«Хм. Ну, в любом случае, я не умею играть в покер. Я играю в кое-какие компьютерные игры. Но мне нравятся старые игрушки, например — «Фараон».

Я отложил телефон и загуглил: «компьютерная игра — Фараон».

Скачайте игру, и она расскажет вам о Древнем Египте.

Я просмотрел скриншоты игры и прочел несколько обзоров, среди которых увидел комментарии Джереми. Я нашел его в интернете. Это было забавно.

«Хочешь прийти завтра ко мне и посмотреть игру?»

Так трудно ответить. Да, я хотел, но я занервничал, думая о том, что пойду в гости к Джереми. Я бы предпочел, чтобы он пришел ко мне. Но «Фараон» был компьютерной игрой, а у меня дома была только техника «Эпл», потому что они лучшие.

Я напевал и качался, пытаюсь придумать, что же предпринять.

Прежде чем я смог ответить, Джереми написал снова.

«Или мы можем пойти к тебе».

Это заставило меня чувствовать себя лучше. Но я вспомнил, что у Джереми бывают приступы паники.

«Ты не будешь нервничать, придя ко мне домой?»

«Буду. Но я всегда нервничаю».

Мне было грустно от того, что Джереми постоянно нервничает. Его мозговой осьминог, должно быть, ужасен. Я хотел сказать, что приду к нему домой, чтобы он не нервничал, но не думаю, что смог бы. Мы застряли. Я не хотел возвращаться к тому, что было неделю назад, к наблюдению за ним во дворе, пока он косит газон. Если не было дождя, он косил газон всего раз в неделю, а не по привычному графику, и из-за этого я иногда пропускал этот момент.

Потом у меня появилась идея.

«Мы могли бы встретиться на железнодорожных путях. Тот, кто будет нервничать меньше — пойдет в гости к другому».

Джереми написал мне спустя полминуты.

«Это может сработать. Когда ты хочешь встретиться?»

Я открыл календарь, чтобы посмотреть свое расписание. Оно всегда было заполнено, и запланированные дела были выделены разными цветами. Дела под красным цветом изменять и переносить было нельзя. Например, такие как сон. Прежде чем изменить или перенести дела под желтым цветом, я должен был обсудить это с мамой. А дела под зеленым цветом я мог менять по своему усмотрению. Зеленый цвет заполнял промежутки в девять, десять, одиннадцать часов, в час, в два часа, в три и четыре часа. Я хотел пробыть с Джереми несколько часов. Поэтому выбрал утренний зеленый промежуток. Но я не знал, что мне

следует выбрать: утро или день.

«Ты просыпаешься рано или спишь допоздна?»

«Обычно я сплю допоздна, но могу поставить будильник».

Мысли о том, что он готов изменить для меня свой режим сна, обрадовали меня. Но он не должен был этого делать. Сон был важен.

«Давай встретимся в час».

«Это вписывается в твой график?»

«Я свободен до пяти».

Я хотел объяснить, что в пять часов я хожу по магазинам с Алтеей, а потом ужинаю, но это была лишняя информация, которую люди не всегда хотят знать. Плюс, я должен был бы объяснить, кто такая Алтея, а это не всегда легко.

«Час звучит хорошо. Я встречу тебя на железнодорожных путях».

Я улыбнулся. У меня будет свидание. Мое первое свидание. Но потом я вспомнил о поезде.

«Иногда в час дня там проходит поезд. У них нет регулярного графика, но иногда они проходят в то же время, в которое мы договорились встретиться. Если появится поезд, то мы можем переждать его каждый в своем дворе и встретиться, когда он пройдет. Тебе нельзя подходить к поездам слишком близко. Может произойти несчастный случай».

«Ладно. Я буду наблюдать за поездом и за тобой».

Мама постучала в мою дверь четыре раза, чтобы я знал, что это она.

— Пора спать, милый.

Она была права. В 21:50 на моем телефоне должно проиграть напоминание, которое оповещало о том, что пора почистить зубы, надеть пижаму, приготовить одежду на завтра и лечь в постель. Я написал Джереми.

«Мне пора ложиться спать. Увидимся завтра».

«Хорошо. Спокойной ночи. Спасибо за то, что уделил мне время».

Только Джереми мог заставить меня так широко улыбаться. Улыбка растянулась на моем лице, пока я набирал сообщение.

«Если хочешь и если не будешь спать, можешь написать мне утром. Я не могу разговаривать в двенадцать часов за обедом, но у меня на тебя стоит виброзвонок, и я буду знать, что пишешь ты. Я отвечу, если не буду занят».

Я хотел рассказать ему о вибрации в виде сердцебиения, но эта информация тоже была лишней. Это означало, что я буду должен сказать ему, что хочу, чтобы он был моим парнем. Было слишком рано произносить это вслух — это понимал даже я. Иногда чувствам приходится ждать.

Пришел ответ от Джереми.

«Спасибо. Может быть, я напишу».

«Спокойной ночи, Джереми».

«Спокойной ночи, Эммет».

Глава 4

Джереми

Никто не спрашивал меня о том, что такое депрессия. Ни Барт, ни школьный психолог,

ни наш врач, ни мои родители. Все считали меня фриком и воспринимали несерьезно. Все, кроме Эммета.

В день, когда мы должны были встретиться, действительно прошел поезд, но я видел, что Эммет ждал меня в своем дворе, покачиваясь на пятках и постукивая пальцами по ноге, когда мимо проезжали вагоны. Он не смотрел на меня, что до сих пор казалось странным, но, по правде говоря, когда на меня смотрели люди, я чувствовал себя разбитым, и мне приходилось отворачиваться.

Я задумался, а бывал ли он подавлен или у аутистов все по-другому? И мог ли я спросить его об этом?

Когда поезд прошел, я, как и Эммет, стал переходить через железнодорожные пути. Он все еще не встречался со мной глазами, хоть и глянул на меня несколько раз. Крошечная улыбка играла на его губах.

— Семьдесят семь вагонов и три двигателя. Один из них сзади. — Эммет обхватил себя руками и стал покачиваться на пятках, твердо стоя на ногах и устремив взгляд мне за плечо. — Извини. Это грубый способ поздороваться. Привет, Джереми. Рад видеть тебя снова.

Я улыбнулся и обнял себя, скопировав его позу.

— Я тоже рад встрече.

Он казался обеспокоенным, но голос его звучал ясно и ровно.

— Сегодня хороший день. Двадцать пять градусов тепла и только семьдесят процентов влажности. Дождя не будет. Мне нравится дождь, но сегодня мне хорошо и без него. Сегодня солнечно, но у нас на веранде есть зонты и рядом растут большие деревья. В тени удобно. Ты хотел бы посидеть у меня на веранде?

Зрительный контакт был бы и вполтину не таким тяжелым, как слова, сказанные им. Я сделал все возможное, чтобы понять, что он сказал. Хочу ли я посидеть на веранде с ним? Да, но мне потребовалась минута, чтобы ответить.

— Да, спасибо.

— Если ты слишком нервничаешь, то мы могли бы посидеть на твоей веранде. Моя мама испекла банановый хлеб. Без глютена и сахара. Мы используем стевию⁶. Воздействие глютена на РАС⁷ не доказано, но в любом случае стевия не вредна и в ней есть скрытая польза. Сахар вреден для твоего мозга и тела. Здоровье важно, а питание — это здоровье. В качестве исключения папа иногда водит меня поесть мороженого, потому что, как он говорит, удовольствие тоже важно для нашего здоровья. — Он остановился, а потом снова стал покачиваться. — Я думаю, что пичкаю тебя лишней информацией. Прости. Я нервничаю. Сложно запомнить, о чем с тобой лучше не говорить.

Его честность — вот что привлекло меня в нем вчера. Из-за этого же меня тянуло к нему и сегодня. Сказать, что Эммет был просто честен все равно что упомянуть, что на поверхности солнца тепло.

Ещё он был милым, и я мог смотреть на него, потому что он не смотрел на меня. Его губы были не слишком тонкие и не слишком пухлые, нежно-розового цвета. Но больше всего мне понравилась его шея: гортань, ключицы и гладкая кожа. Я волновался о том, правильно ли было думать, что он милый. Меня ужасно беспокоило то, что мой взгляд, обращенный на него, казался похотливым. Я беспокоился о том, почему не могу бросать на него похотливые взгляды, ведь Эммет ясно дал понять, что аутизм — это не умственная отсталость.

Из-за всего этого я чувствовал себя словно в скорлупе. Меня беспокоят все эти правила, и я начинаю паниковать, потому что ни на что не могу найти четких ответов.

Я ничего ему не ответил, но он не был зол или взволнован. Он просто ждал.

Я сделал глубокий вдох и сказал:

— Я нервничаю, но я всегда такой. Это нормально. Пойдем посидим на твоей веранде.

Банановый хлеб — звучит здорово.

Эммет расслабился.

— Хорошо. Пошли.

Он пошел по направлению к своему дому и продолжал говорить, повернув свою голову так, чтобы я мог его слышать.

— Мама печет хлеб двух видов. Один с грецкими орехами, другой без. Я не люблю есть грецкие орехи. Они очень странной структуры. Ты можешь кушать любой хлеб, который хочешь. Но она, наверное, предложит сначала выпить водички.

Я кивнул, но потом понял, что он на самом деле на меня не смотрит и ответил:

— Окей.

Он продолжал говорить, рассказывая обо всех ингредиентах бананового хлеба, о том, как вели себя в выпечке разные виды муки, про важные свойства яиц и глютена, и хоть я его и слушал, в основном я размышлял.

Я никогда не встречал никого похожего на Эммета. Он напоминал мне одного парня из нашего класса, Кайла, у которого был ДЦП. Церебральный паралич иногда повреждает головной мозг, а иногда нет, но из-за физических дефектов он отличался от других. В средней школе мы с Кайлом были друзьями, но в девятом классе он уехал. Кайл был не глупее меня. Его лающий смех, странные звуки, которые он издавал и размахивание рукой было легко забыть, потому что в действительности они не отражали его внутренний мир. То же самое и со мной. Я замыкаюсь в себе, трудно объяснить, что чувствую, но чувствую немало. Мне хочется обзавестись друзьями. Но с Эмметом было не просто. Обычно я наблюдаю за людьми в поисках подсказок, чтобы знать, как себя с ними вести, он же не дал ни единой подсказки. Я хотел расспросить Эммета об аутизме, но переживал, что это будет грубо. Не хотел ранить его чувства.

Когда мы пришли на веранду, Эммет указал на стул.

— Ты садись здесь. Я подниму зонт и скажу маме, что мы готовы перекусить.

Он крутил ручку зонта, пока тот не раскрылся над нами. Эммет смотрел на ручку, и на мгновение мне показалось, что он напевал. Закончив с зонтом, Эммет не пошел в дом, а достал из кармана телефон. Он набрал какое-то сообщение, положил телефон на стол и сел.

— Все, я убираю телефон и отвечу, только если позвонит или напишет мама. У нее могут появиться вопросы. Она может спросить, какой вид хлеба ты хочешь: с грецкими орехами или без.

Я пребывал в панике, пока пытался решить, какой выбор будет правильным, но продолжать нервничать было трудно, поскольку Эммет ничем мне не угрожал. Кроме того, я не люблю грецкие орехи.

— Без, пожалуйста.

— Хорошо, я ей скажу. — Он отправил еще одно смс и отодвинул телефон в сторону.

Эммет сел на краю стула, как мне показалось, намеренно, чтобы не раскачиваться.

— О чем бы нам поговорить?

Это был простой вопрос, но больше был похож на мину или на огромную водную горку, по которой я одним стремительным движением скатывался на дно реки, где не мог сориентироваться. Я не знал, о чем говорить. Я ни с кем не общался. Это было катастрофой.

Я чувствовал стекающий по мне пот, мне было неудобно, и я захотел пойти домой. Потом я почувствовал себя просто ужасно. Темные воды давили на меня все тяжелее.

— Ты ссутулился. Нервничаешь. Я сказал что-то не то?

Его вопрос вытянул меня из этого болота так быстро, что я даже моргнул от удивления.

— Что? Нет. Прости. Я не особо в этом хорош.

Эммет уставился на ручку зонтика.

— Ничего страшного. Но эту фразу ты не употреблял раньше. И в чем же ты не особо хорош?

Он был таким напряженным. Я был не уверен в том, что следует сказать или сделать.

— Да во многом. Мне трудно разговаривать с людьми.

Эммет кивнул.

— Мне тоже. Я хочу с ними общаться, но люди не понимают меня. Они очень сердятся. Или грубят, что еще хуже. Я не могу понять их из-за аутизма. Не могу смотреть на лица людей, а они говорят непонятные вещи. Ты сказал, что не хорош в этом, но не объяснил, что это значит, поэтому я тебя не понимаю. Я стараюсь быть четким и точным, когда разговариваю, но иногда — это плохо. Мне сложно разговаривать с людьми. А почему тебе трудно?

Мне потребовалась секунда, чтобы переварить тот факт, что он сказал о своих ограниченных способностях так же небрежно, как если бы просто порезался о бумагу. Плюс, он предоставил мне много информации о себе, полезной информации. Четкий и точный. Честно говоря, это меня освежило.

Я задумался, а мог бы и я быть таким же?

— Прости, если говорю что-то не так, — сказал Эммет. — Если скажешь, что это плохо, я просто помолчу с тобой.

Я заставил себя посмотреть ему в лицо, пока отвечал.

— Все в порядке. Я пытаюсь найти на все ответ. Это одна из причин, по которым мне тяжело общаться с людьми. Я беспокоюсь, что говорю что-то не то, и иногда из-за этого вообще молчу. Ответ на вопрос занимает у меня много времени.

Эммет оживился.

— Вот почему мы можем быть хорошими друзьями. Если ты скажешь мне что-то лишнее, я скажу тебе об этом. Тогда ты сможешь остановиться и все будет прекрасно.

Он стал раскачиваться на своем стуле.

— Спасибо, что рассказал мне о том, что ответ на вопрос занимает у тебя время. Я постараюсь быть терпеливым. Но ты должен будешь сказать мне, если я буду недостаточно терпелив.

Его слова звучали так просто.

— Я не хочу тебя расстраивать, даже случайно.

— Случайности случаются. Мир останется непредсказуем, даже если мы все будем придерживаться графика. Иногда я опаздываю куда-то из-за пробок. Иногда из-за бури или непогоды закрывают дороги. Это расстраивает меня, но я не позволю этому разрушить мою жизнь. Если ты сказал что-то не так, и это расстроило меня, я хотел бы сказать тебе об этом, и ты бы остановился, и стало бы не важно, что ты сказал что-то не так. Мы же друзья. Друзья прощают друг друга.

Он начал раскачиваться, а потом остановился.

— Тебя беспокоит то, что я качаюсь. Иногда это бесит людей, но меня это успокаивает.

— Мне все равно. — Я смотрел, как он снова стал слегка раскачиваться на своем стуле.

— Ты нервничаешь, правда?

— Да, и я не знаю почему, и именно это заставляет меня нервничать еще больше. Но я не хочу заканчивать наше свидание. Так я успокаиваю себя.

Чем больше я сидел с Эмметом, тем больше я был очарован. В основном он озвучивал все, что чувствовал я, за исключением того, что я иногда ругал себя и чувствовал себя неловко, а он... качался. И был настолько прагматичен, насколько я мог лишь мечтать.

Я тоже не хотел заканчивать это свидание. На этом месте я остановился, задумавшись о том, что он назвал нашу встречу свиданием. Очевидно, он не имел в виду именно свидание. Хотя, может, и имел.

Эта мысль заставила меня чувствовать тяжесть и беспокойство, и мне пришлось её оттолкнуть.

Потом появилась его мать с подносом, на котором стояли две тарелки и два стакана воды. Эммет взял с подноса свои тарелку и стакан, а я позволил его матери поухаживать за мной, после чего поблагодарил её.

— На здоровье. — Она улыбнулась и протянула мне руку. — Здравствуй. Я Мариетта Вашингтон. Приятно с тобой познакомиться.

Я пожал её руку.

— Джей Джереми. Мне тоже приятно с вами познакомиться.

Её лицо было оживленным и ярким, и таким же классным, как у Эммета.

— Если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать.

— Мам, уходи. Я хочу остаться с Джереми наедине.

Я вздрогнул от его грубости, но Мариетта отнеслась к этому спокойно. Она повернулась к Эммету и молча вытянула перед ним два пальца. Он скорчил рожу и коснулся своими тремя пальцами её двух.

— Я буду в доме, если кому-нибудь понадобится, — произнесла она и вошла в дом.

Эммет качался на своем стуле, уставившись на ручку катушки зонтика.

— Ты хочешь поесть или продолжить разговаривать?

Я смутился.

— А мы не можем делать и то и другое одновременно?

Эммет покачал головой.

— Нет. Лучше по отдельности. Я хочу продолжить говорить, но невежливо отрывать гостя от еды. Если ты голоден, я могу подождать.

— Лучше поговорим, — предложил я ему.

Я и правда был не голоден.

Эммет казался взволнованным.

— Её появление было неожиданным, я думал, она сообщением предупредит о том, что идет. Я хотел спросить тебя кое-что о нервозности и депрессии.

Я моргнул.

— Хочешь? То есть правда хочешь?

— Да. Я хочу узнать тебя. Так я не буду ошибаться.

Окей. Это было прагматично. Размышляя, я откинулся на спинку стула.

— А я могу спросить тебя об аутизме?

Он улыбнулся. Не широко, но все-таки улыбнулся.

— Да. Ты всегда можешь спрашивать меня о моем аутизме. Тогда ты будешь об этом

знать, а знания важны.

Теперь его раскачивание было плавным. Что заставило меня думать о том, что это было счастливое раскачивание.

— Но я уже рассказал тебе некоторые вещи о моем аутизме. Теперь твоя очередь рассказать мне о твоей депрессии. Сегодня утром я немного обновил свои знания в этой области. Это интересно, но, кажется, существует мало определенных причин заболевания, и это затрудняет лечение. Какие лекарства ты принимаешь?

— Я не принимаю лекарств. Они говорили об этом, но... я не буду ничего принимать.

— Есть много лекарств, но у некоторых плохие побочные эффекты. То, что приходится пользоваться методом проб и ошибок, чтобы найти правильное лечение, неэффективно, ведь случаются рецидивы. Еще ты должен учесть необходимость физических упражнений и жирные кислоты Омега 3. Моя мама врач. Если хочешь, ты всегда можешь ее спросить о депрессии. И о здоровой пище. Это все, что она предпочитает есть. Но моя тетя Алтея еще хуже. Она строгая вегетарианка. Между мамой и Алтеей возникают споры о вегетарианстве и палео⁸. Иногда мы с папой позволяем им спорить, а сами идем к метро, покупаем фрикадельки и вместе смотрим «Братьев Блюз».

Я улыбнулся, но быстро наклонил голову, чтобы это скрыть.

Он по-прежнему мягко раскачивался, но теперь еще и похлопывал по себе руками.

— Что чувствуют при депрессии? В статье говорилось о подавленном настроении и низкой самооценке. Это значит, что ты все время грустишь? Кроме того, там было сказано, что часто депрессия протекает одновременно с клинической тревожностью. У тебя есть еще и тревожность?

— Я... не знаю.

Клиническая тревожность? Какого черта это значит? Я хотел сказать «нет», что бы это ни было. Мне не нужен был еще один недуг, но было трудно спорить, учитывая, что я прятался в школьном туалете и нервничал по поводу похода в магазин.

И, вероятно, *клиническая тревожность* была обратной стороной *серьезного депрессивного расстройства*. Почему врач не спросил меня об этом? Потому что я не рассказал ему про приступы паники? Если бы я поделился, сказал бы он, что у меня к тому же еще и клиническая тревожность? Означало ли это, что я был слишком проблемным, и меня нужно поместить в интернат? Крошечные когти ужаса проникли в мой мозг, и я подумал: «*Да, у меня точно клиническая тревожность. У меня было и то, и другое. И, наверное, это плохо.*»

Я взялся за хлеб, в основном, чтобы занять свои руки.

— Депрессия была у меня не всегда. Но я всегда был тихим. Мне стало плохо в школе.

Я пытался придумать, как ответить на вопрос Эммета о том, как я её ощущал. Я убрал вопрос о тревожности в коробку в своей голове и запечатал скотчем.

— Депрессия похожа на шар вокруг тебя. Стекланный шар, который можно видеть, но он отдаляет тебя от мира. Ты ощущаешь тяжесть и одиночество. И иногда шар становится туманным.

Я мог видеть этот шар у себя в голове, себя в этом шаре.

— Несмотря на то, что я внутри, снаружи все слишком громко. Так что я нахожусь под затуманенным стеклом, которое пропускает все звуки, запахи и свет. Иногда это вгоняет меня в панику, а некоторые звуки все равно заставляют чувствовать себя вялым и унылым. Или вообще ничего не чувствовать. Это мешает мне общаться с людьми, но без людей я

чувствую себя более одиноким.

С серьезным выражением на лице Эммет наклонился ко мне.

— Тебе нужны люди, Джереми. Люди — социальные животные. Нам плохо без общения.

Как будто я не знал. Прямо сейчас мне нравилось общаться. Это было странно, но я постоянно забывал о его аутизме, хотя тот становился очевиден, когда я смотрел на Эммета или когда он говорил. Но, главное, я чувствовал, что Эммет не раздражает меня, и ему не неудобно находиться рядом со мной. Что он тот, кто заставит меня почувствовать себя настоящим человеком.

Другом.

— Я рад, что мы стали друзьями. — Его пристальный взгляд сосредоточился на моей груди.

Я ему улыбнулся.

— Я тоже рад, что теперь мы с тобой друзья.

Эммет снова стал мягко раскачиваться.

— А сейчас я хочу съесть свой банановый хлеб. Ничего, если мы перестанем ненадолго разговаривать для того, чтобы поесть?

— Конечно. — Я не переставал улыбаться.

Было так легко, с ним было так легко. Я чувствовал себя прекрасно.

— Мы можем продолжить разговор после того, как поедем. Мне нравится с тобой разговаривать.

Нервозность, тревожащая меня весь день, постепенно начала угасать.

— Мне тоже нравится с тобой разговаривать.

Эммет и я не встречались каждый день, но мы всегда переписывались. Сначала это происходило в разное время, но на третий день он спросил, не могли бы мы закрепить за нашим общением друг с другом девять часов вечера, и заставил меня общаться с ним в «Гугл ток»⁹, а не в телефоне.

«Мне жаль, что у тебя нет «Аймака» или айфона, — написал он мне однажды ночью. — Интерфейс «Аймесседж»¹⁰ куда удобнее, а если бы ты сидел с «Эпл», мы могли бы легко переключаться с компьютера на телефон».

«У меня нет даже смартфона», — ответил я.

«У меня есть старый айфон, ты можешь взять его».

Я солгал Эммету, сказав, что посмотрю айфон. Я не хотел ему говорить, что мама с папой на это не согласятся. С момента пикника между нами по многим причинам была напряженная обстановка, и пройдет немного времени, прежде чем Эммет станет центром внимания в наших периодических спорах. Они видели, как я разговариваю с ним на вечеринке района, и спрашивали об этом по приезде домой, но, в целом, я их отшил. Могу сказать, что Эммет предпочитал оставаться у себя дома, так что мы тусили там, и, честно говоря, в доме Вашингтонов я тоже чувствовал себя лучше.

Когда я вернулся домой после того, как побывал у Эммета в гостях третий день подряд, я был рад, что не встречался с ним у себя дома, и поклялся, что этот день настанет, когда ад замерзнет.

— Где ты был? — спросила мама, едва я переступил порог. — Я обыскала весь двор, а тебя там не было. Ты снова шляется по железнодорожным путям?

Я подумывал соврать, но чувствовал, что врать об Эммете неправильно.

— Я ходил в гости к другу.

— К Барту? — поведение мамы тут же изменилось. Она улыбнулась и расправила плечи, как будто Земля вернулась на свою орбиту. — Я и не знала, что вы двое снова общаетесь. Как у него дела?

Теперь мне стало жаль, что я не последовал первоначальному порыву её обмануть.

— Не к Барту. К новому другу.

Я мог видеть, как на её лице формируется вопрос, своя оценка и осуждение Эммета, и решил её подловить.

— Он второкурсник. С двойной специализацией в информатике и расширенной физике.

— Или, может, в прикладной физике. Плевать, расширенной звучало лучше.

Она запнулась, сбита с толку.

— Студент университета здесь? Так далеко от кампуса. Или он арендует дом в этом микрорайоне?

— Нет. Он живет здесь с родителями. Ведь так можно сэкономить деньги. И мы живем не так далеко от университета, если срезать через парк. — Тут я решил его расхвалить. — Он очень умный. Программирует свой компьютер просто для забавы.

— Ох. — Мама расслабилась, утешившись мыслью, что я нашел хорошего друга, который сможет вправить мне мозги. — Как его зовут? Не могу поверить, что не знала о мальчике твоего возраста в нашем районе.

Мальчике? Мне что, двенадцать?

— Эммет Вашингтон, — ответил я и настороженно на нее посмотрел.

— Джереми Эндрю Сэмсон! — Она подошла и нависла надо мной. — Это ужасно, что ты лжешь об отсталом мальчике. Что ты с ним делаешь? Нянчишься?

Я удивленно моргнул, пораженный её жестокостью и бесчувственностью, надеясь, что она говорила не всерьез. Она просто ничего о нем не знала.

— Мама, он получил высший балл на своем факультете. У него действительно двойная специализация в области информатики и физики. Я не нянчился. Я тусовался с ним. Он не отсталый, да и в любом случае ты больше не должна употреблять это слово.

Она закатила глаза.

— Не парь мне мозги по поводу его гениальности в компьютерах. «Отсталый» означает задержку в развитии. Ты же не можешь сказать мне, что мальчик нормален.

Нет, я не мог, но иногда я думал, что он был куда нормальнее меня. Безусловно, у Эммета в связи с его аутизмом были странности, но его прагматизмом я не просто восхищался, а находил его успокаивающим. По крайней мере, я всегда знал, как себя с ним вести. Если он не хотел что-то делать, он это говорил. Если что-то было для него важно, он тоже давал об этом знать. Он был добрым, хотя и заметил во мне то, чего лучше бы другие люди не замечали, и он считал мои странные причуды просто частью меня.

Величайшим примером был день, когда мы пришли в «Уистфилда» — продуктовый магазин в конце улицы. Маме Эммета нужно было купить что-то на ужин, и он спросил, можем ли мы ей помочь, сходяв с ней.

— Как мило, что ты предложил это, Эммет, — сказала она и поцеловала его в щеку. — Я возьму список покупок и тележку на колесах.

Не знаю почему, но я был невероятно взволнован, выполняя с ним это поручение. Мы и раньше прогуливались по району, но обычно вечером, когда уже было прохладнее, а совершать вместе покупки было так по-семейному и по-взрослому что ли. Это вам не просто

болтаться по магазинам. Мы помогли с ужином, на который меня уже пригласили. Этот случай дал мне почувствовать себя частью семьи. Настоящей семьи. Хорошей семьи.

Не успели мы пройти и пары метров, как Эммет остановился.

— Нет. Тебе нужно идти с этой стороны. — Он подтолкнул меня к дальней стороне тротуара, ближе к домам. — Ты нервничаешь, когда идешь с другой стороны.

— Да?

— Да. Ты подпрыгиваешь, когда проезжает автомобиль. Ты это делаешь и на этой стороне, но здесь ты более расслабленный.

А я и не знал, что делаю так. Как много других людей это заметили?

— Я не знал. Прости.

— Не извиняйся. Но ты должен ходить по этой стороне, а не по той.

Оставшуюся дорогу мы не разговаривали, но, когда мы гуляем, обычно разговариваем мало. Я использовал это время, чтобы подумать, насладиться нашей с ним прогулкой. Кроме того, было забавно узнавать, что именно он считал. Я узнал, что если он молчит, то он что-то считает. Я часто спрашивал его об этом после наших прогулок, поэтому сейчас он сам рассказал, когда мы пришли туда, куда направлялись.

— Девятьсот тридцать одна трещина в тротуаре, — объявил он, когда мы добрались до магазина.

Он толкнул перед собой разноцветную, полосатую тележку, в которую, как объяснила Мариетта, мы должны будем положить пакеты с продуктами.

— Сто двадцать четыре неровных и восемьсот семь прямых трещин.

— Трещины на тротуаре? Наверняка ты уже считал их между своим домом и магазином.

— Да, но сегодня появились четыре новых.

Я задался вопросом, каково это иметь мозг, который запоминает столько вещей. Думаю, это было бы утомительно, но Эммет этим наслаждался.

Я собирался расспросить его о трещинах, но, когда мы вошли в магазин, я врезался в стену из шума. Я бывал в этом магазине раньше, и он мне нравился тем, что был небольшим, но я никогда не приходил сюда в то время, когда здесь в углу играли живую музыку. Магазин был полон людей, которые смеялись, говорили, совершали покупки. Мне было не до смеха. Все, чего я хотел — сбежать оттуда. Казалось, кто-то в моей голове стучал в тарелки. Стало трудно дышать. И мне было стыдно за приступ паники перед Эмметом.

А затем внезапно все прошло. Вернее, тарелки исчезли. Я все еще тяжело дышал, но мы были снаружи, и Эммет усаживал меня на скамью.

Он неловко коснулся моего лица.

— В магазине слишком громко.

— Прости, — попытался сказать я, но в основном прохрипел.

Он надавил на мою спину своей теплой рукой, чтобы я наклонился и просунул голову между своих коленей.

— Делай глубокие вдохи. Подумай о чем-нибудь хорошем.

Он был так спокоен и логичен, что это удивило меня, в основном из-за моего приступа. Мне потребовалась минута, чтобы восстановить над собой полный контроль, но я восстановился за гораздо меньшее время, чем обычно.

Мне стало грустно, когда он убрал руку.

— Тебе лучше. Нужно принести тебе попить. Ты в порядке?

Я кивнул.

— Хорошо. Я пойду найду Кэрол.

Я думал, что он зайдет внутрь, но он, раскачиваясь вперед и назад, слонялся у дверей магазина, пока наружу не вышла немолодая рыжеволосая женщина с яркой улыбкой и в фартуке, который говорил о том, что она сотрудник магазина.

— Привет, Эммет. Где твоя мать?

Эммет не смотрел ей в глаза и продолжал раскачиваться.

— Она дома. Я здесь со своим другом Джереми. Но ваша музыка слишком громкая, и в магазине слишком много людей. У него был приступ паники и ему нужно что-то попить. Для меня она тоже слишком громкая. Я к этому немного привык, потому что практиковался, но сейчас магазин мне не нравится. В нем неуютно нам обоим.

Кэрол повернулась ко мне, сочувствуя.

— Ох, милый. Мне так жаль.

Она разговаривала со мной, как будто я был четырехлетним. Я закрыл глаза, желая, чтобы она ушла.

Эммет её не щадил.

— Кэрол, ваша музыка слишком громкая. Вы расстраиваете людей, что плохо для вашего бизнеса. Алтея прочитала бы вам лекцию о эйблизме¹¹. Я бы тоже прочел вам лекцию, но сейчас не могу. Мы должны позаботиться о Джереми. Он расстроен и ему нужно чего-нибудь попить.

Я попытался сказать, что в порядке, но в порядке я не был. Эммет и Кэрол проговорили еще минуту, он попросил две минеральных воды с малиной, дал ей список покупок и кредитную карту его матери. Затем сел рядом со мной.

— Я прошу прощения за ее музыку. И злюсь на нее за то, что она расстроила тебя.

Он был самым спокойным злым человеком, которого я когда-либо встречал. Я все еще чувствовал себя неловко, хотя был рад, что Эммет встал на мою сторону.

— Все в порядке. Уверен, что нормальные люди наслаждаются вечеринкой.

— Не существует нормальных людей. Нормальность ложь. Магазин должен быть доступен для всех людей, а не только для тех, кому нравится громкая музыка. Это невежливо. Я расскажу об этом маме. Она член кооператива. Они должны учесть потребности всех людей. Проходы магазина должны быть достаточно большими для инвалидов колясок. Они должны создавать спокойную обстановку для людей, нуждающихся в спокойствии. Если бы наша чувствительность была стулом, они были бы обязаны предоставить для него отдельное помещение.

Он говорил тем же бесцветным голосом, что и всегда, но качался резче, сжимая и разжимая кулаки на своих коленях. Это был злой Эммет. Злой, защищающий Эммет. Злой для меня. Он бы вступился за меня.

— Спасибо, — поблагодарил я его.

Он посмотрел на меня. Ну, куда-то рядом со мной.

— За что?

— Ты позаботился обо мне. Спасибо.

Он выглядел удивленным. Эммет уставился на тротуар с его полуулыбкой.

— Не за что.

Вскоре появилась Кэрол с большим количеством извинений, наполненной покупками тележкой и шоколадными вегетарианскими кексами без глютена для Эммета и меня. Прежде чем идти обратно, мы съели кексы, запив их минералкой. К тому времени, как мы

добрались до его дома с продуктами для ужина, я уже забыл о своем приступе паники.

На самом деле я чувствовал себя прекрасно, пока не пришел домой, где моя мать скривила свои губы, а отец так и не удосужился вылезти из своей берлоги, слишком поглощенный телевизором. Я думал о Вашингтонах, когда уходил, они вместе мыли посуду и добродушно спорили о политике, все, кроме Эммета, который дал понять, что планировал потратить остаток вечера на программирование в своей комнате.

Я всегда знал, что моя семья была не самой потрясающей в мире. Когда Джен жила дома, было лучше, но ненамного. До этого дня я не понимал, насколько одиноко мне было в своем доме. Технически «в своем доме»... Я чувствовал себя счастливее и безопаснее, и мне не приходилось притворяться кем-то еще в гостинной семьи, которую я знал меньше месяца. Я пытался себе сказать, что оторваться от родителей — это плюс моего переезда в город. Но там я не найду другого Эммета. С каждым днем, проведенным с ним, я понимал, что нечто меньшее, чем такое счастье, будет казаться не стоящим усилий.

Глава 5

Эммет

К четвертому июля Джереми стал моим лучшим другом. Конечно, я и так чувствовал, что он мой лучший друг, но на празднике все стало абсолютно ясно. Отделившись от родителей, мы отправились на парад в центр города. Мы гуляли по карнавалу в Бэндшелл-парк и думали поплавать в аквапарке, но там было слишком много народа и вместо этого мы решили покататься на велосипедах в Ада-Хайден. Это огромный парк со своим собственным водохранилищем, в котором можно покататься на лодках, а также в нем имелось много мощных дорожек. Это был жаркий, знойный день, но я не придавал этому значения. Я был с Джереми.

Он пошел с моей семьей на холм на Шестой улице посмотреть. Живая изгородь из деревьев была не густой, и мы нашли место, где было негромко и немногочленно, и там были все наши знакомые. Пока мы сидели на одеяле, покрытые спреем от насекомых с запахом ванили, и наблюдали, как дети с бенгальскими огнями в руках сбегают по холму вниз к футбольному полю, я чувствовал все увеличивающееся напряжение. Я был счастлив. Так счастлив. Я все еще хотел, чтобы Джереми был моим парнем, и иногда думал, что он может быть геем, но даже если бы мы остались всего лишь друзьями, ничего страшного, мне достаточно и этого. Он был моим лучшим другом, а иметь такого близкого друга для аутиста проблемно. Нас тяжело понять. Но Джереми уже знал обо мне больше, чем кто-либо, даже больше, чем родители и Алтея.

Когда в небе над нами взорвался фейерверк, внутри меня назрело огромное желание рассказать ему о своих чувствах. Я был напуган тем, что счастье, которое я испытываю, исчезнет, если он, в отличие от меня, не считает нас лучшими друзьями, а также я волновался, что мой аутизм разрушит этот момент. Поэтому, несмотря на то, что мы сидели рядом, я написал ему смс.

«Джереми, ты мой лучший друг!»

Моя грудь нервно сжалась.

«Надеюсь, это хорошо».

Добавил я и нажал кнопку «отправить».

Его телефон издал мягкий звон. У меня перехватило дыхание, и на этот раз я ненавидел свою способность видеть краем глаза. Я не мог не смотреть, как он вытащил телефон, прочитал текст и ответил на смс. Когда завибрировал мой телефон, я практически решил не читать смс. Мне было жаль, что я вообще что-то послал. Если бы он сказал, что это не хорошо, моему счастью пришел бы конец.

Но, когда я набрался храбрости для того, чтобы прочитать смс, то прочитал в нем: «*Я тоже*».

Я улыбался, раскачиваясь на одеяле. У меня был лучший друг. Я хотел, чтобы он стал моим парнем. Тогда я бы попросил его взять меня за руку. Но я этого не сделал. Я просто наслаждался фейерверком с лучшим другом.

Мы тусовались вместе каждый день, обычно во второй половине. Часто мы играли в игры или прогуливались. Иногда мы сидели на веранде и молчали. Джереми любил читать, а когда об этом узнала моя мама, она отдала Джереми свою старую электронную читалку с кучей скаченных книг. Джереми не носил её к себе домой, но каждый раз, когда я предлагал посидеть на веранде, он читал, если мы не разговаривали. Мне нравились эти дни.

Я также показал Джереми «Братьев Блюз», когда тот признался, что не видел этот фильм. Мне понравилось смотреть кино вместе с ним, но сначала я не испытывал особого удовольствия. Мне тяжело давалось не показывать свой аутизм.

«Братья Блюз» не просто мой любимый фильм. Это одно из первых воспоминаний. Мой папа тоже любит это кино, и он включал мне его, когда я был совсем маленьким. Мама злилась на него за то, что я гулял вокруг и пересказывал весь фильм или использовал фразы из него, чтобы общаться. Если я хотел чего-то от мамы, я спрашивал её:

— Ты взяла мой сырный соус?

Я не хотел сырного соуса, но для моего мозга это был единственный способ что-то попросить, используя фразу из фильма. Когда я играл в кубики, то выстраивал их в ряд и цитировал ту часть фильма, где охранник (Фрэнк Оз, подаривший свой голос мисс Ригги и другим Мапетам) перечисляет список личных вещей Джейка Блюза:

— Одни разбитые электронные часы «Таймекс», одна неиспользованная прокладка, один кусок мыла, один черный пиджак.

А когда я не хотел что-то делать, я не просто говорил «нет». Я скрещивал руки на груди и произносил:

— Нет. Ни х*я.

Я этого не помню, но мама говорит, что я использовал фразы из фильма в своей речи с четырех лет и до детского сада. Больше я этого не делаю, но иногда мой мозг шепчет мне строки из фильма, когда думает, что наступает подходящее время, чтобы их произнести. Иногда люди понимают, что это цитаты из кино и смеются над шуткой. Но, когда я цитирую «Братьев Блюз», они смеются надо мной по-разному, поэтому я не делаю этого прилюдно.

Моему папе нравится, когда я пересказываю фильм, потому что, как он говорит, у меня получается удивительный Элвуд Блюз. Порой, когда мы сидели в машине, он спрашивал:

— Что это?

И я знаю, что должен процитировать ему часть об обмене «Кадиллака» на микрофон. Я постоянно говорю ему, что пора бы уже ему позволить мне садиться за руль, ведь Элвуд всегда водит машину. А он отвечает, что тогда я попробую прыгнуть с моста. Но это не правда. В Эймсе нет раздвигающихся мостов.

Пересказывать фильмы с папой забавно, но в просмотре кино есть своя проблема,

особенно если ты это делаешь не с членом своей семьи. Каждый раз, когда я смотрю кино, я говорю вместе с актерами. Я уже натренировался не повторять за ними вслух, но каждое, до единого, слово я произношу в своей голове. В средней школе я прочитал сценарий «Братьев Блюз» в Интернете и теперь, когда его смотрю, я вставляю сценические ремарки. Мой папа повторяет диалоги вместе со мной, если они ему нравятся, и его не заботит, сколько фильмов я выучил наизусть. Когда аутичные люди цитируют передачи и фильмы так, как делал я, когда был маленьким, это называется «эхолалия». Сейчас я ею не страдаю. Если я говорю, то это на сто процентов мои слова. Однако некоторые аутисты не могут остановиться и попугайничают, повторяя за передачами, фильмами или за людьми, которых видят. Некоторые из них ничего не могут с собой поделаться и не работают над этим. Это все из-за осьминогов в их головах.

Мне было трудно не повторять за «Братьями Блюз». Когда я смотрю кино, перед этим практически невозможно устоять. Я нервничал из-за того, как Джереми воспримет мой аутизм, если я начну попугайничать. Я не хотел, чтобы он решил, будто я странный, и нам не стоит быть лучшими друзьями.

Итак, пока Элвуд и Джейк не оставили монахиню, которую они называли пингвином, я сидел на краешке дивана, пытаюсь не качаться, не напевать, но больше всего стараюсь не попугайничать. Это был первый раз, когда мне не нравилось смотреть «Братьев Блюз».

Войдя в гостиную, мой отец произнес:

— Эй, ребята, пора бы вам научиться не разговаривать так с монахинями.

Я стал качаться вперед-назад.

— Папа, они уже это говорили.

— Я знаю. Но это один из моих любимых моментов.

Папа опустил в свое любимое кресло, большой пуф справа от телевизора, и усмехнулся, глядя, как Кертис говорит парням, что они должны добраться до церкви. Еще одна сложность. Обычно я подпеваю Джеймсу Брауну. На сей раз я не пел и ни за кем не повторял. Даже когда это делал мой папа. Даже когда он сказал:

— Проклятый ублюдок Христос, я видел свет!

Труднее всего было не танцевать вместе с Элвудом.

Когда они говорили о воссоединении группы, папа хмуро на меня посмотрел.

— Эммет, ты в порядке?

Я кивнул и уставился в пол. Я смотрю кино, но обычно я смотрю его, глядя в телевизор. Сегодня же я не мог так делать, потому что наверняка начал бы попугайничать.

Папа сначала молчал, а потом обратился к Джереми.

— Как тебе фильм? Я слышал, ты смотришь его впервые.

— Ничего так, — улыбнулся Джереми в ответ. — Забавный.

— Ты просто обязан попросить Эммета показать тебе Элвуда. Он знает каждый диалог. Каждый наклон головы Дена Эйкройда. Как-то на каникулах наша машина застряла, и, пока мы ждали эвакуатор, Эммет показал мне целый фильм. Лучшие два часа в моей жизни.

Я прекратил качаться и посмотрел на папу. Я не забыл, как, сидя в машине на темной дороге, пересказывал папе фильм. Я только не знал, что это было лучшим моментом в его жизни. Потому что моим он не был. Сложно было сидеть не качаясь.

— Обычно, — продолжил папа, — когда мы с Эмметом смотрим кино, то повторяем за героями, и если фильм клевый, то мы можем пересказать его полностью. Так что ты меня извини, если я буду так делать. Эммет добрый и позволяет тебе смотреть без наших

комментариев, но у него больше самообладания, чем у меня.

Улыбка Джереми стала ярче.

— О! Да бога ради, дублируйте! Жаль, я плохо запоминаю диалоги, а то бы повторял вместе с вами.

— Памяти Эммета хватит на весь мир.

Папа подмигнул мне и, приподняв бровь, заговорил вместе с Джоном Белуши.

— Во-первых, ты поменял «Кадиллак» на микрофон, во-вторых, врал мне о группе, а теперь хочешь вернуть меня в состав?

Я все еще нервничал. Не хотел попугайничать перед Джереми, но мой мозговой осьминог злился на меня за то, что я не повторял. Папа смотрел прямо на меня, когда началась вторая моя любимая сцена в фильме.

— Они не схватят нас! У нас своя миссия. С нами Бог.

Джереми засмеялся, и в моей груди все *затрепетало, затрепетало, затрепетало...*

Это был смех человека, услышавшего хорошую шутку.

— Боже мой, Эммет, ты был его копией!

— Подожди, — сказал папа. — Если мы сможем уговорить его на танец в Дворцовом бальном зале, это будет твой лучший день в году.

Я начал повторять все больше. Мне не хотелось повторять все подряд, как папа, но вскоре Джереми смотрел на меня больше, чем на экран, словно надеялся услышать что-то еще, поэтому я сдался и стал повторять все.

— Выезжайте с этой автостоянки.

— Хорошо.

Я любил смотреть за ездой Элвуда, и сцена в торговом центре заставляла меня смеяться. Казалось, водить автомобиль так весело. Я водил картинг в парках аттракционов. Это интересно. Хоть я и врезался в стены и в других водителей, никто не пострадал. Это классно.

Мы продолжали повторять, а Джереми смеяться, и довольно скоро эти два часа стали лучшими в МОЕЙ жизни. Когда мы добрались до отеля «Пэлас» и эпизода в Танцевальном зале, где Братья Блюз заиграли музыку, папа и я стали танцевать. Он притворился, что открыл наручник на моем запястье, а я притворился, что вручил серебряную штуку (хоть я и смотрел этот фильм сто раз, я не понял, что это за штука) барабанщику позади меня.

Папа протянул мне ручку от метлы с нанизанным на нее картонным микрофоном, который мы храним у телевизора, и я произнес монолог Элвуда перед песней.

Мне нравится песня «Каждому нужно кого-то любить», но еще больше нравится речь Элвуда после нее, она лучшая из всех речей фильма. В ней он говорит, что все мы личности, и мы одинаковы.

Я думаю, Элвуд Блюз в спектре*. Я замечал у него признаки высокофункционального аутиста. Он ест только белый хлеб, так делают аутисты. Он неосторожно водит и нервозен. А еще я повторяю за многими героями фильмов, но лучше всего повторяю за Элвудом.

Я не знаю, гей ли он, как я, но он никогда не интересуется девушками, так что все возможно.

Я подпевал Элвуду в свой воображаемый микрофон, а папа встал и начал подпевать в его микрофон. Папа любил пародировать Джейка. Он считает, что Джон Белуши гений своего времени. Папа говорит, мы хорошо перепееваем «Братьев Блюз», Белуши и Эйкрод лишь лучше танцуют.

Я не знаю, был согласен ли с этим Джереми, но он смеялся, хлопал и свистел, а когда

фильм закончился, у него было такое смешное выражение лица... Я не знал, что оно означает, но папа в этом разбирался.

Он наклонился к Джереми и усмехнулся.

— Хочешь еще раз посмотреть на танец в Бальном зале?

Джереми покраснел, но кивнул.

Мы пересмотрели танец три раза. И сейчас, когда мы вместе смотрим кино, я повторяю его целиком. Джереми не так плох в запоминании, как говорит, потому что сейчас он тоже может его процитировать. Теперь он повторяет за великим Кертисом.

Я виделся с Джереми каждый день, но не мог слишком долго сидеть с ним на веранде после обеда, потому что мне нужно было идти в университет.

Я не должен был записываться на летние курсы, но мама с папой сказали, что это хорошая идея для стабильности. Для летней программы я сделал умный и не тяжелый выбор, я брал уроки математического анализа. Они проходили в Карвер-Холле в удобном, хорошо освещенном помещении. Чаще всего я ездил на своем велосипеде и запирал его в студенческой столовой, но если шел дождь или было слишком жарко, то я ехал на автобусе «СайРайд»¹². Я не умею водить, но ездить на автобусе люблю. Мне нравится быть независимым и ездить в университет на автобусе, но в кампусе я не провожу много времени.

Хотя иногда я гулял по кампусу с Джереми. Он находился всего в километре от моего дома, и мы срезали путь через Западную улицу, на которой в гастрономе работала Алтея, куда мы заходили, если хотели пообедать. Мы не слишком много общались, когда гуляли, потому что Джереми знал, что я не люблю ходить и разговаривать одновременно. Если он хотел что-то сказать, то спрашивал, не против ли я поговорить, и тогда мы останавливались, садились на скамейку или бордюр и какое-то время разговаривали. Это означало, что Джереми хотел поговорить, а не отдохнуть, но он никогда не говорил так:

— Я хочу с тобой поговорить. Давай остановимся.

В этом плане Джереми был внимателен ко мне, и мне это нравилось.

Спустя несколько дней после четвертого июля мы шли с Джереми через кампус, и он спросил меня, не могли бы мы остановиться. Мы вышли из зала Биршир-Холл, где располагался офис администрации университета, и сели на ступеньки, уставившись на газон. Я ждал, пока Джереми заговорит, но на этот раз ждать мне пришлось долго.

— Мои предки постоянно заставляют меня подать документы в университет. Они наконец-то перестали настаивать на городе и сказали, что я могу учиться здесь. Я думаю, это хорошо, потому что здесь будешь ты.

Он стал заламывать свои пальцы, что делают не аутичные люди, когда нервничают. Я замечаю это, потому что это мало чем отличается от качания, и мне нравится, когда люди делают такие пустячные вещи. Это означает, что они испытывают сильные эмоции. Я был уверен, что Джереми нервничает.

— Да, я буду здесь. Ты выберешь науки, математику или информатику?

— Я не знаю, что я выберу. Я вообще не хочу поступать.

— А что ты хочешь?

— Я не знаю. Отдыхать. Чтобы все успокоилось.

Джереми часто говорил о том, что хочет покоя. Кроме того, несмотря на то, что он ложился спать в одно время со мной, он часто спал до полудня. Бывало, что он не вылезал из постели несколько дней, и нам приходилось отменять все наши встречи. И у него почти ничего не было запланировано. Я не понимал, что должно успокоиться, но прежде чем я

решил, стоит ли задавать этот вопрос, Джереми снова заговорил.

На этот раз он так нервничал, что голос у него дрожал.

— Слушай... Может, мы... в смысле... — Он закрыл глаза и глубоко вдохнул перед тем, как продолжить. — Я не знаю, интересно ли тебе, но подумал, может, мы могли бы стать соседями по комнате в общежитии?

Меня сразу заполнило море мыслей и чувств. Я спрашивал, могу ли жить в общежитии, как только поступил в университет, но мама настояла на ознакомительной экскурсии, и я сразу понял, что у меня не выйдет. Слишком громко, слишкомлюдно, слишком много общественных мест. Я думаю, она настояла на экскурсии потому, что я хотел быть как все, но ни разу не видел, какой была жизнь в общежитии. Но когда я представил жизнь с Джереми, все, о чем я мог думать, это то, что мы будем находиться в одной комнате, вместе, все время. Если бы я жил с ним, то уверен, что набрался бы храбрости и поцеловал его, спросил, не хочет ли он стать моим парнем.

— Прости. — Джереми вжал голову в плечи и уставился на землю. — Это был глупый вопрос.

Я ненавидел, когда Джереми говорил, что он глуп.

— Это хороший вопрос. Я пытался придумать, как это можно сделать. Я бы очень хотел жить с тобой в одной комнате.

Я стал раскачиваться, вспоминая крики молодежи и других людей, грязные душевые.

— Общежитие не очень подходит моему аутизму. Но у университета есть квартиры, как в общежитии.

— Наверное, они дорогие. Я не знал.

Достав свой телефон, я отметил в своем графике поиск квартиры.

— Я должен поговорить со своими родителями. Проблема в том, что, как говорит мама, я не очень хорошо запоминаю то, что должен делать по дому и постоянно готовить будет сложно, но я думаю, что во Фридериксен-Корт должна быть доставка.

Пытаясь представить себе это, я стал тихо напевать. Хорошая, тихая квартира с Джереми.

Я мог поцеловать его на диване. Если, конечно, он тоже гей и хочет встречаться со мной, а не просто быть друзьями.

— Интересно, много ли тусовок в этих квартирах. Это было бы плохо и для твоего аутизма, и для меня.

Нет. Тусовки — это ужасно. Я стал напевать и качаться сильнее. Это было непростой проблемой. Я должен был все обдумать и изучить, я хотел бы, чтобы все получилось.

Раскачиваясь и напевая, я услышал, как проходящая мимо группа ребят кричит нам.

— Ё**ные уроды!

Я закрыл глаза, сосредоточившись на подавлении своей ярости. Я понимаю, что не могу набрасываться на людей каждый раз, когда они меня оскорбляют.

Конечно, это все равно произошло бы в присутствии Джереми, но этот случай расстроил меня. Я ненавидел то, что не могу защитить себя перед моим лучшим другом, которого я хотел бы видеть своим парнем. Это меня расстраивало, злило и смущало.

— Вот уроды! — сказал Джереми.

Я почувствовал себя лучше, осознав, что он тоже их ненавидит.

— Я не должен был раскачиваться и напевать. Вот почему они это сказали.

— Почему ты не можешь качаться или напевать, если это тебе помогает? У людей тоже

есть забавные причуды. Что в этом плохого?

Меня переполнили чувства. Они были добрыми, но иногда, когда они меня переполняли, мне было сложно что-то сказать. Если бы я был со своей семьей, я бы подал им один из моих знаков, но Джереми я этому не учил. Поэтому я достал свой телефон. Казалось, он никогда не возражал, если я вместо того, чтобы говорить вслух, что-то ему писал.

«Джереми. Это Эммет. Ты замечательный друг. Спасибо».

Джереми улыбнулся, прочитав смс, и наклонился ко мне так, будто бы хотел положить голову мне на плечо. Я замер в неуверенности, хотел ли я этого или нет. Но прежде чем смог решить, Джереми быстро сел прямо и написал ответ.

«Это Джереми. Ты тоже прекрасный друг. Я поговорю со своими родителями с квартирах. Было бы круто, если бы все получилось. Но не делай этого, если думаешь, что это будет вредно для твоего аутизма».

Обычно я прекрасно уживался со своим аутизмом, но в тот момент я его возненавидел. Все, о чем я мог думать, было то, что если бы я не был аутистом, то мог бы жить в общежитии с Джереми. Плохая логика, потому что, если бы у меня не было аутизма, моя семья не переехала бы в другой город, чтобы я мог пойти в школу, и, скорее всего, тогда я бы не встретил Джереми. Я был бы не я. Но было несправедливо, что именно аутизм сделал таким трудным мое соседство по комнате с Джереми.

Когда я подошел к матери с вопросом о получении квартиры, то надел свою расшитую футболку, это было знаком того, что вопрос важен для меня.

У меня есть знаки и коды, которые используются в моей семье. Я не всегда понимаю тонкости голосовых интонаций и не читаю по лицам, и мама говорит, что из-за этого общение периодически прерывается. Она говорит, что из-за этого интернет полон недоразумений. На самом деле, мне проще общаться в интернете, возможно, именно потому, что я не полагаюсь на словесные и визуальные подсказки, чтобы понять собеседника.

Когда я разговариваю с людьми в реальной жизни, они ожидают, что я буду действовать не как аутист, поэтому мама всегда советует не обращать на это внимание.

Именно поэтому мы выработали некие коды. У меня есть футболки, означающие разные вещи, и когда я их надеваю, все знают, что я испытываю определенные чувства. У нас есть знаки руками. Так мама может сказать мне на публике, что я грублю, пока не поздно остановить разговор. Иногда мне трудно разговаривать, потому что я подавлен и на этот случай мы давно выучили такой удобный американский язык жестов. На самом деле все должны его учить, как второй язык.

Надпись на моей футболке сегодня «Охана¹³» — означающая семью, а семья подразумевает, что все мы единое целое. Я ношу её, когда хочу поговорить о чем-то важном для меня. Мама увидела на мне эту футболку и поэтому, когда мы сидели на стульях в нашей гостиной и разговаривали, она не стала говорить, что, по её мнению, получить квартиру плохая идея или напоминать о том, на что похожи общежития.

— Скажи мне, почему это для тебя так важно, Эммет, — попросила она.

В своей комнате я пытался собрать в кучу свои соображения и записал их в блокнот. Я мог бы прочитать их вслух или дать ей, но хотел показать, как сильно старался и решил просто поговорить.

— Джереми мой лучший друг. Он боится поступать в университет, но родители заставили его. Думаю, что из-за его депрессии он будет нервничать в общежитии так же, как

и я с моим аутизмом. Также я думаю, что в его мозге есть осьминог с тревожностью, но он об этом не знает. Я хочу жить с ним в квартире, как обычный студент университета. В Фредериксен-Корт есть доставка и продуктовый магазин. Это идеальное место, где мы можем получить опыт самостоятельной жизни.

— Солнышко, а ты думаешь, у них в это время года есть свободные квартиры?

Я не знал. И меня это тревожило. Мы хотели снять квартиру на двух человек, с двумя спальнями, но на сайте было сказано, что предложение ограничено. Это было подчеркнуто и написано жирным шрифтом, что показывало серьезность.

— Мама, мне это нужно.

— Я понимаю. К сожалению, в нашем мире не все получается так, как мы того хотим.

Она погладила мою ногу и откинулась на спинку стула.

— Это трудный вопрос, сладкий. Я не уверена, что вы готовы жить в отдельной квартире. Даже на территории кампуса. Ты упорно этого хочешь, но, если ты расстроишься, тебе нужна будет срочная помощь. Мы сделаем все возможное, чтобы тебя поддержать, но это будет не так легко, если ты не живешь здесь, с нами. Может, мы могли бы поговорить с отцом и сделать из подвала комнату?

— Мне не нравится подвал. Он странно пахнет.

— Милый, тебе решать: либо в подвале, либо непонятно где.

— В таком случае я хочу жить в съемной квартире. Мы можем найти спокойную.

Мама вздохнула.

— Я понимаю, насколько сильно ты этого хочешь. Помни, что и я тоже для тебя этого хочу. И обещаю, что начну подыскивать варианты, как только мы закончим разговор. Но мне нужно, чтобы ты понял — это может занять много времени, и от моего решения ничего не зависит.

Я уловил логику в её словах, но то, что она сказала, рассердило меня, и я загрустил. Я думал о парнях, называвших меня уродом, что происходило всегда при моем появлении на публике. И о том, как нервничал Джереми, когда спрашивал о совместном проживании, потому что хотел этого так же сильно, как и я, и он нуждался в помощи.

Мне не нравится ненавидеть себя, а ненавидеть свой аутизм — это то же самое, но тогда я был так зол, что хотел стать другим человеком. Я волновался из-за того, что родители Джереми хотели отправить его учиться в город, и тогда мы бы перестали дружить. Беспокоился, что он встретит кого-нибудь не аутистичного, кто лучше ему подходит. Я не видел, чтобы его друг Барт отмечал Джереми в «Инстаграме» или приходил к нему домой, но я всегда волновался, что Барт заберет Джереми. Я думал обо всех не аутистичных Бартах университета, которые будут достаточно смелыми, чтобы сказать Джереми о том, что они геи, и, возможно, попытаются его поцеловать.

— Эммет. — Мамин голос был нежен, и она положила руку на мою ногу. Она прикасается ко мне по-своему, не раздражая меня. — Я знаю, как ты относишься к Джереми. Знаю, как он важен для тебя, и поэтому тебе так больно из-за того, что ты не в состоянии дать ему то, что он хочет.

Она поставила ладонь на ребро — знак того, чтобы я выслушал её.

— Я защищаю тебя. Наблюдаю и сражаюсь за тебя, даже когда ты этого не замечаешь. Я вижу, что ты расстроен, и думаю, тебе стоит выпустить пар своей кувалдой. Но не позволяй дурным голосам в твоей голове говорить, что я не собираюсь тебе помогать.

Я знаю, что она защищает меня. И рад этому. Но сейчас я был так сердит. Возможно,

этого не сказать по моему лицу, но внутри я чувствовал огонь и печаль.

— Мы слишком разные, мама. Я не хочу быть такими разными.

— Все люди разные. Некоторые способны запихнуть свои отличия подальше, чтобы смешаться с овцами.

— Я лучше буду овцой, чем в одиночестве.

— Это огромный секрет, но овцы самые одинокие из всех.

Она была права. Но я был все еще зол и хотел, чтобы мир прекратил стоять на моем пути.

— Ты права. Пойду за кувалдой.

— А мне нужно сделать пару звонков. Можно тебя обнять, унаби¹⁴?

Я не фрукт из Китая, как унаби, и я был слишком зол для объятий. Но мама спрашивает именно так: «Можно тебя обнять, унаби», когда нуждается в объятиях. Моя мама очень сильная, но она говорит, что подпитывается от объятий.

Я действительно нуждался в том, чтобы сейчас в ней была сила огромной мощности. Поэтому обнял её и позволил поцеловать мои волосы, прижавшись к которым она заплакала.

Я не плакал. Поднявшись наверх, я достал из своего шкафа кувалду и, крича и ужасно матерясь, стучал ею по кровати минут пятнадцать.

А когда я закончил, то сел за алгебру, что всегда меня успокаивало. Я не могу жить в общечитии, не могу помешать людям называть меня уродом, но всегда могу решить уравнения.

Примечание:

1. Спектр аутизма:*

Аутизм Каннера: ограниченный словарный запас, отсутствие речи, неспособность контролировать эмоции, чувствительность к прикосновениям, отсутствие глазного контакта.

Синдром Ретта: у девочек (мальчики с таким заболеванием рождаются мертвыми). Расстройство речи, нарушение координации движений и мелкой моторики.

Синдром Аспергера: исключительная память, интеллект, превышающий норму, речь на официальном, литературном языке, повторяющиеся движения, странные интересы, затруднённое понимание выражения лица собеседника, шуток, метафор.

Высокофункциональный аутизм: проблемы с поведением только в специфических ситуациях, задержка речевого развития в раннем возрасте.

Аутизм-севант: социальная отстранённость, серьезные нарушения развития, параллельно с которыми развивается исключительная память и таланты в специфических областях (игра на музыкальных инструментах, художественная деятельность и т.д.).

Атипичный аутизм: аутизм в легкой степени. Возможны либо расстройства речи, либо проблемное поведение.

Глава 6

Джерemi

В конце июля я был записан на занятия в университете Айова, но борьба между мной и моими предками не прекращалась.

Я чувствовал, что все, чего они от меня требовали, было невозможно, но даже если я как-то и выполнял их просьбы, моих усилий никогда не было достаточно. Я позволил им записать меня на занятия, но попал в неприятности из-за того, что не проявил инициативу в покупке школьных принадлежностей и не стал обставлять комнату в общежитии. Мою комнату, где я бы жил без Эммета. Уставившись в пол, он сказал мне, что ему жаль, но его аутизм не позволит ему жить в общежитии или в квартире при кампусе.

— Моя мама ищет другие варианты, — заверил он меня. — Она советует нам не дергаться. У нее есть зацепки.

Я хотел, чтобы у нее были зацепки больше, чем он мог выразить простыми словами, но, пока это не стало реальностью, мне пришлось думать о том, что я буду делить комнату с незнакомцем, и мне нужно было к этому подготовиться.

По словам моей матери, я был недостаточно подготовлен к университету, и когда ей надоело ждать, что я займусь этим сам, она все решила за меня. Она потащила меня по магазинам, всю дорогу вопя об ответственности, но я думаю, что мой нервный срыв из-за поступления на подготовительные курсы начался бы, даже если бы мама улыбнулась и сказала, что все будет хорошо.

Однако не думайте, что она поддержала меня после срыва. Мама кричала на меня всю дорогу домой.

— Как ты мог так меня опозорить? Все смотрели на нас. Все смотрели на меня, как будто это моя вина.

Я чувствовал себя виноватым, хотя расстроился я из-за нее. Она заставила меня пойти.

Я не мог находиться в больших дисконтных продуктовых магазинах или в любом магазине больше «Уистфилда», и иногда подобные дни были для меня чересчур. Но я терпеть не мог кого-то разочаровывать, и еще терпеть не мог то, как все на меня смотрят. Мне было мерзко от того, что я был не в состоянии пройти дальше стойки с открытками, не начав часто дышать, и как бы не пытался, у меня все равно происходил нервный срыв.

Теперь я срывался постоянно, даже дома. Реже с Эмметом, но нам пришлось перестать гулять по кампусу, эти прогулки заставляли меня задумываться о том, как ужасно будет жить там без него, и случался приступ паники.

— Я думаю, тебе пока рано поступать, — сказал Эммет. — Я считаю, что тебе стоит поговорить с моей мамой о препаратах. Она могла бы их выписать тебе.

Он был прав. Но я всегда говорил, что не хочу обсуждать лекарства. Честно говоря, отчасти мне хотелось быть самым распоследним хулиганом в школе, чтобы показать родителям, как они ошибались.

Теперь я осознаю, что, если бы столько народу увидело меня сломленным, со мной бы случился очередной приступ паники. Так что я старался не думать об университете вообще. Могу сказать, что Мариетта обо мне беспокоилась. Она не говорила, что я должен принимать лекарства, но уделяла мне гораздо больше внимания, когда я к ним приходил, уверяя, что ищет нам с Эмметом альтернативное жилье, и обещая присылать нам посылки со сладостями, когда мы начнем учиться. На электронной читалке, которую я у нее одалживал, стали появляться новые книги: «Полуденный демон», «Стреляйте в проклятую собаку», «От паники до власти». Это были книги о депрессии и тревожности.

Но я их не читал.

Это не значит, что я не хотел помощи. Я хотел, но больше всего я хотел, чтобы мои родители перестали отталкивать меня, и я не думаю, что лекарства или чтение их изменят. Я

нуждался в них больше, чем в принятии лекарств или в чтении, я хотел, чтобы они по крайней мере выслушали меня.

Они не слушали, что бы я ни говорил или ни делал, насколько сильными мои приступы паники бы не были. Но в один прекрасный день мне позвонила сестра.

Джен живет в Чикаго и редко приезжает домой. Мама все время жалуется на то, что, когда она звонит Джен, та не отвечает. В защиту Джен скажу, что мама никогда не спрашивает мою сестру о её жизни, только жалуется на свою. Если бы я был Джен, я бы тоже не отвечал на звонки матери.

Джен никогда не звонит нам, а тем более мне. Но в тот день я сидел на крыльце в ожидании, когда у Эммета закончатся занятия, и она это сделала.

— Привет, братишка! Как дела?

— Хорошо, — ответил я, хотя дела шли не очень. Но никто никогда не хочет знать о неприятных вещах.

— Слышала, ты волнуешься перед поступлением. И у тебя стало больше приступов паники. Ты заставляешь меня волноваться за тебя, Микроб.

По всему моему телу прокатилась горячая волна стыда. Откуда Джен знает об этом? И то, что она зовет меня моим старым прозвищем, не делает ситуацию лучше.

— Все будет хорошо, — сказал я, но не верил в это. Я не хотел, чтобы еще один человек трясся надо мной.

Я не понимал, почему Джен беспокоилась обо мне. Она никогда этого не делала.

Но в тот день она не собиралась останавливаться.

— Я знаю, что не поддерживаю отношения с семьей, и это плохо. Прости меня за это. Я не могу общаться с мамой, поэтому держусь подальше, но это не значит, что я избегаю тебя. Ты и правда в порядке? Хочешь, я вернусь домой и помогу тебе?

Я не знал, что сказать. Она хотела вернуться домой и помочь мне? Я хотел этого, да, но все это казалось странным и заставляло нервничать. И мне было бы стыдно за то, что она будет возиться со мной.

— Я в порядке. Извини за беспокойство.

— Дорогой, ты не беспокоишь меня. Я забочусь о тебе. И хочу знать, что с тобой происходит. И не хочу, чтобы наши родители свели тебя с ума, а исходя из собственного опыта, я знаю, что это возможно. Ты наблюдаешься у кого-нибудь в связи с этими приступами паники? Принимаешь что-нибудь? Лекарства помогают?

Почему все считают, что я болен? Как будто у меня болезнь сердца, а не глупая привычка быть расстроенным на публике и легко становиться подавленным из-за этой жизни.

— Я в порядке, — повторил я. И снова.

В конце концов она перестала спрашивать, да и Эммет начал писать из автобуса. Так что я сказал ей, что мне пора идти.

— Ладно, но я собираюсь тебя проведать, — сообщила Джен, а я был рад, что она меня предупредила.

Спустя два дня после звонка Джен к нам домой пришла Мариетта.

Она принесла милую плетеную корзинку, наполненную банановым хлебом, печеньем и стеклянной бутылкой необычной минеральной воды. Где-то час они с мамой сидели на кухне, разговаривая о всяких пустяках, а я ретировался в свою комнату. И после того, как Мариетта ушла, моя мать была вся раскрасневшаяся и счастливая. На следующий день мама

с Мариеттой отправились обедать в причудливом новом месте в городе Сомерсет, а еще через день они вместе пили кофе в центре, в «Стэм-Шоколатье».

Спустя несколько дней мама предложила мне пригласить к нам, ради разнообразия, Эммета. Я могу сказать, что она нервничала, но Мариетта пустила в ход все свое очарование, и она играла на маме, как на скрипке. Я подслушал, как они обсуждали предстоящий визит на закрытой веранде. Мариетта предупреждала маму, чего той ожидать от Эммета.

— Он нервничает в новом месте, и обычно я хожу с ним, пока он привыкает к новой среде, но Эммет настаивает на самостоятельности. Я сказала ему, что он придет один при условии, если будет контролировать себя. Так что, если что-то его рассердит, он, вероятно, уйдет на пару минут, ничего вам не сказав. Если у него получится, он спокойно скажет вам, что зол. Но, скорее всего, он будет далек от спокойствия. Эммет хороший мальчик и упорно работает над собой. Уверена, все будет хорошо, но на всякий случай у вас есть номер моего сотового.

Непостижимо, как мама вообще рассматривает возможность пригласить Эммета? Он заставлял её нервничать. Невероятно нервничать.

И все же, когда он пришел к нам, она была вежлива, как и он. Он постучал в дверь, подарил маме букет цветов из супермаркета, чем подкупил её, несмотря на то, что не смотрел ей в глаза, когда его дарил и раскачивался, пока ждал, когда я спущусь. Не оглядываясь, Эммет сказал ей, что у нее чудесный дом, и что он рад сюда прийти. Но я знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что все это отрепетировано.

— Джереми, я хочу посмотреть на твою комнату, — сказал он немного погодя и выставил два пальца на бедро.

Эммет рассказал мне о том, что у них с его матерью был ряд знаков, которыми они молчаливо обменивались, чтобы что-то сказать друг другу, не давая знать другим.

Два пальца Мариетты на их веранде в первый мой визит к ним домой означали выговор Эммету за его грубость, а его три были признанием вины и извинением.

А сейчас эти два пальца на его бедре означали, что он нервничает, и ему нужно выйти из комнаты, но он не хочет говорить об этом вслух.

Я встал с дивана и проводил его к лестнице.

— Конечно. Это сюда.

Он последовал за мной наверх по лестнице, не сказав ни слова. Мне с нетерпением хотелось показать ему свою комнату, мои личные вещи, мое пространство. Я уже много раз бывал у него дома, часто мы сидели в его комнате, но это будет первый раз, когда он окажется в моей.

И хотя, когда я открыл дверь, Эммет взглянул на комнату, потом он резко отошел в дальний угол коридора и встал лицом к стене.

Я осторожно подошел к нему.

— Эммет, что случилось?

Он стоял прямо, скрыв лицо от моих глаз.

— Прямо сейчас я не могу говорить.

Нервы сплелись в клубок в моем животе.

— Почему нет?

Его шея и руки были напряжены, и он прятал закрытые глаза.

— Я злюсь. Я обещал не злиться.

Я чувствовал то жар, то холод. Как будто кто-то поместил в мое сердце яд, и тот

распространился в мои руки и ноги.

— Почему ты сердисься? Из-за меня?

— Да. Пожалуйста, оставь меня в покое.

Я не знал, что делать. Мне стало плохо. Самым большим моим страхом было расстроить того, кто обо мне заботился и не знать чем, чтобы как-то это исправить. Я мог чувствовать, как у меня начинается приступ паники, который сделает ситуацию еще хуже, но не мог его остановить. Я ушел в другой угол коридора, сел, подтянув колени к груди, и, положив руки на лоб, пытался дышать ровно.

Его рука снова опустилась на мою спину.

— Джереми, у тебя не может быть приступа паники прямо сейчас.

Это было такое нелепое утверждение, что я бы рассмеялся, если бы мне не было так тяжело дышать. Но когда Эммет потер мою спину, мне стало легче. Прикосновение было колеблющимся, как будто он не вполне знал, как это делать, но мне все равно понравилось. Эммет сумел прорваться сквозь мой туман, и я прислонился к нему. Он мне это позволил. Раньше он редко к кому-то прикасался, но сейчас трогал меня. Он держал тяжелую руку на моей спине, а затем пальцами провёл по моим волосам. Эммет присел рядом со мной и погладил меня. Неумело, но он сделал это.

И это было замечательно. Это заставило меня немного возбудиться, поскольку приступ паники пошел на спад. И когда он наклонился ко мне, прислонившись своим пахом к моей ноге, я заметил, что он тоже очень возбужден.

Я поднял на него глаза и замер.

Глаза Эммета были закрыты, его пальцы запутались в моих волосах, а его эрекция вдавливалась в мою ногу. Выражение его лица было по-прежнему тусклым, но очень сосредоточенным.

Он был прекрасен.

В конце концов, он открыл глаза и посмотрел на меня. Веки его были тяжелыми, и на сей раз взгляд он не отвел.

Эммет коснулся моих губ тремя пальцами, и я вздрогнул. Своими пальцами он обводил контур моих губ. Затем посмотрел в сторону, но каким-то образом я все еще чувствовал этот пристальный взгляд на себе.

— Мне нужно сказать тебе кое-что важное.

Я кивнул, стараясь не сместить его пальцы.

Он потер пальцем мою нижнюю губу.

— Я гей.

Мое сердце перевернулось. Я и так понял это по его эрекции, упирающейся в мою ногу, но все равно опешил, услышав это прямо от него.

Его пальцы замерли, и я на него посмотрел. Его пристальный взгляд сосредоточился на моих губах.

— Я не должен спрашивать твою ориентацию.

Я засмеялся, это был Эммет. Задавая вопрос, он говорил, что спрашивать не должен. А я мог сказать ему об очевидном. Мне было все еще тяжело говорить, но я заставил себя ответить.

— Я тоже.

Он улыбнулся, снова не встречаясь со мной глазами, но это сделало его невероятно красивым.

— Хорошо.

Я осторожно коснулся его руки. Но он отпрянул.

— Никаких мягких прикосновений. Ты можешь делать это сильнее.

Я положил руку на его плечо, надавив на него.

— Да. — Его рука на моей спине напряглась, а эрекция, упирающаяся в мою ногу, увеличилась, когда он наклонился ко мне ближе. — Джереми, меня тянет к тебе.

Его слова взволновали меня, хотя для меня в них не было ничего нового. Они позволили чувствам, которые я сдерживал, вырваться наружу, сделать меня смелым. Я схватил его за руку.

— Давай... пойдём в мою комнату.

Он снова отстранился.

— Я не могу зайти в твою комнату. Там слишком грязно.

Слишком... грязно? Я прищурился, глядя на него.

— Ты злился потому, что комната грязная?

— Да. Я хотел посидеть с тобой там, но твоя комната катастрофа. Я не могу там находиться. Неудивительно, что ты нервничаешь. Никто не сможет хорошо себя чувствовать в такой комнате.

Я не знал, как на это реагировать. Моя комната и правда была грязной. Но хуже всего то, что я убирался в ней перед приходом Эммета. На самом деле уборка отняла у меня много времени. Почти все утро. Мне даже пришлось вздремнуть после нее, так я устал. Я приложил к этому все усилия, но их было недостаточно. Их не могло быть достаточно для Эммета. Мы никогда не сможем жить вместе, быть вместе, потому что я грязный. Я и был грязью.

Мое дыхание стало резким и быстрым, и мне захотелось плакать. Тогда я понял, что веду себя глупо, и это расстроило меня еще сильнее. Я закрыл глаза, чувствуя, как подо мной разверзлась спираль, ведущая в небытие. В любую секунду моя мама может подняться наверх, чтобы узнать, какой глазурью ей покрывать торт.

Руки, касания, пронзительный запах Эммета заполнили мои чувства. Когда я открыл глаза, он смотрел на меня, прямо в глаза, а я по-прежнему не дышал, оставаясь неподвижным, пронзенный этим взглядом.

— Джереми, нам нужен знак. Когда ты расстраиваешься, я не могу понять, из-за чего это происходит, и ты не можешь сказать мне. Почему ты расстроился сейчас?

Почему я расстроен? Боже, с чего начать? Даже мысли об этом подавляли меня. Как мне сказать об этом вслух?

Эммет открыл приложение «блокнот» и протянул мне свой телефон.

— Может, ты это напишешь?

Раньше, до встречи с Эмметом, я бы сказал, что писать тому, кто сидит прямо передо мной, глупо. Но для нас это было привычно, и я трясущимися руками взял телефон, пытаюсь как можно яснее выразить в словах вихрь испытываемых мной эмоций. И то, что я был вынужден писать, так как говорить было слишком сложно, отнюдь не было приглашением для Эммета комментировать мою чудаковатость. Это было препятствие, которое я должен был преодолеть.

«Я расстроен, потому что ты расстроен из-за моей комнаты. Лучше убрать её я не могу. Я пробовал. Для меня было очень трудно навести хоть такой порядок. Это лучшее, что я могу, но мое лучшее тебе не подходит...»

Заканчивая писать, я замаялся и задрожал, часто дыша.

«Я хочу быть с тобой в моей комнате».

На самом деле, из-за чувства вины от того, что я давил на мальчика-аутиста, который был намного собраннее меня, и от того, что я уже нафантазировал себе наши обжимания, мне давно уже было нужно выброситься из окна. А теперь, когда я знал, что эти фантазии могли стать реальностью, я перенервничал.

Я продолжал печатать.

«Я не знаю, как это исправить, и боюсь, это не удастся».

Сокрушенный, я допечатал и отдал ему телефон, практически бросив его в руки Эммета.

Сначала он ничего не отвечал. Эммет читал мой текст, а потом долго на него смотрел, не говоря ни слова и не качаясь. В итоге он тоже что-то напечатал и отдал мне телефон назад.

Э.: *«Я помогу тебе это исправить. Разреши мне помочь тебе убраться в твоей комнате».*

Что? Убраться в моей... Зачем? Я нахмурился и напечатал ответ. Он отредактировал наш диалог и поставил наши инициалы Э. и Дж. перед нашими сообщениями, поэтому я вставил Дж. перед своим ответом.

Дж.: *«Почему ты хочешь убраться в моей комнате?»*

Он, нахмурившись, посмотрел на мое сообщение и быстро напечатал ответ.

Э.: *«Ты сказал, что это проблема. Я хочу её решить. Это будет сложно, потому что там грязно, и мне тяжело, но я справлюсь. Я сильный».*

Дж.: *«Но почему ты хочешь убраться в моей комнате?»*

Теперь он смотрел на меня с досадой.

Э.: *«Твоя комната грязная. А я хочу поцеловать тебя в твоей комнате, но не могу, пока она не будет чистой. Поэтому я хочу убраться там. Потому что хочу тебя поцеловать».*

Я резко выдохнул.

Я продолжал таращиться на слова, которые он напечатал, чувствуя головокружение. Мысленно я представил, как Эммет прижимает меня к кровати, прикасаясь к моему лицу, моим волосам, целуя меня. Это было забавно потому, что в мыслях он улыбался такой распутной улыбкой, которой не улыбнется в реальной жизни. Хотя я понял, что он улыбался мне *по-своему*.

Я хотел этот поцелуй. Я хотел сделать все, что было нужно для того, чтобы его получить. Так же, как аутизм Эммета характеризовал его, моя депрессия и тревожность характеризовали меня.

Дж.: *«Мне неудобно, что ты будешь убираться в моей комнате. Я должен сделать это сам».*

Эммет сделал едва заметный, изворотливый лицевой жест, так он, как я уже знал, поднимает бровь.

Э.: *«Но ты сказал, что сделал все, что смог. Я думал, что ты имеешь в виду, что не смог сделать больше потому, что уборка комнаты слишком подавляет тебя, как тогда в магазине. Я ошибся?»*

Нет, он не ошибся.

Я утвердительно покачал головой, слишком взволнованный, чтобы печатать.

Эммет напечатал еще.

Э.: *«Я не против уборки. Ты не должен стыдиться. Мне нравится раскладывать вещи по порядку. Это делает меня счастливым. Помощь тебе, Джереми, делает меня»*

счастливым. Разреши мне тебе помочь».

Я чувствовал себя адски разбитым, но в хорошем смысле. Я взял телефон.

Дж.: *«Ты очень добр ко мне, Эммет».*

Он улыбнулся своей кривоватой, однобокой улыбкой, которая мне так нравилась. Он не смотрел мне в глаза, но ему и не нужно было этого делать. Я понял. И напечатал еще.

Дж.: *«Когда ты поцелуешь меня, это будет мой первый поцелуй».*

Мне было слегка страшно в этом признаваться.

Эммет прочитал мой текст и снова улыбнулся, хоть и не так широко.

Э.: *«И мой тоже».*

Чувствуя себя смелым, я набрал текст.

Дж.: *«Я хочу свой первый поцелуй».*

Теперь он улыбался во все лицо и, набирая текст, напевал.

Э.: *«Тогда мы должны приниматься за уборку».*

Глава 7

Эммет

Есть кое-что, что понимает только Алтея, это то, почему меня так расстроила комната Джереми. Люди думают, что только они и животные имеют чувства, но это не правда. Чувства есть у всего. И все вещи в комнате Джереми: бумаги, корзинки, книги, грязная одежда — были печальны и сердиты, как и он.

Я смотрю на вещь и знаю, что она чувствует. Все вещи имеют чувства. Мне приходится нелегко, когда я не знаю, что чувствуют люди. Но вещи — совсем другая история. Когда я был маленьким, у меня была любимая ручка и любимая пара обуви, но я чувствовал себя плохо, потому что другие ручки ревновали, а другой обуви было грустно, ведь я их не брал. На моей кровати было две подушки, и я должен был каждую ночь метаться между ними, иначе они стали бы обижаться. Тогда мама и Алтея много спорили о том, хорошо ли это. Тётя говорила, что делала те же самые вещи, и с ней все прекрасно. А мама возражала, что я другой, и Алтее не стоит меня поощрять, поэтому их спор начинался заново. Обычно тогда мы с папой выходили из дома за мороженым.

Теперь, когда я стал старше, я не беспокоюсь о том, что один из стульев будет ревновать меня из-за того, что я сижу на другом. Пытаться осчастливить всех — безумие. Мне объяснили, что не у всего есть чувства, и это нормально. Но уборка в своей комнате было лучшим способом позаботиться обо всех вещах. Моя комната никогда не бывает неубранной. Вставая со своей постели, я застилаю её, даже если иду в ванну среди ночи. А сидя за своим компьютером, я выстраиваю в линию клавиатуру и трекпад¹⁵, чтобы все находилось на своих местах. Это делает все намного проще, делает вещи в моей жизни счастливыми. Делает гораздо счастливее меня.

Чистая комната упростит все и для Джереми, но я вижу, что уборка для него проблема, потому что иногда для него все является проблемой. Мне придется сказать маме, чтобы она больше не предлагала ему варианты закуски, когда он приходит к нам в гости. Он всегда боится сделать неправильный выбор. Шум тоже плох. Достаточного немного шума и Джереми становится подавленным.

Комната Джереми, должно быть, давит на него, когда он просто на нее смотрит. Я стоял

на середине его ковра, пытаюсь решить, с чего бы начать. А Джереми, ссутулившись, присел на край кровати. Кровать. Я решил, это будет неплохим началом.

Он помог мне поправить постельное белье, и я показал ему, как идеально можно заправить кровать: простыни выравниваются по прямой, а подушки складываются просто с правой стороны. Над спинкой его кровати были полки, которые, как я думал, были плохой идеей, они легко загрязнялись, но я не хотел, чтобы он снова чувствовал стыд, и просто протер их. У него в комнате было много мусора, вещей, которые пора было выкинуть, но он не мог. Джереми понимал, что у вещей есть чувства, но это сокрушало его. Мы рассортировали вещи по кучкам — вещи из одной можно было оставить, из второй — выбросить, из третьей — убрать. Я сказал ему то, что никто никогда не говорил: ты не можешь сделать все вещи счастливыми, но можешь постараться. Иногда нам приходится проститься с вещами и скучать по ним вместо того, чтобы наслаждаться ими.

Я заметил, чем больше мы трудились, тем больше он складывал вещей в кучу на выброс, вытаскивая их из кучек, которые мы решили оставить. И чем больше он складывал вещей в эту кучу, тем больше он расслаблялся.

— Это так классно, — говорил он. — С твоей помощью убираться так легко. Как ты это делаешь? Почему у меня не получается делать это в одиночку?

Я не мог ему ответить. Это был сложный вопрос, и, вдобавок к этому, я хотел продолжать работать, а работать и говорить одновременно я не люблю. Я знал, что мы не управимся с уборкой за один день. Джереми выглядел разбитым, и я предложил остановиться.

— Мы можем продолжить убираться завтра, — произнес я ему. — Я приду и буду здесь все свое свободное время.

Но мои слова лишь взволновали его.

— Я не хочу останавливаться. Я хочу все убрать. Я хочу... — Он посмотрел на мои губы, и я знал, что он думает о поцелуях, но потом с грустным видом отвел взгляд. — Во время уборки я чувствовал себя нормальным. Я хочу быть нормальным.

Тогда я почувствовал по отношению к Джереми так много всего. Я хотел сказать ему, что он нормален, мы нормальны, просто отличаемся от других. Хотя я и понимал его разочарование и нежелание ждать, мне нужно было услышать объяснение, для чего такая спешка. Я не знал, как сказать о поцелуях. Ему нужно было поговорить со мной, но я не мог этого сделать даже с помощью блокнота. И тогда мне пришла мысль об ином общении с Джереми.

Я открыл «Ютуб» на телефоне, вошел в избранные видеозаписи и включил ему «Кафе Карли».

Карли Флайшман — реальная девушка, страдающая аутизмом, чуть младше меня. У нее тяжелая форма аутизма, с нарушением координации движений и с дефектом речи. Она не может говорить без использования компьютера. До того, как ей исполнилось одиннадцать, никто не догадывался о том, что она может говорить, пока она сама не начала обмениваться словами, используя клавиатуру. Теперь она использует свой компьютер все время. Карли приглашали на ток-шоу, у нее много подписчиков на «Фэйсбуке» и в «Твиттере», она написала книгу вместе со своим отцом.

Также у нее есть аккаунт на «Ютубе», и видео, в котором она рассказывает, каково ей быть аутистом, своего рода реклама их книги. Я уж точно ощущаю аутизм по-другому, но все равно это хорошее видео о том, как инвалидность заставляет нас чувствовать себя

пойманными в ловушку. Я думал, что, наверное, иногда Джереми тяжело говорить о том, насколько ему проще печатать, поэтому показал ему «Кафе Карли». Камера была направлена не на лицо Карли. Мы слушали её мысленные разговоры о том, как ей хочется кофе, её смешные комментарии в отношении бариста и других людей в кафе, каждый из которых обращались с ней, как с дурой. Они не спрашивают, не хочет ли она кофе, а предлагают апельсиновый сок или какао, а затем решают за нее, каков будет её полдник. Карли не может сказать, чего она хочет, и расстраивается, но вдруг все вокруг становится слишком громким. Кофемолка, разговоры людей, вода — всего этого слишком много. Её сестра уезжает, и Карли тянется к оставшемуся кофе, но её отец забирает его у Карли. Потом он спрашивает, чем ей помочь, а камера отъезжает, и мы видим её лицо.

Лицо Карли перекошено. Оно не соответствует тому умному, нахальному голосу в её голове. И вот так у нее проходит каждый день. Она думает, а другие не могут услышать. Никто не понимает, как отличается то, что она испытывает внутри себя от того, как она выглядит снаружи.

Я это понимаю, потому что чувствую то, что выразить не в состоянии. Как и то, что я хотел объяснить Джереми: он, Карли и я нормальны; все хорошо, и он не должен расстраиваться. Но я не мог это выразить, и позволил Карли это ему показать.

Джереми заплакал.

Когда видео закончилось, он, не спрашивая, взял телефон из моих рук и воспроизвел видео снова. В этот раз я следил за выражением его лица, пытаясь его прочесть. Но это было сложно, и я не смог. Могу лишь сказать, что он испытал множество эмоций, которые были слишком трудны для моего восприятия.

В конце концов, он отложил телефон. Джереми закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Когда он заговорил, голос его был грубым и дрожащим.

— Вот что я чувствую. Все время. *Все время.*

Я хотел сказать ему, что иногда тоже это чувствую. Но не знал, как это сделать, поэтому говорил о Карли.

— У меня есть книга, которую она написала. Ты можешь её взять. Я скачал её на читалку, но у меня есть книга в мягком переплете и аудиокнига.

Джереми положил руку на мою ногу. Сначала он прикоснулся ко мне мягко, но потом вспомнил о том, что я говорил, и немного надавил. Мне было приятно, что он помнит.

— Спасибо, что показал мне.

Я стал слегка раскачиваться.

— Нет никого нормального. Иногда жизнь трудна для всех.

— Да, но не все понимают это так, как ты, Эммет.

Тогда я стал тем человеком, который испытывает множество чувств. Жар и холод, раздражение и нежность. Впервые за долгое время меня тормозил не мой мозговой осьминог, а я сам был не способен говорить, не знал, как выразить чувства словами. Но в этом не было смысла. Джереми сказал, что я тоже ему нравлюсь, и мои чувства были сильнее моего осьминога. Сильнее меня.

Чтобы быть с Джереми, я должен был справляться со своим аутизмом, осьминогом, со своими чувствами. Эта будет трудно, сложнее, чем самые сложные математические задачи мира. Кроме того, это будет самой прекрасной из всех математических задач, которые только могут быть.

Каждый день в течение следующих двух недель вместо занятий я ходил домой к

Джеремии, чтобы помочь ему с уборкой в его комнате.

Габриэль все еще меня недолюбливала, но ей нравилось, что комната Джереми становилась чистой. Она всегда заглядывала и спрашивала, нужно ли нам что-нибудь, а когда я сказал, что мы могли бы использовать пластиковые мусорные ведра, уточнила, какой размер нам нужен и пошла в магазин, чтобы их купить. Габриэль казалась впечатленной тем, что я знал их точные размеры без измерений. Она попыталась меня накормить, но я нервничаю из-за еды у чужих людей, поэтому всегда её благодарил, но есть отказывался. Обычно я приносил с собой бутылку воды и небольшой контейнер с закуской, так что со мной все было в порядке.

Джереми был взволнован уборкой его комнаты. К концу второго дня мы убрали все полки и пространство над его кроватью. Я заметил, что он застилает постель так, как я его научил.

Теперь, заканчивая убираться, каждый день мы сидели на его кровати. Мы не целовались, но оба думали об этом.

Я хотел его поцеловать, но нервничал. И вместо этого учил Джереми американскому языку жестов. Мы начали с алфавита и нескольких общих слов. Ему это нравилось и поэтому однажды вечером, когда мы пришли ко мне, я отдал ему свою старую флешку, чтобы он практиковался. Еще я показал ему, где можно найти видео, чтобы посмотреть уроки онлайн. Несколько видео мы просмотрели вместе. Я хотел убедиться, что Джереми правильно жестикулирует.

Когда женщина на видео показала «я люблю тебя», мы оба покраснели.

Это смущение становилось проблемой, и я его не понимал. Мы оба были геями, и он сказал, что хочет, чтобы я его поцеловал. Так почему же сейчас попробовать это стало тяжелее, чем раньше? Я пытался найти ответ в интернете, но никто не знал. Еще я спросил об этом на одном из форумов аутистов, но они сказали лишь то, что я должен рассказать Джереми о своих чувствах и спросить его разрешения на поцелуй. Я уже рассказал Джереми о своих чувствах, но идея о том, чтобы спросить, можно ли его поцеловать, заставляла мои чувства и моего осьминога вести подобно кошкам, прилипшим к потолку в том старом мультфильме.

Поэтому я продолжал молчать и помогать ему с уборкой. Я учил его языку жестов и моим собственным знакам, показал все свои футболки-эмоции и объяснил, что они означают.

Я сделал ему маленький буклет со всеми своими личными знаками и футболками, чтобы он мог изучить меня. И спросил, хочет ли он, чтобы я узнал что-то еще про него, но Джереми покачал головой и отвел взгляд.

То, что мы не торопились в течение первой недели, было хорошо, но к концу второй недели я понял, что, если я что-нибудь не придумаю, мы не поцелуемся никогда. Я сказал себе, что у нас будет время подготовиться, пока мы убираем его комнату, а потом дойдет и до поцелуя. Это заставляло меня нервничать. Я чувствовал огромное давление, но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Думая о Джереми, я мастурбировал каждую ночь, но этого было недостаточно. Мне нужно было его поцеловать. Нужно было поцеловать его немедленно.

На второй неделе, вечером в четверг, когда мы закончили уборку, прежде чем сесть на его кровать, как мы делали это всегда, я закрыл дверь. Я бы запер её, но у Джереми не было запирающегося замка, так что я просто закрыл её до щелчка. Звук слишком громким эхом

отозвался по комнате и, хотя из-за двери нервничать было глупо, я нервничал.

Думаю, Джереми чувствовал то же самое.

Я сел боком рядом с ним на кровати, чтобы смотреть ему в лицо. Но он на меня не смотрел. Я тоже не смотрел прямо на Джереми, но у него плохое периферическое зрение, и он не видел меня вообще. Думаю, Джереми понимает чувства людей, едва взглянув на них краем глаза.

Кроме того, тогда я понял, почему был неприятен людям без сверхспособностей, сейчас я желал, чтобы он посмотрел на меня, чтобы понять по его лицу, могу ли я его поцеловать.

Я стал напевать и качаться.

Плечи Джереми расслабились. Он все еще не смотрел на меня, но взял меня за руку. Его прикосновение не вызвало мою аутистичную чувствительность. Оно сделало меня храбрым, позволив наклониться ближе, чтобы, наконец, получить мой поцелуй.

Начать было сложно. В своей голове я хотел, чтобы мы таяли, чтобы мы красиво двигались навстречу друг другу, но мое тело так не работало. Оно было неуклюжим. Оно меня не слушалось.

Сейчас оно слушалось меня лучше, чем раньше, ведь я прошел все виды терапии, но я по-прежнему двигаюсь по-другому. Добавим к этому, что тело Джереми двигалось нерешительно, и поэтому наш поцелуй больше напомнил удар. Джереми издал звук удивления. Он, как и я, держал глаза открытыми, пока наши губы не встретились.

Потом мы закрыли глаза и стало лучше.

Он приблизил свои губы к моим, делая их влажными. Это было немного странно, но в целом мне нравилось с ним целоваться. Поцелуй меня возбудил, и я захотел прикоснуться к Джереми, чтобы узнать, возбужден ли он так же, как и я. Но это могло легко его испугать.

Я пообещал себе, что в ближайшее время прикоснусь к пенису Джереми.

Когда поцелуя стало очень много, я отстранился, но не далеко. А когда Джереми уткнулся в мой нос слишком мягко, я не позволил мягкому прикосновению меня беспокоить.

— Я хочу быть твоим парнем, — сказал я ему.

Закрыв глаза, Джереми прикоснулся своим лбом к моему.

— Эммет... Не думаю, что ты понимаешь, насколько я ненормален.

— Тебе нужно прекращать говорить о себе плохие вещи.

Его смех показался мне странным.

— Не знаю, как объяснить, но не могу перестать этого делать. Я постоянно слышу голоса, оскорбляющие меня. Они не останавливаются.

Мне было грустно думать о Джереми с теми плохими голосами. Я обнял его, и он положил голову мне на плечо. Вспоминая фильмы и рекламные ролики, которые я видел, я думал, что, возможно, мы были похожи на одну из парочек, сидевших там точно так же. Когда я поцеловал Джереми в висок, то сделал это более неуклюже, чем в кино, но это было прекрасно.

Это был великий момент, почти идеальный. Я держал Джереми в объятиях и считал узоры на его обоях. И только я собрался сказать ему, сколько завитков было на его северной стене, как его мама открыла дверь.

После этого все было не так идеально.

Джереми

Это была полностью моя вина.

Я должен был положить что-нибудь перед дверью с целью задержать маму, ну или услышать скрип пола в коридоре, чтобы отсесть от Эммета, прежде чем она войдет. Я должен был сделать хоть что-то, чтобы это предотвратить. Но я был настолько погружен в счастье, утопая в прикосновениях Эммета (он ненавидит мягкие прикосновения, но ко мне он прикасался невозможно сладко — я думал, я растаю), что даже забыл проявить осторожность.

Я так потерялся в своем долгожданном первом поцелуе с моим парнем, что даже не знал, что мама вошла в комнату, пока она не закричала. Скорее это был даже не крик, а вопль с серией удивленных возгласов.

Если быть честным, я не говорил ей, что я гей. На самом деле, я старался не допустить, чтобы она узнала об этом. Было достаточно плохо и то, что я был депрессивным неудачником. Мне не хотелось знать, как она отреагирует на то, что вдобавок ко всему я еще и гей. Так что она не только застала меня с другом, но и узнала, с каким гендерным типом я хотел встречаться.

Кроме того, я целовался с ЭММЕТОМ. Я недооценил ее к нему антипатию, не понимал что на самом деле она просто пыталась его терпеть.

Мама стояла в дверях, широко раскрыв глаза. Сначала она смотрела на нас и бормотала. — Вы... что? Джереми! Почему?.. Что?.. Боже мой! — Она закрыла рот руками и попятилась.

Можно подумать, она застала меня за потрошением котенка, а не целующим своего друга.

Кроме того, она не видела поцелуй. Она видела лишь наши объятия.

Мое лицо стало гореть, а смущение и дискомфорт распространились по телу, как сыпь. Эммет, сидевший рядом со мной, окаменел и стал качаться взад и вперед, выстукивая по своей ноге SOS тройным стокатто¹⁶. Это был один из его знаков, означающий, что он расстроен и не знает, как реагировать, не знает, что должен делать. Я тоже не знал.

Мама сердито направила на Эммета палец.

— Убирайся! Убирайся из моего дома, сейчас же!

Эммет закрыл глаза и стал громко напевать, раскачиваясь взад и вперед, отстукивая SOS снова и снова.

Я хотел взять его за руку, но его левый кулак был крепко сжат и лежал на его ноге, а правая рука была полностью поглощена выстукиванием отчаянного ритма. Я переживал за него, и появившаяся во мне потребность его защитить придала мне достаточно храбрости, чтобы заговорить.

— Мама, прекрати! Ты его расстраиваешь!

И меня тоже.

Покачав головой, она проигнорировала меня и сердито провела пальцем по воздуху, от Эммета к лестнице.

— *Вали. Убирайся. Вон отсюда, сейчас же!*

Её лицо стало уродливым, перекосившись от гнева, губы сжались, а подбородок дрожал от ярости.

— Как ты посмел прийти сюда и воспользоваться моим сыном? Ты, маленький, гадкий *извращенец!*

Теперь раскачивание Эммета заставило кровать скрипеть, а когда он зажал свои уши руками, его напевание превратилось в гортанные стоны. Все положение его тела изменилось, все в Эммете, которого я знал и о котором заботился, зачихло, оставив лишь странную, страшную скорлупу.

Я думал, так и должны были выглядеть аутисты, до того, как встретил Эммета. Он уже не был тем мальчиком, который целовал и обнимал меня. Я ненавидел, что он дошел до такого. Ненавидел свою мать, которая сделала это с ним.

Я хотел бы сказать, что встал и накричал на нее, что гневно защищал Эммета и оберегал его. Мне стыдно признаться, но все, что я сделал, это сжался на кровати. Я чувствовал жар и холод, головокружение и тошноту.

Паническая атака охватила меня так быстро и неожиданно — вот я сижу на кровати, съезжившийся и неловкий, и вот я уже валяюсь на полу в позе эмбриона, потея и тихо плача, мой мозг заполнил раскаленный ужас, а зубы лязгают друг об друга.

Я не знаю, сколько Мариетте понадобилось времени, чтобы приехать, но внезапно она оказалась здесь, стояла на коленях возле Эммета и успокаивающе с ним разговаривала. Эммет замкнулся в своем пугающем внутреннем мире, его невидящий взгляд был устремлен в какую-то точку на моем ковре, и он все еще раскачивался и издавал ужасные звуки, но Мариетта сидела перед ним и шептала. Её тон, такой умиротворяющий, успокаивал и меня, несмотря на то, что она даже не взглянула в мою сторону. Она посвятила себя Эммету. Мариетта не прикасалась к нему даже пальцем, но при этом окутала его лучше, чем любые физические объятия. Мой взгляд заволочла паника, но я наблюдал за тем, как она победила и вытасила моего Эммета на поверхность.

Моя мама была в гостиной. Я слышал, что она разговаривает с тетей Эммета, слышал, как повышается их тон, когда они начинают спорить. Я не мог разобрать слов, да и, в любом случае, мне не хотелось их слышать.

В основном я смотрел на Эммета с Мариеттой и хотел, чтобы кто-нибудь поговорил со мной таким же тоном. Я видел, насколько она хочет поддержать его, и часть меня вопила и кричала во мне так же, как Эммет делал это снаружи.

Обними меня, Мариетта. Кто-нибудь, обнимите меня. Кто-нибудь, поговорите со мной так же терпеливо и доброжелательно. Кто-нибудь, придите и спасите меня.

Никто этого не сделал. И даже не собирался.

Она и слова не проронила в мою сторону, пока Эммет не уехал. Никто не спросил, хочу ли я попроситься, прежде чем Алтея и Дуглас образовали вокруг него пару стен и не сопроводили его в их машину, которая уже ждала у нашего дома.

Я, страдая и до сих пор чувствуя головокружение и слабость, стоял у нашего панорамного окна в гостиной и следил за тем, как он уходит, следил за машиной, пока та не скрылась из вида.

Все, что я сделал, это поцеловал его. Позволил ему поцеловать меня. Я представляю себе, если бы такие ужасные результаты были у всего простого, например, если бы я открыл коробку с хлопьями, но я не мог этого предвидеть. Это заставило меня желать залезть в кровать и укутаться в одеяло с головой.

Я хотел оставаться там, пока не умру.

Они обернулись ко мне: Мариетта с её обычным добрым выражением лица и моя мать с

тщательно скрываемой яростью. Отец уставился на меня так, будто увидел что-то отвратительное.

— Как ты мог?

Я пожал плечами и попятился к окну, опустив взгляд в пол, поскольку моя мать ждала ответа, но у меня его не было.

Я не хотел говорить. Я хотел уйти. Если бы они не заслонили выход, я бы выбежал оттуда.

Мариетта подошла ближе, и от страха я поднял голову. Её смущенное выражение лица успокаивало.

— Джереми, тебе не нужно бояться. Мы только хотим понять, что произошло, — продолжила она более осторожно. — Эммет... воспользовался тобой?

Сначала я моргал, ничего не понимая. Когда я понял, что она имела в виду, я сгорбился и закрыл глаза.

Воспользовался. Она имела в виду, что Эммет заставил меня.

У меня не было приступа паники, но стыд, больший, чем когда-либо, заполнил меня, заставляя чувствовать себя уродливым и в глубине души неправильным.

Воспользовался. Мариетта спрашивала об этом.

Один поцелуй. Один поцелуй и объятие. Единственный раз, когда кто-то коснулся меня за все эти годы, за исключением жестких объятий при посещении родственников или незнакомых людей, натыкающихся на меня в общественных местах. Даже мама Эммета вела себя так, будто это была самая позорная вещь, какую она когда-либо видела.

— Ответь ей, — потребовал мой отец.

Я начал плакать.

Я думал, что хуже уже быть не может, но хуже стало.

Мариетта начала извиняться передо мной и моими родителями.

— Простите, простите. Полагаю, я должна была это предвидеть. Он решителен, и я знала, что он влюблен в Джереми без памяти, но думала, что это безвредно. Я никогда не думала, что он натворит такое.

Моя мать дернулась в мою сторону.

— Почему ты позволил ему это? Да что с тобой?

Мариетта выпрямилась и напряглась.

— Мне кажется, вы перегибаете палку...

— Он не гей! — рявкнула моя мать. — Я не знала, что твой сын гей, и что он так плохо себя контролирует...

— Хватит!

Они сразу повернулись ко мне, и на их лицах были злость, удивление, настороженность, отвращение. Мне захотелось убежать и спрятаться, но я не мог позволить им так говорить об Эммете, не мог позволить, чтобы они так думали о нем.

— Я гей. И я никогда никому не говорил об этом, потому что не думал, что найду парня. Но потом...

Я остановился. Я хотел сказать, что *потом встретил Эммета*, но стыд прервал поток моих слов.

Моя мать договорила за меня, и отвращение исходило из каждого произнесенного ею слога.

— Но потом тебе повстречался бедный умственно отсталый мальчик, который

недостаточно умен, чтобы сказать тебе «нет»?

— Эммет не умственно отсталый, — вставила Мариетта, вся ее мягкость ушла. — И он далеко не глуп.

Моя мать отмахнулась:

— Да, он идиот-севант или как там. Конечно же, он ненормален. В первую очередь, я не должна была позволять ему связываться с Джереми. Разумеется, этого больше не случится.

Я отпрянул. Её слова были жестче, чем удар по лицу или под дых.

Они собирались запретить мне видеться с Эмметом?

Мариетта начала спорить более яростно, но я видел выражение лиц моих родителей, а мама Эммета не могла сказать ничего, что изменило бы их решение.

Настолько же мать и отец были обеспокоены моими с Эмметом отношениями.

Я оттолкнулся от стены и, спотыкаясь, вышел из комнаты, игнорируя их крики мне вслед. Перепрыгивая через две ступеньки, я поднялся к себе в комнату, захлопнул дверь и подтащил свою кровать к двери, чтобы её заблокировать. Забравшись в кровать, я натянул одеяло на голову и уставился в темноту.

Эммет ушел. Из моего дома и из моей жизни. Больше не будет прогулок в магазин или вокруг квартала. Больше я не встречу его на железнодорожных путях. Не будет больше смс и зависания в Гугле. Больше никаких поцелуев. Никаких прикосновений.

Никакого Эммета.

В своей голове я заново проигрывал разговор внизу. Я должен был бороться за него. Должен был кричать в ответ. Но я был слабым и никчемным. Я не мог бороться. В хороший день я едва мог встать с кровати.

Эммет заслуживал кого-то намного лучше меня. А я не заслуживаю что-либо или кого-либо вообще.

Я тихо рыдал под одеялом, оплакивая свою глупость, бессилие, мой провал. Но горше всего я оплакивал потерю Эммета.

Глава 9

Эммет

Многие суждения об аутизме несправедливы, но самое страшное то, что люди заблуждаются, размышляя о поведении аутистов. Я должен учиться читать по лицам и контролировать свой гнев, и, когда я допускаю ошибку, меня ругают и наказывают. Но когда Габриэль стала вести себя как стерва, потому что ей не понравилось, что Джереми гей, наорал ли на нее кто-нибудь? Сказал ей: «*Эй, может тебе не стоит быть такой сукой со своим собственным сыном*»? Нет. Извиняясь перед ней, меня отправили домой, и вели себя так, будто я сделал что-то неправильное. Они велели мне успокоиться, расстроившись, что я не могу контролировать свой гнев.

Хуже всего, что я не мог просто злиться. Не мог зарыться в свои чувства. Не мог надеть мою рубашку-злость и колотить кувалдой, пока та не сломается. Я не мог дуться или быть угрюмым. Мне нужно было взять себя в руки как можно скорее.

Я видел Джереми перед моим уходом. Он был так расстроен, что впервые огоньки покинули его глаза. Я не всегда могу читать по лицам, но мог замечать этот свет, а теперь его свет померк почти полностью. Вспомнив, как он рассказывал мне о голосах в его голове,

которые всегда были громкими и сердитыми, я забеспокоился, что произойдет, когда к этим голосам присоединится голос ругающей его матери. Я переживал так сильно, что у меня скрутило живот. То, что живот скрутило из-за голосов Джереми, нелогично, но так случилось. Я попытался пойти обратно к нему, чтобы вернуть его свет, но Алтея сказала, что я должен ждать маму. Я хотел показать знаком, что собираюсь прекратить разговор, но если бы сделал это, то не смог бы рассказать ей о Джереми.

— Алтея, послушай меня.

— Нет, это ты послушай меня. У тебя большие проблемы. Миссис Сэмсон действительно расстроена.

Я уставился на её плечо.

— Джереми расстроен. Он очень расстроен, и мне нужно пойти к нему. Он мой парень. Мне нужно утешить его.

Алтея издала забавный звук, и я посмотрел на её лицо, заинтересовавшись, смогу ли его прочитать. Удивленное лицо. Очень удивленное лицо.

— Твой... — Она открыла и закрыла рот несколько раз.

Затем её лицо стало нечитаемым.

— Ох, Эммет. Ох, милый, это совсем нехорошо. Ты не можешь просто взять и решить, что ты чей-то парень.

Почему же все так глупы.

— Я не просто взял и решил. Мы обсудили это вместе. Мы решили быть вместе, а потом пришла она и стала кричать, потому что застала нас обнимающимися. Хорошо, что она не видела, как мы целуемся.

Выражение на её лице менялись так быстро, что за ним было сложно уследить.

— Сладкий... Джереми заставлял тебя делать что-то, чего ты не хотел?

Потребовались усилия, чтобы не разозлиться снова.

— Джереми никогда не заставит меня делать то, чего я не хочу. Он даже не сможет. Он слишком застенчивый. У него депрессия, и она сокрушает его. У него нет никаких знаков, и он не принимает лекарств. Джереми очень раним. Гораздо ранимее меня. Его мать заставляет его чувствовать себя плохо, и думаю, именно этим она занимается сейчас. Мы должны помочь ему. Я должен помочь ему.

Я говорил спокойно и медленно, но она не понимала. Мой отец так ничего и не сказал, но он часто и хмуро смотрел на Алтею. Я не знал, что это означает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда пришла мама, она разозлила меня почти так же, как и Алтея.

— Солнышко, — она стояла передо мной, встревоженно смотря на мое лицо. — Что происходит?

Почему она спрашивает об этом меня? Откуда мне знать, что происходит сейчас у Сэмсонов?

— Мне нужно увидеть Джереми прямо сейчас. Он мой парень, и он расстроен. Мне нужно снова сделать его счастливым.

— Парень? Эммет...

На это у меня не было времени.

— Мама, прекрати. У меня есть парень. Джереми. Почему, вы думаете, я проводил с ним столько времени? Но я не могу говорить об этом сейчас. Он расстроен. Я должен это исправить.

Я пошел в сторону входной двери, но она схватила меня за руку. Ненавижу, когда люди хватают меня. Я стал трясти рукой, чтобы сбросить её руку, но потом заставил себя остановиться. Вместо этого я отстранился и посмотрел на нее со злым выражением на лице.

— Мама, отвали от меня.

Она заслонила дверь своим телом.

— Дорогой, ты не можешь пойти туда прямо сейчас. Если хочешь, злись на меня, но ты не можешь идти в дом Сэмсонов. Для тебя это небезопасно. Миссис Сэмсон очень зла.

— Мама, миссис Сэмсон сука.

Мама сжала губы, а это означало, что ей не понравилось это ругательство, но она не сказала, что это было грубо. Ведь она знала, что я прав.

Закрыв глаза, она медленно и глубоко вдохнула.

— Ты не можешь туда пойти. Мы поговорим об этом позже, а прямо сейчас мне нужно поговорить с твоим отцом.

— Мне нужно поговорить со своим парнем. Я взрослый человек, мама. Хватит обращаться со мной, как с ребенком.

Мы спорили с ней минут пятнадцать, но вынужден сказать, что не выиграл этот спор. Я не напал, не напел, не истерил, но, в конце концов, отправился в свою комнату. Я бил надувной кувалдой по моей постели и выкрикивал грубости в адрес миссис Сэмсон, выкрикивал достаточно громко, и они, внизу, должны были меня слышать, но никто не пришел, чтобы остановить меня. Также я пару раз сказал плохо о маме, но почувствовав, что это неправильно, прекратил. Мама, конечно, была властной, но она не была такой стервой, как Габриэль Сэмсон.

Успокоившись, я попытался решить, что делать. Я могу думать только о том, что мне нужно проверить Джереми, но меня бы поймали, выйди я через заднюю или переднюю дверь. Вероятно, они правы. Если я пойду к нему домой, его родители все равно не дадут мне увидеться с ним.

Но, если его телефон по-прежнему при нем, я мог ему позвонить или написать.

Я написал.

Если он, как обычно, выключил звук телефона, родители этого не услышат.

«Джереми, это Эммет. Я беспокоюсь о тебе. Переживаю, что ты расстроен, но моя тетя и родители не понимают этого. Пожалуйста, скажи как ты, и как я могу тебе помочь. Если вообще могу».

Он ответил спустя несколько минут. Судя по его ответу, что-то было неладно.

«Я подвлн».

Иногда Джереми ошибался в орфографии и пунктуации, но не настолько. И обычно он говорил, что с ним все в порядке, но сегодня он признался, что ему плохо.

Я не знал, как поступить.

«Я хочу помочь. Можно я приду?»

Его быстрый ответ заставил меня грустить.

«Нет, из-за мамы».

Мне стало грустно. «Нет, из-за мамы».

Если закрыть глаза, я мог представить его лежащим под одеялом в своей кровати, использовавшего всю свою энергию только на то, чтобы нажимать на кнопки. Даже если бы мы созвонились, ему было бы трудно говорить. К тому же, его мама слышала бы. Я был зол на маму Джереми. Мой мозговой осьминог был в ярости, и мне хотелось дать ему волю, но я

сдержался. Сейчас важен не гнев. А Джереми.

«Ты хочешь, чтобы я продолжил с тобой разговаривать? Я знаю, тебе трудно набирать слова, но если ты хочешь продолжить общаться эсэмэсками, то можешь писать только да или нет».

Прошло несколько секунд, и он прислал мне:

«Да».

Расслабившись и скрестив ноги, я сел на пол на мою подушку для раздумий. Я бы хотел печатать на клавиатуре, но потом до меня дошло, что могу подключить к телефону свою беспроводную блютуз-клавиатуру. Взволнованный, я набрал «СВ» — это сокращение для «скоро вернусь», снова устроился на подушке с клавиатурой на коленях, поставив телефон на книжную полку экраном к себе, и начал печатать.

«Прости, я делал все дольше, чем предполагал. Я подключил клавиатуру к своему телефону, поэтому могу печатать быстро. У меня есть вопросы. Ты не слишком подавлен для того, чтобы ответить на них? Я мог бы сформулировать их так, чтобы ты отвечал только «да» и «нет», но не хочу заставлять тебя говорить, если твоя депрессия сейчас особенно сильна. Так что вот мой первый вопрос: могу ли я задавать тебе вопросы?»

«Да».

Я улыбнулся и стал печатать снова.

«Я рад этому. Но давай придумаем правила. «Д» — да. «Н» — нет, «В» — если ты больше не хочешь говорить. Тогда мы попросимся и спишемся позже. «Х» — если я спрашиваю что-то, на что ты не хочешь отвечать. Если я тебя рассержу, напиши «З» и я извинюсь. Пойдет?»

Чтобы ответить, ему потребовалось несколько минут, но я понял, почему ему потребовалось время, когда пришло большое смс.

«Д. Но добавь для меня буквы «П» для извинений и «Не» для того, чтобы сказать, что я тебя услышал, но мне нечего ответить на твой вопрос».

«Хорошо. Ты здорово придумал, Джереми».

Еще смс.

«С — спасибо».

После этого смс пришло еще одно с буквой «С».

Вот что Джереми делал со мной. Я нервничал из-за него и злился на наших матерей и мою тетю, но он все еще мог заставить меня чувствовать себя хорошо.

«Ты сказал, что я не могу прийти из-за твоей мамы. Она злится на меня?»

«Д».

Это разозлило и меня...

«На тебя она тоже злится?»

«Д. И мне тоже печально».

Я хотел спросить, почему он грустит, но ему было бы слишком сложно ответить. Не придумав другого вопроса, я рассказал ему об Алтее.

«Моя тетя вела себя странно, когда я сказал ей, что мы встречаемся, и стала еще более странной, когда я рассказал, что мы поцеловались».

Печальные мысли атаковали мою голову, и я решил поделиться ими с Джереми.

«Думаю, они считают, что я слишком глуп, чтобы быть твоим парнем. Что тебе нехорошо иметь в друзьях аутиста».

Джереми меня прервал, написав:

«Нет, это я сломлен».

Я так рассердился, что вместо «З» написал ответ.

«Ты не сломлен. У тебя психическое заболевание, но оно не означает, что ты сломлен.

Это означает, что твой мозг болен. Не говори, что ты сломлен. Это не так. Не говори с себе гадостей».

После длинной паузы он написал:

«Не».

А потом:

«Пр».

Теперь у меня возник вопрос, но связанные с ним эмоции бушевали, и мне потребовалось время, чтобы связать свои слова воедино.

«Ты все еще хочешь, чтобы мы были вместе?»

Я долго набирал эти слова, прежде чем отправить, но ответ Джереми был очень быстрым.

«Д».

Затем, после короткой паузы:

«А т?»

В моей груди щемило, пока я пытался быть достаточно храбрым, чтобы отправить эти слова, а теперь в ней были теплота и счастье.

«Да, я хочу быть твоим парнем. Больше, чем когда-либо».

«С».

Минуту я напевал, чувствуя себя счастливым, наслаждающимся счастьем от того, что Джереми все еще хочет быть со мной. Но я быстро пришел в себя. Это Джереми нужно почувствовать себя лучше.

«Я беспокоюсь, что они не позволят мне увидеться с тобой прямо сейчас, но не волнуйся. Я буду настаивать, пока не добьюсь своего. Я умею быть настойчивым».

«Не. С.»

Я раскачивался и напевал, набираясь храбрости для следующего вопроса.

«Могу ли я быть настойчивым с твоей мамой?»

Он помолчал, а потом написал:

«Янз».

Это сокращение для «я не знаю».

«Не думаю, что твоя мать любит меня. И это меня расстраивает. Я практикую свои социальные навыки всякий раз, прежде чем прийти к тебе, но она корчит неприятные мне гримасы. Что я делаю не так?»

Прошло много времени, прежде чем Джереми ответил.

«Мама хочет чтобы все были норм особ я».

Мне бы хотелось, чтобы он использовал знаки препинания, чтобы я мог его понять.

«Ты хотел сказать, что твоя мама хочет, чтобы все были нормальными, особенно ты?»

Когда он прислал еще одно «Д», я помотал головой и покачался, прежде чем ответить.

«Джереми, нет такого понятия, как «нормальный». Со стороны твоей матери неправильно говорить «быть нормальным». У меня аутизм. У моей тети тоже аутизм. У моего папы непереносимость лактозы. Ноги моей матери на целый размер отличаются друг от друга, а рукава в её одежде всегда ей коротки. Все люди разные. Все в этом мире

отличаются друг от друга, так как кто-то может быть «нормальным»?»

Я боялся, что он напишет «Вс» или «Х», но после долгой паузы он ответил.

«Моя мама верит в нормальность и то, что я не могу быть таким, расстраивает меня».

Я пытался придумать ответ, но он написал снова.

«Иногда я хочу убить себя, много раз я пытался».

Я стал громко мычать, и мне пришлось махать своими руками, прежде чем я смог писать снова.

«Джеремии, меня расстраивает, когда ты говоришь подобные вещи. Пожалуйста, больше не пытайся себя убить, я этого не вынесу. Если ты убьешь себя, ты больше не будешь жить».

«Иногда жить намного труднее».

Он сказал странную вещь. Я попытался осмыслить его слова, но они не имели смысла. Как это, жить труднее? Все, что ему нужно было делать, продолжать дышать и есть не слишком горячую и холодную пищу. Или он ограничен и в этом?

«Извини, Джереми. Думаю, что я не понимаю, что ты имеешь в виду. Как это, жить труднее?»

Ответ вновь занял у него много времени, поэтому я напевал и раскачивался, пока ждал его. Когда пришло его сообщение, я заставил себя читать медленно и внимательно, чтобы понять.

«Мои эмоции переполняют меня, мне трудно их удержать. Они прогибают меня, делают меня неуклюжим, усталым и разбитым. Иногда мне кажется, что я все еще держу ведро с водой, но пытаюсь держать океан, а это очень трудно. Порой я думаю, что предпочел бы не держать мой океан, даже если это означает, что я больше не буду жить».

Громко напевая, я качался. Я формировал руками знаки и хлопал, прежде чем смог напечатать ответ.

Это еще одна хорошая черта Джереми. Он использует метафоры, которые я могу понять.

Я ответил:

«Аутизм для меня, как океан. Меня подавляют мелочи, чувства, прикосновения. Все остальные могут читать по лицам, я не могу. Все остальные могут смотреть людям в глаза, я — нет. Только аутисты должны учиться распознавать эмоции на лицах, чтобы понять, что люди имеют в виду. Когда ты аутист, все ведут себя так, будто ты недочеловек. Я злюсь на свою семью за то, что они говорили, что я нормальный, но, когда я рассказал им, что я твой парень, они сказали, что я не могу им быть. Получается, что они врал, и я — недочеловек».

Меня переполняла ярость, но я откинул её на задний план. Я хотел не сердиться, а продолжить разговаривать с Джереми.

«Это мой океан! Я притворяюсь похожим на остальных людей, насколько могу, чтобы они не видели во мне подобие робота. Я не робот. Я живой, и чувства у меня такие же, как у всех. И я хочу, чтобы у меня был парень. Только мой океан не хочет моей смерти. Он хочет, чтобы я боролся. Джереми, я хочу, чтобы и ты боролся. Я хочу, чтобы мы держали наши океаны вместе».

Я дал ему время прочитать смс, ведь я много написал. Я перечитал то, что он говорил об океанах, и что я ответил ему. Может я не всегда понимаю аналогии, но эта мне понравилась.

В ней был смысл. Мой аутизм не мокрый, и в нем нет рыбы, но он огромен и неуправляем, да и большинство людей думает, что с этим сложно справиться. Мне кажется, что с депрессией та же история.

Я попытался представить себе ведро, достаточно большое, чтобы вместить в себя океаны, и понял, что это ведро — Земля. Это означает, что мы с Джереми пытаемся удержать целую планету воды. Это несправедливо, но папа говорит, что такова жизнь.

Джереми ответил мне снова:

«Если время будет совсем неудачным, я напишу «X» и отвечу позже. И если уже я напишу тебе не вовремя или когда тебе нужно отдохнуть, ты тоже используешь «X». Такой план тебе подходит, Джереми?»

«Д. С.».

А затем он прислал знак <3. Сначала я грешил на математику, а потом вспомнил, что это был код для бокового сердца. Оно должно было быть правильной стороной вверх, если бы это была смайл-картинка, но они не были установлены в его телефоне.

Я смеялся и напевал, когда отправлял ему сердце в ответ.

Неделя после того, как миссис Сэмсон застала нас с Джереми, была очень напряженной. Я носил свою футболку с Далек¹⁷ не снимая, и вынужден был стирать её каждый вечер. Если вы носите одну и ту же футболку два дня подряд, люди будут говорить, что от вас плохо пахнет. В нашем доме каждый имел право носить футболку с Далек, потому что все ссорились. Мама и Алтея ссорились со мной, ссорились друг с другом. Папа ссорился с ними и вытаскивал меня из дома поесть мороженого, которого я за эту неделю съел столько, что начал его ненавидеть.

Потом мы перешли на просмотр «Братъев Блюз», от которого мой животик не страдал расстройством. Я любил моего отца и до этой недели, но из-за того, что он продолжал защищать меня перед мамой и Алтеей, я стал его любить еще больше. Когда я жаловался, что они несправедливы ко мне, он соглашался.

— Как ты мог, Даг?! — возмутилась мама, а Алтея сверлила папу глазами, но он покачал пальцем перед их лицами.

— Вы не можете сказать ему, что он нормальный, такой же, как и все, а потом вести себя с ним, будто бы он умственно отсталый.

Обычно, когда папа произносит эти слова, я говорю ему, что он должен прекратить так говорить, но у него было такое красное лицо, что мне показалось это не лучшим временем, чтобы его перебивать. Но я сказал ему, что он должен прекратить использовать эти слова, когда мы смотрели фильм, а папа засмеялся и щелкнул меня по носу.

Джереми и я переписывались, но отвечал он не всегда, и могу сказать, что с каждым днем ему становилось все грустнее. Он говорил, что я все еще не могу приходить к нему домой, да и моя мама тоже не позволила бы к нему пойти. Даже мой отец сказал «нет».

Только с моей встречи с доктором Нортом все начало налаживаться. Доктор Норт не только врач, но еще и социальный работник. Сначала он работал врачом психиатром, а потом решил получить степень в области социальной работы, потому что думал, что эта работа важнее работы психиатра. Он долгое время был моим лечащим врачом.

Когда я был маленьким, мы не жили с ним в одном городе, но, когда пришло время выбирать, в какую школу мне идти, мама узнала, что доктор Норт работает в больнице Эймса, и мы решили, что это идеальный вариант. Мама говорит, что большинство врачей в больнице называют его чокнутым старым хиппи, но, произнося это, она улыбается. Похоже,

ей нравятся чокнутые старые хиппи. И мне очень нравился доктор Норт. Видимо, я тоже полюбил чокнутых старых хиппи.

Я посещал доктора Норта каждые шесть недель. Мне нравилось с ним беседовать, это была хорошая перезагрузка для моего мозга. Будто в машине меняли масло, вот только мы не обменивались жидкостями. Это было бы мерзко. Мой крайний визит к нему был назначен перед Днем поминовения, поэтому у меня накопилось много тем для беседы с ним. Я рассказал ему о том, как репетировал свои социальные навыки для встречи, и насколько удачно все вышло. Я рассказал про депрессию Джереми (насколько все было плохо). Рассказал о том, как я помог ему убраться в его комнате и о нашем поцелуе. А потом дошло и до миссис Сэмсон, мамы, Алтеи и папы с его руганью. А также до того, что я все еще не могу увидеться с Джереми. Я говорил так быстро, что ему пришлось дважды сделать мне замечание, чтобы я говорил медленнее и разборчивее, он не понимал меня, а я все это время продолжал тараторить и размахивать руками. При докторе Норте было можно размахивать руками. Он говорил, что его кабинет — зона свободного выплеска энергии.

— Каждую ночь мы обменивались эсэмэсками или картинками, но это не то. Я не мог поцеловать его эсэмэской. Я знал значение «Х» и «О», но вместе они портили весь код.

Доктор спросил меня про код, и мне пришлось ему все объяснить.

— Но теперь Джереми постоянно использует код и редко использует заглавные буквы. Три из четырех его смс я вынужден перепечатать с соблюдением пунктуации и грамматики, чтобы убедиться, что я понял его мысли. Да, и еще, мы долго не разговаривали. Я не могу с ним увидеться из-за его матери, убежденной, что Джереми должен быть «нормальным». Он не может быть нормальным. Даже если понятие «нормальный» существует, у Джереми серьезная депрессия. Но у него нет каких-то особых привычек или знаков, или других методов избавления от нее. А сейчас его мама просто вбивает в его голову, что он *должен быть нормальным*, и они оба расстроены. И это меня очень злит. Я хочу видеть Джереми, а Джереми хочет видеть меня. Ему восемнадцать, а мне девятнадцать. Мы можем все, что нам угодно. Мы же взрослые люди.

Доктор Норт хороший слушатель. Он сидел на месте, пока я все это высказывал, а когда я прекратил, он поднял на секунду бороду, чтобы убедиться, что я закончил.

— Это серьезная ситуация, Эммет. Я понимаю, как это тебя огорчает. Могу ли я сказать тебе, что ты хорошо потрудился, сдерживая свои эмоции во время всего этого? Смею предположить, что ты сдерживался лучше большинства взрослых, которые присутствуют в твоей жизни.

Доктор Норт всегда так делал, спрашивал, может ли он сказать мне что-то приятное. Это всегда заставляло меня смеяться.

— Да, вы можете мне это сказать.

— Ты проделал очень хорошую работу, Эммет. Превосходную работу. И отличные советы, которые ты дал своему другу...

— Моему парню, — перебивать невежливо, но я устал повторять кому бы то ни было, что мы были парой.

— Прости. Ты дал своему парню столько полезных советов по способам его адаптации. Я надеюсь, ты гордишься тем, что ты для него такой хороший парень и друг.

Я улыбнулся.

— Я действительно горжусь. Спасибо.

— Джереми в депрессии, и, насколько я могу понять по твоему описанию, кажется, в

тяжелой. И нет, он не сможет выйти из этого состояния самостоятельно. Депрессия требует терапии и лекарств для должного лечения.

— Мы должны помочь ему, доктор Норт. Мы должны помочь Джереми. Я беспокоюсь. Иногда он говорит, что хочет покончить с собой, а я не хочу, чтобы Джереми делал это. Я могу заставить его смеяться и улыбаться (я умею), и обычно смеющиеся и улыбающиеся люди не хотят себя убивать. Но я не могу понять, улыбается ли он в смс.

Лицо доктора Нортона приобрело задумчивое выражение, поэтому я подождал и позволил ему подумать.

— Эммет, помнишь, я сказал тебе, что все сказанное тобой здесь конфиденциально, и я не расскажу твоей матери, отцу или кому-то еще, о чем мы здесь говорим?

— Да. Помню. — Эту часть я любил. Моя мать иногда любит командовать, и мне нравится, что есть что-то, о чем она не знает.

— С твоего разрешения, Эммет, я хотел бы попросить потратить немного времени сегодня на разговор с твоей мамой об этой теме. Я хотел бы доказать твою независимость и право иметь парня, если вы с Джереми желаете развивать отношения и не хотите, чтобы подобные ситуации повторялись.

Я улыбнулся. Мама бы послушалась доктора Нортона.

— Да, вы можете ей рассказать.

— Могу я также дать совет и тебе, Эммет?

Когда я кивнул, он сказал:

— Я хотел бы попросить тебя сохранить эсэмэски твоего парня и попытаться с ним увидеться с помощью или без помощи твоей семьи. Ты знаешь, что я не вправе указывать тебе, но эта терапия направлена на то, чтобы ты сам раскрыл и узнал себя, и в данном случае это очень важно.

Я испытал противоречивые чувства. Гордость (потому что я был прав во всем) и нервозность (потому что доктор Норт сидел с обеспокоенным выражением лица).

Минут двадцать он разговаривал с моей мамой. Я пересчитал потолочные балки, количество досок на деревянных панелях стены, страницы во всех журналах, и, исчерпав все, что подлежит счету, я, в своей голове, стал вспоминать число Пи. Я был слишком нервным, чтобы сосредоточиться и сформировать Пи, поэтому стал шепотом бормотать оригинал «Братьев Блюз».

Я был похож на мистера Великолепного¹⁸, когда мама наконец вышла из кабинета доктора Нортона. Она молчала, но продолжала смотреть на меня так, будто у меня на лицо что-то прилипло, хотя на нем ничего не было. Я проверил, и оно было чистым.

В тот вечер у нас состоялся большой семейный совет. Каждый извинился передо мной, даже папа, за грубо сказанные им слова. Мама пообещала позвонить Габриэль и попросить её позволить мне увидеться с Джереми, а также спросить, насколько серьезна его депрессия.

Мы все пошли за мороженым в Хикори-Парк, лучшее место с лучшим мороженым в мире. Алтея не ела мороженого, она вегетарианка, но все равно пошла с нами и купила себе ананасовую содовую.

Это был идеальный день.

За исключением того, что, когда мы подошли к машине, чтобы ехать обратно домой из Хикори-Парка, я увидел смс от Джереми.

«Прости

прости меня

я скучаю по тебе Э

прости

с

с

прощай».

Я тоже послал ему смс, но он не ответил. Я начал раскачиваться и напевать, а когда уже начал хлопать руками, Алтея спросила, что случилось, и я показал ей телефон. Алтея прочла сообщение, и лицо её стало испуганным. Она показала смс моей маме. Но лицо мамы не стало таким же испуганным, как у нее. Напротив, оно было невозмутимым. Именно с таким лицом она ходила на работу, ведь она врач. Она нажала на набор номера и набрала три цифры: 911.

Глава 10

Джерми

Не думаю, что люди понимают суть суицидальных мыслей. Они думают, что каждый, предпринимающий попытку суицида, пытается привлечь к себе внимание, но в английском языке для меня не хватит слов, чтобы объяснить, что это в корне неправильно. Чтобы говорить об этом, вообще не нужно использовать какой-то язык.

Для начала, когда кто-то находится в депрессии, настоящей депрессии, их мысли путаются. Существует купол, о котором я рассказывал Эммету, не пропускающий в себя внешние раздражители. Что я не рассказал ему, так это то, что иногда купол мне нравится. Иногда, находясь в нем, я чувствую себя хорошо, потому что никто не может меня достать. Проблема в том, что, хоть тебя и оставили в покое, ты находишься там наедине с собой. Ты находишься наедине со своим собственным мозгом, а мозг депрессивного человека вытворяет поистине сумасшедшее дерьмо.

Когда я посмотрел «Гарри Поттера», и на экране появились дементоры, я понял, что чувствую себя так все время, за исключением того, что у меня нет Патронуса или шоколада, которые заставят меня чувствовать себя лучше. На самом деле, когда я особенно подавлен, вся еда на вкус однообразная и мерзкая, и людям приходится кричать на меня, чтобы заставить съесть хоть что-то. Депрессия — это толпа дементоров, которая живет у тебя в голове двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Они всегда внутри стеклянного купола и могут нашептывать тебе всякие плохие вещи, когда им того захочется. Иногда я могу послать их к черту, но со временем начинаю путаться в том, что реально, а что нет. Иногда я не знаю, является ли шепот в моей голове отголоском чего-то, что я видел или слышал, или это говорит со мной депрессия. Мне все кажется настолько реальным, что я не в состоянии видеть, что это неправда. Иногда я стою в этом шаре, моргая и волнуясь о том, насколько сильно я одурачен своим собственным мозгом.

Я не знаю, почему мой мозг шепчет мне такие гадости, почему он так невероятно груб со мной, но это так. Мой мозг травит меня, не оставляет в покое. Моя депрессия говорит мне действительно плохие вещи, и я пытаюсь не верить, но со временем ситуация становится похожей на игру, в которую вы играете с детьми: вы говорите «да», а ребенок говорит «нет», но после нескольких раундов вы переключаетесь на другое слово, однако ребенок перестроиться не успевает и в итоге, попавшись, говорит «да».

Иногда моя депрессия обманывает меня. В день, когда мама Эммета позвонила в 911, она меня обманула так, что, если бы мама Эммета не сделала тот звонок, я был бы мертв.

Мо дня, когда моя мать, крича, выгнала Эммета из нашего дома, голоса в моей голове ужаснее некуда. Эммет писал мне каждый день, иногда несколько раз в день, но в перерывах, когда он этого не делал, мои личные мозговые хулиганы говорили мне, что он никогда не напишет снова, что он не хотел зависать с неудачником, у которого была такая стервозная мать, что он не хотел быть парнем того, кто даже не может противостоять ей. Хулиганы говорили, что я урод. Говорили, что моя мать права во всем, кроме Эммета, он был прекрасен, а ужасным был я. Я пытался бороться с ними. Пытался слушать Эммета. Но хулиганы живут в моей голове, а Эммет мог со мной только переписываться. Я убедил себя, что Эммет просто хотел заставить меня чувствовать себя лучше, но не любит меня, не хочет быть со мной, он пожелал бы, чтобы я ушёл и оставил его в покое.

Мой мозг шептал весь день, *каждый день* о том, что, если я уйду, это будет во благо. Печальная правда заключается в том, что я думал, как себя убить так же, как Эммет подсчитывает вещи.

Я никому об этом не рассказывал, меня сочли бы странным или заперли, но это правда. Как правило, для меня думать о самоубийстве подобно игре, вроде разговоров людей о том, где бы они спрятали тела, если бы убили кого-то. Конечно, они не думают об этом постоянно, а я вот думаю о том, как мне себя убить, каждый день. И я исследовал разные способы.

Я знаю, что не стоит пытаться передознуться «Тайленолом». Это ужасно больно и долго, и это невозможно изменить. У нас нет пистолета, да и не думаю, что я справился бы с шумом от выстрела. Хотя, сделай я все правильно, я услышал бы его всего один раз. Кровь вызывает у меня отвращение, так что порезы на запястьях исключены.

Но есть еще машина в гараже. Если бы мои родители знали, сколько ночей и сколько часов я просидел в машине с ключами в руках, глядя на садовый шланг, они бы сломали этот гараж. Конечно, я бы забаррикадировал дверь в подвал и дверь наверх, чтобы они не погибли вместе со мной. Я давно уже решил, как я себя убью (в моей голове я абсолютно точно знал, что когда-нибудь это произойдет), я удушил бы себя газами из выхлопной трубы.

В ту ночь я закрыл дверь гаража и забрался в машину. Включив зажигание, я просунул садовый шланг через боковое стекло. Когда я это сделал, отчасти меня, как вспышка пламени от спички в темной комнате, озарило, что это неправильно.

Ты не должен убивать себя, что бы не говорили эти сволочные голоса в твоей голове.

Но я чувствовал себя таким несчастным, и все это было так тяжело, что я не мог больше терпеть, и следующее, что я помню — я сижу в машине. Прежде чем я закрыл дверь, я осознал, что этот раз был настоящим. Не только потому, что я подсоединил шланг (я делал это и раньше), а потому что я принес свой телефон.

Когда я написал Эммету «прощай», признался, что любил его, это было последней вспышкой света. Я плакал, пока писал ему. Так сильно плакал, что слезы ручьем лились по моим щекам. Написав последнее сообщение, я уж было хотел передумать, но мама никогда не позволит мне увидеться с ним снова, а я был слишком слаб, чтобы сражаться за него, и это заставляло меня чувствовать себя больным. Эммет только откладывал то, что я собирался сделать после окончания школы. Без меня ему лучше, он должен найти себе парня, который не будет так лажать. Мне хотелось бы поцеловать его на прощание, но я всего лишь послал смс.

Потом, чтобы не получить никаких сообщений, я разбил свой телефон и расслабился, ожидая конца.

Я еще не полностью отключился, когда парамедики вскрыли дверь гаража, но все же был одурманен настолько, что не смог им ответить, когда они позвали меня по имени. Я помню, как меня вытащили из машины и положили на носилки, надев кислородную маску. И помню, как носилки выкатили из гаража и затащили в машину скорой помощи. Думаю, я видел, как Эммет выходит из своей машины, возможно, видел, как он подходит ко мне, но после этого и до моего пробуждения в больнице, не помню больше ничего.

Я проснулся с ощущением, будто меня кто-то зверски напоил. Ощущал себя безвольным и парящим. Я не могу сказать, что это было хорошо, потому что такие слова как «хорошо» и «плохо» слишком условны. Я не чувствовал обычной тяжести, и мне не хотелось плакать. Я не чувствовал ничего вообще. Когда медсестра вонзила мне в руку иглу, мне было плевать на кровь. Я просто наблюдал за процессом. Если ей нужно, пусть забирает хоть всю мою кровь. Долгое время на мое лицо была надета кислородная маска, но в какой-то момент они сняли её и засунули мне в нос трубку. Очевидно я был под препаратами, которые оказались именно тем, что нужно, когда пришла моя мать, истеря и плача. На этот раз она меня этим не расстроила. Я хотел забрать домой целую коробку этого лекарства.

Но через несколько часов (думаю, прошли часы, хоть и не уверен в этом) вошел Эммет, и я возненавидел это ощущение слабости. Внутри я прыгал от радости, улыбался ему, протягивал руки, но все, что мог делать снаружи — пялиться на него, как зомби, моргать и пытаться поднять свою руку. В определенном смысле это было забавно. Я, возможно, понял Эммета. Он говорил мне, что чувствует больше, чем может показать его лицо, и теперь я понял, что значит испытывать эмоции и быть не в состоянии показать их. Но одну вещь я должен был ему показать. Одну очень важную вещь.

Я попытался сказать ему о ней, но чувствовал себя окаменевшим. Я пытался поговорить с ним, желая, чтобы у меня был телефон, а потом вспомнил, что есть один способ, с помощью которого я могу использовать наши коды. На американском языке жестов я показал ему букву «С», потом «П», и стал повторять их снова и снова.

Спасибо. Прости. Мне так жаль.

— Что он делает? Что случилось? — это была моя мать, но я проигнорировал её, продолжая показывать знаки Эммету.

Он поймал мою руку.

— Не извиняйся. Все нормально.

— Что, что он делает с Джереми?

Боже, мама!

Я метнул в нее пристальный взгляд, которым хотел все выразить, но был уверен, что все еще похож на зомби.

Эммет ответил за меня.

— Я ничего не делаю с Джереми. Мы разговариваем. Он пытается попросить прощения но ему не нужно извиняться. И я не знаю, за что он меня благодарит.

Я благодарил его за то, что он помог меня спасти. На самом деле я не хотел умирать, особенно теперь, когда он здесь. Особенно на этих препаратах. Я не думаю, что хотел бы чувствовать себя так все время, но, если бы я мог получить пакетик этих зомби-лекарств, я готов остановиться и не придумывать способы самоубийства, чтобы скоротать время. Конечно, побочным эффектом являлось то, что все, что я мог делать, это моргать Эммету,

знаками говорить спасибо и извиняться снова и снова.

Стоп.

Есть еще одна вещь, которую я могу ему сказать. Должен ему сказать.

Я был так рад, что показал знаками «я люблю тебя», и это не вызвало у меня тошнотворную нервозность. Я знал лицо Эммета достаточно хорошо, чтобы понять (несмотря на ограниченность проявляемых его лицом эмоций и на то, что меня накачали лекарствами), что я растрогал его. Он показал мне «я тоже тебя люблю» и крепко сжал мою руку.

— Что он имеет в виду, говоря «мы разговариваем»? — спросила моя мама.

— Мы используем знаки.

Эммет уставился на мой рот, а я задумался — это из-за того, что он не может смотреть мне прямо в глаза, или он думает о том, чтобы меня поцеловать.

— Иногда Джереми сложно говорить. Когда при нас есть наши телефоны, мы используем коды для слов, но сейчас телефонов нет, и он разговаривает на языке жестов. Еще я думаю, что его слишком сильно накачали. — Эммет оглянулся через плечо и посмотрел на стену рядом с моей матерью. — Джереми болен, миссис Сэмсон. Ему нужны эти нововведения. Вам нужно перестать пытаться заставлять его быть нормальным. Нормальных людей нет. Вы можете задать вопросы доктору Норту. Он сказал, что я хорошо влияю на Джереми, делаю его более открытым. И я хороший парень для него. У доктора четыре докторских степени, миссис Сэмсон. У вас ни одной. Вам стоит прислушаться к словам доктора Норта.

Моя мать начала со злостью что-то бормотать, и я рассмеялся. Ну, вернее, я бы рассмеялся, но все, что мог, это улыбаться. Улыбаться Эммету, который тоже улыбнулся мне в ответ и сжал мою руку.

Пришла медсестра поменять мне капельницу, и меня замутило. Время, кажется, колебалось. Приходили врач, медсестра. Иногда в палате появлялась моя мать, иногда нет. Один раз мне показалось, что я видел Джен, но я в этом не уверен. Эммет всегда был возле меня, держал меня за руку. Несколько раз он наклонялся ближе и шептал, что ему нужно в туалет или что ему придется отпустить мою руку, чтобы поесть, а несколько раз моя рука нужна была медсестре, но в остальном она всегда была в руке Эммета. Чувствовалась, как будто он держал меня за руку уже несколько дней, но, когда стемнело, я понял, что это произошло в первый раз с того момента, как я попал в больницу.

Эммет наклонился к моей кровати и прошептал прямо мне в ухо.

— Уже девять вечера, мне нужно домой. Я хотел бы остаться, но не могу.

Я запаниковал. Я должен был отпустить его домой, но не хотел, чтобы он меня покидал. И пусть, когда он был со мной, я все еще пребывал в депрессии, он был моим якорем в этом океане эмоций. Я не хотел спать в темноте, в одиночестве, да еще и на препаратах. На самом деле, подумав об этом подольше, я почувствовал, как слезы выступают на моих глазах. Я прижал его руку к моим губам и, когда поцеловал костяшки его пальцев, слеза скатилась по моей щеке.

— Пожалуйста, — прошептал я, — останься.

Сжав мою руку крепче, Эммет стал напевать и взмахивать ей, будто хотел стряхнуть с нее воду.

Он уставился на мои губы.

— Мне пора домой. Остаться здесь на ночь плохая идея, и я не думаю, что мой аутизм

мне позволит. Прости. Но я могу задержаться еще ненадолго.

Мне хотелось, чтобы он остался на всю ночь. Мне было нужно, чтобы он остался со мной, но я понял, что он не может.

Хотя бы еще немного. Объятий. Поцелуев.

Я кивнул Эммету.

Действие сильных препаратов заканчивалось.

Я похлопал по месту рядом со мной.

Ляг рядом. Обними меня.

— Это не комната. И ты весь в трубках.

Я был слишком измотан, чтобы спорить, поэтому просто откинул одеяло и ждал. Походив и понапевав еще немного, Эммет сел ко мне. Он возился с рельсом на кровати и уронил пульт от телевизора, проворчав что-то, прежде чем занял нужное положение, близко ко мне, и наши тела соприкоснулись.

— Они арестуют нас, — пробормотал он.

Я накрыл нас одеялом и, прикоснувшись к его лицу уверенным движением, которые ему нравились, прижался губами к его губам. Приоткрыв рот, я облизал его губу.

Эммет вздрогнул и пробормотал:

— Ты лизнул меня. — Но потом он тоже приоткрыл рот, впусив мой язык.

Из-за всех этих препаратов эрекции у меня быть не могло, но я почувствовал его твердость, упирающуюся мне в пах. Его поцелуи были неуклюжими и робкими, но я был смел, и Эммет принимал каждое мое движение. Обняв меня за плечи, он дышал все тяжелее и тяжелее, пока не отстранился.

Когда он заговорил, голос его дрожал.

— Джереми, если ты продолжишь меня целовать, я кончу прямо в трусы.

Я улыбнулся, но поцелуев не продолжил, только уткнулся носом в его щеку. У него была лучшая щетина на свете, ощущать её было так хорошо.

— Спасибо за то, что вызвал 911. За то, что ты со мной.

За то, что ты есть.

— 911 вызвала моя мама, но с моего телефона.

Эммет тоже неловко уткнулся носом в мою щеку, но без моего напора.

— Пожалуйста, Джереми, не делай так больше.

Я хотел пообещать ему, что больше этого не сделаю. Мне хотелось сказать, что я не думаю о самоубийстве, пока он со мной.

Это было бы ложью. Поэтому я поцеловал его губы еще раз и прижался к нему.

Когда вошла медсестра, она не накричала на нас, но велела Эммету уйти, и, когда он ушел, я молча уткнулся в подушку и захныкал. Прежде чем грусть поглотила меня, медсестра сделала мне укол еще какого-то препарата, и я заснул.

На следующее утро я проснулся уже не с таким сильным ощущением опьянения. Оказалось, что я реагировал на успокоительные препараты сильнее, чем они ожидали, поэтому так долго чувствовал себя настолько одурманенным, но теперь, хоть я и чувствовал себя по-прежнему ослабевшим, я был в состоянии сидеть, ходить и двигаться.

После проверки уровня кислорода в моей крови мне сняли все трубки и капельницы и принесли большой завтрак.

Эммету тоже принесли завтрак, потому что он вернулся, как только я проснулся.

Он ел молча, а потом стоял надо мной, практически кормя меня с ложечки, заставляя

все съесть. Медсестрам мы, наверное, казались милыми, они продолжали улыбаться и смотреть на нас. Хотя некоторые из них знали Эммета, как он объяснил, его мать навещала в этой больнице своих пациентов.

Вскоре после того, как мы съели наш завтрак, приехали наши родители, все четверо, и матери, и отцы обоих. Мой отец держал мать под руку, успокаивающе её поглаживая, пока она вытирала свои глаза. Джен приехала с ними, хотя стояла она немного подальше, серьезная и бледная. Она всегда держалась так отстраненно по отношению к нашей семье, но, когда мы с ней разговаривали по телефону или находились наедине, она вела себя по-другому.

Мне надоело думать о том, как ужасен будет день, когда они заставят меня чувствовать себя плохо из-за того, что я почти сделал. На какое-то мгновение это заставило меня пожалеть, что мне не удалось покончить с собой, но потом Эммет взял меня за руку, и я не жалел больше ни о чем. Однако я не получил нотаций и нагоняя, которых ожидал. Когда все стали чувствовать себя неловко и оглядываться по сторонам, в палату вошел доктор.

Эммет, сияя, встал.

— Доктор Норт, вы врач Джереми?

— Да, я один из них. Рад снова тебя видеть, Эммет. Мариетта, Даг. — Врач пожал им руки и повернулся к моим родителям.

— Доктор Говард Норт. Приятно познакомиться.

Мои мать и отец приняли его рукопожатие, но вели себя так, будто им стыдно, как будто они смущены тем, что им пришлось вызвать мне врача. Доктор Норт не заметил этого, а если и заметил, то проигнорировал их.

— Я хочу попросить всех вас ненадолго покинуть палату, чтобы я мог поговорить с Джереми наедине. Если вы подождете в холле, я подойду к сестринскому посту и дам знать, когда мы закончим.

Мой отец застыл, и его усы приняли горизонтальное положение, параллельное его плечам.

— Мы остаемся. Он наш сын. Мы имеем право услышать то, что вы у него спросите.

Джен закатила глаза, но ничего не сказала, а доктор Норт спокойно обратился к моим родителям.

— При всем уважении, мистер Сэмсон, ваш сын совершеннолетний. Если он захочет, чтобы вы присутствовали при нашей беседе, то можете остаться. Можете присутствовать и на других беседах, если он согласится на это, но по закону Джереми имеет право принимать самостоятельные решения относительно его здоровья. И даже если бы он был несовершеннолетним, то я бы все равно настаивал на том, чтобы эта беседа хотя бы частично проводилась конфиденциально. Это не из-за неуважения к вам, как к родителям, а из уважения к Джереми, как к личности.

Это приятно меня удивило, но я сразу напрягся, когда отец посмотрел на меня, явно ожидая, что я скажу доктору Норту, что мы можем говорить при них, и я хочу, чтобы они остались. Я не хотел, поэтому уставился на одеяло и позволил доктору Норту прогнать их всех. Я не возражал, чтобы остался один единственный человек, но он ни на что не жаловался. Эммет обхватил двумя пальцами два моих в знак молчаливого прощания. Потом все ушли, и в палате остались только я и доктор Норт.

Улыбаясь, он пододвинул стул к моей кровати и принял на нем расслабленную, но вежливую позу.

— Ты сегодня хорошо выглядишь. Как ты себя чувствуешь?

Я согнул лежащие поверх одеяла руки. Мне не хотелось говорить о том, как я себя чувствую. Меня осенило, что, возможно, из-за этой ужасной ошибки, которую я совершил, они поместят меня в какое-нибудь заведение. Эта мысль заставила мой завтрак проситься наружу.

— Спасибо, что Эммет остался вчера со мной. Я имею в виду, что думаю, это благодаря вам. Я ценю это, и думаю, он тоже.

— Всегда пожалуйста, — сказал он. — А почему ты не хочешь рассказать мне о том, как ты себя чувствуешь?

Мои ногти снова и снова царапали одеяло, а я уставился на свои ноги.

— Я в порядке. Простите, что всех напугал.

Я начал говорить, что это больше не повторится, но остановился, почти уверенный в том, что этот парень видит ложь насквозь.

— Джереми, ты не должен нервничать. Здесь тебе нечего бояться.

Но я боялся многого.

Несмотря на препараты, я почувствовал, как приступ паники ищет способ вырваться наружу. Я не мог потерять Эммета после того, как снова его обрел.

Прохладные, слегка обветренные руки сомкнулись на моих.

— Поговори со мной о том, что заставляет тебя беспокоиться. Позволь мне помочь тебе.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаюсь затолкнуть страх поглубже. Мне не хотелось говорить ему, чего я боюсь, но, если я не скажу, это гарантирует, что у меня начнется приступ паники, из-за которого меня, скорее всего, упрячут в психушку.

— Я не хочу в психиатрическую больницу.

— Мы всего лишь разговариваем, а не изучаем такую возможность, Джереми. Как ты сейчас себя чувствуешь?

Смущенно и напугано. И еще глупо.

Раньше я чувствовал себя лучше. Когда Эммет был здесь.

— Я хочу увидеть Эммета.

— Ты увидишь. Но сначала мне нужно, чтобы ты поговорил со мной о своих чувствах.

Я не хотел.

— Я хочу пойти домой.

Не очень, на самом деле, но это было лучше того, что происходит сейчас. Одному Богу известно, что этот парень найдет у меня в голове, если начнет копать в ней.

Доктор Норт не касался меня, но он наклонился ко мне и заставил почувствовать себя так, будто он ко мне прикоснулся.

— Мне нужно, чтобы ты внимательно выслушал меня, Джереми. То, что я собираюсь тебе сказать, может тебя расстроить, но я хочу, чтобы ты это выслушал. Ты сможешь это сделать?

Мой желудок скрутило узлом. Я сухо кивнул и уставился на свои колени.

— Хорошо. Спасибо. То, что ты сделал — это серьезно. У тебя не будет неприятностей, никто не будет ругать, осуждать или наказывать тебя. Но домой ты пойти сейчас не сможешь. На самом деле скоро мы поедем в психиатрическое отделение интенсивной терапии, где ты пробудешь как минимум несколько дней для наблюдения.

С таким же успехом он мог закачать лед в мои вены. Я чувствовал себя слишком хреново, чтобы запаниковать, но все равно попытался. На сей раз он действительно положил

руку мне на плечо, довольно мягко, но это удержало меня на месте, когда он заглянул мне в глаза.

— Это не наказание. Это лечение. Важно, чтобы ты понял это.

Его голубые глаза были настолько бледными и не яркими, что казались почти серыми. Эти глаза были добрыми, как у дедушки. Но, даже учитывая эту доброту, мне хотелось плакать.

— Я... я не могу... я не буду.

Он держал руку на моем плече, но именно его ласковый голос удерживал меня на месте.

— Пожалуйста, пойми, не я это придумал. В попытке причинить себе вред ты поднял на уши целую систему государственного здравоохранения. Твои действия указывают на то, что ты не контролируешь себя, и сейчас ни ты, ни твоя семья не можете принимать решение, куда ты отправишься. Сделай глубокий вдох.

Он сделал паузу и ждал, пока я пытался привести в норму свое дыхание. Потом продолжил.

— Я понимаю, это сложно. Это непросто для любого человека, но выкинь из головы голливудские видения пустых коридоров и сумасшедших домов. Ты ляжешь в психиатрическое отделение частной больницы. Это двумя этажами выше. Там все так же, как и в твоей палате, только меньше стекла и оборудования. Признай, что ты там не для наказания, а для того, чтобы за тобой наблюдали и помогли тебе.

Я думал о Голливуде. На самом деле я думал о шоу «Охотники на призраков», в котором они осматривали старую психушку конца двадцатого века. Никаких призраков не появилось, но образы этого старинного и изолированного места до сих пор не дают мне покоя.

Мысль о том, что они могли так легко от меня избавиться — без выбора, не давая мне право слова — заставила меня похолодеть. Это заставило меня пожалеть о том, что я не постарался лучше и не укукошил себя.

Хотя это была неправда. Я не хотел умирать. Нет, если я буду видеться с Эмметом.

Доктор Норт убрал руку с моего плеча.

— Тебя же не гонят туда прямо сейчас. Прямо сейчас, в этот момент, Джереми, с тобой разговариваю я. Я спрашиваю тебя: как ты себя чувствуешь. Я твой врач и хочу это знать. И я хочу помочь тебе, потому что помогать людям, которые чувствуют себя подавленными — моя работа.

Я понимал, что он хочет сделать, но все это не имело смысла, если меня разлучат с Эмметом.

— Вы пытаетесь разглядеть во мне сумасшедшего, но если я действительно сумасшедший, то меня увезут очень далеко. Не сюда. В какое-то другое место. Для моего же «блага».

— Никто не собирается тебя куда-то увозить. Тебе придется остаться здесь как минимум на несколько дней, пока я и мои коллеги не убедимся, что ты больше не причинишь себе вред. Если ты или твои родители будете мне возражать, я добьюсь постановления суда, чтобы задержать тебя здесь, пока опасность не минует. Но у нас нет намерения упрятать кого-то в психушку. Я хочу для тебя не этого. Я хочу начать лечить тебя, чтобы вернуть в социум достаточно окрепшим, и ты мог жить полноценной жизнью.

Мои ноздри раздувались, и я уставился на свои колени.

— Тогда вы можете запихнуть меня куда-нибудь подальше, потому что я никогда не стану сильным.

— Ты хочешь сказать, что даже не попытаешься или что не веришь, что у тебя получится?

Отвращение к самому себе превратилось внутри меня в дым, который душит мою надежду.

— Я не думаю, что достаточно силен для этого мира. Я знаю это. Все хотят, чтобы я был сильным, чтобы я был нормальным, не был грустным и разбитым, но я просто не могу. Я не могу измениться. Мне не нравятся девушки, я не могу быть счастливым, не могу находиться в переполненном магазине без приступов паники. Не могу стоять в пробке, находясь в машине. Я вообще редко вожу. Я не приспособлен к этой жизни. Я не могу измениться. Я это точно знаю потому, что я пробовал.

Я думал, что был достаточно убедителен, но доктор Норт только улыбнулся, а его сероголубые глаза заблестели, будто бы он раскрыл какой-то секрет.

— Но я никогда не говорил, что хочу, чтобы ты менялся. Я хочу помочь тебе найти способ стать сильнее. Чтобы ты стал сильным, ведь ты такой и есть. Изменить то, как ты относишься к миру, и тогда мир изменит свое отношение к тебе, и ты сможешь с этим справиться.

Он что, сошел с ума?

— Это невозможно.

— Тогда моя первая цель — убедить тебя. — Он протянул руки и поднял брови. — Но для начала... Давай сегодня сделаем первый шаг к успеху. Один маленький шагочек. Я сейчас задам тебе два вопроса и попрошу тебя ответить честно на каждый из них. Для ответа достаточно даже одного слова. Я собираюсь спросить, как ты себя чувствуешь и чего ты хочешь. Будь сильным, отвечая на эти вопросы, даже если ты не хочешь или боишься. И помни, ты стараешься быть сильным не для того, чтобы просто пойти домой и покинуть эту больницу, а для того, чтобы жить полноценной и счастливой жизнью. Ты готов попробовать?

Ответить на эти два вопроса не требовало смелости, но я кивнул.

Он сел ближе.

— Как ты себя чувствуешь прямо сейчас, Джереми?

Столько эмоций крутилось в моей голове, что я не знал, с чего начать.

Я не хотел ничего говорить, потому что боялся ответить неправильно, но он продолжал наблюдать за мной. Он будет держать меня здесь весь день, пока я что-то не скажу. Поэтому я попытался сглотнуть, но мое горло было сухим, и произнес:

— Боюсь.

— Очень хорошо, это понятная эмоция. Мне бы тоже было бы сейчас страшно, если бы я испытал то же, что и ты вчера. Я расскажу тебе, что я чувствую прямо сейчас — гордость за тебя и беспокойство о тебе. Я хотел бы, чтобы в тебе не было страха. На самом деле я делаю все возможное, чтобы он ушел. Но также знаю, что один я не справлюсь. Я посижу с тобой еще минутку, и мы еще пообмениваемся с тобой нашими мыслями. Я досчитаю до десяти у себя в голове, и мы дадим чувствам нас заполнить. Я не хочу, чтобы ты пробовал остановить свои чувства, притворялся или изменял их. Просто сиди и ощущай. Ничего, если твои чувства изменятся, но не пытайся их подправить. Я дам тебе десять секунд, чтобы раскрыть свои эмоции. Ты готов?

Я не был готов, но все равно кивнул.

— Давай.

Это было так непривычно. Я не знаю насколько хорошо я выполнял его указания, потому что все равно продолжал думать о своих чувствах. Но иногда мне казалось, что я делаю именно то, что он просил, и просто чувствую. У меня было ощущение, будто я тону в воде. В ее глубоких и синих волнах, но было ощущение, что она может затянуть меня на самое дно. Кроме того, чем больше я выпускал чувства на волю, тем больше задавался вопросом, а правда ли я утону, или это всего лишь мой страх?

— Десять.

Я встряхнулся и, открыв глаза, уставился на доктора Норта, будто бы удивившись, что он здесь. Он улыбнулся мне.

— Хорошо, Джереми, очень хорошо. Ну и как ощущение?

Я не был уверен, как себя чувствую, ведь подобного опыта у меня еще не было. Что он хотел, чтобы я сказал?

— Это было круто. — У меня была надежда на то, что эту «десятисекундную терапию чувств» мы повторим еще раз.

Интересно, а так ли хорошо это будет, если я буду делать это самостоятельно? И еще, а как я узнаю, когда десять секунд истекут?

— Итак, перейдем ко второму вопросу. Ты готов? — Он ждал, пока я кивну. — Чего ты хочешь, Джереми, в данный момент? Помни, неправильного ответа нет. Я не буду осуждать тебя за твой ответ. Все, чего я хочу — это чтобы ты мог проявлять свои чувства и желания. Так чего ты хочешь на данный момент?

Да уж, вопрос был не из легких. И не потому что я не хотел говорить ему (ведь я пока и не говорил), а потому что я не знал. Мне хотелось выбраться отсюда, но я не хотел идти домой. Мне хотелось вернуться домой, но этого места не существует. Такого дома, где все легко, безопасно и хорошо. Это не дом моих родителей.

Я спрятал это чувство поглубже и попробовал снова.

Чего же я хочу? Я не знаю.

Я начал паниковать.

Доктор накрыл мои ладони своими.

— Это не должно быть сложно. Ты можешь сказать мне, что просто хочешь стаканчик мороженого.

Мороженого мне не хотелось. Я хотел чего-то другого. Я это ощущал, практически видел. Закрыв глаза, я вернулся в океан ощущений. Чувствовал я себя ужасно из-за того, что не знал, чего именно хочу. Я расслабился и, позволив себе погрузиться в голубую воду, узнал, чего хочу.

Доктор Норт спросил меня снова:

— Так чего же ты хочешь?

Я не хотел ему отвечать, но в этой голубой толще воды, казалось, мое беспокойство не может меня настигнуть.

— Эммета.

Выкрикнув это имя, я развеял чары воды и нервно взглянул на доктора Норта.

— Я... хочу быть с Эмметом.

Я не был уверен в его реакции, но точно не ожидал от него мягкости и улыбки, которые согрели меня изнутри.

— Отлично. И, кстати, я думаю, это лучше, чем стаканчик мороженого. — Он поднялся, поглаживая мою руку. — Скажу больше, вероятно, я смогу дать тебе то, чего ты хочешь.

Возможно, даже очень скоро.

Я чуть было не поправил его и не сказал, что хочу не видеть Эммета, а быть с ним, ощущать его, но здравый смысл подсказывал мне молчать. В любом случае, то, как доктор подмигнул мне, заставило меня думать, что он знал, что я имею в виду.

Глава 11

Эммет

Они не отпускали Джереми домой из психиатрического отделения. На второй день пребывания в больнице ему пришлось побеседовать с психиатром, что является, по словам моей матери, обычной процедурой для тех, кто пытался покончить жизнь самоубийством. Я был рад тому, что есть люди, которые заботятся о нем, но мне было не по себе от того, что ему приходится там оставаться. Я не видел его с того момента, как его поместили в психиатрическое отделение. Если честно, первые несколько дней я не видел его вообще.

Навестил я его на третий день, когда доктор Норт сказал, что Джереми можно принимать посетителей. Также он сказал, что Джереми хорошо себя вел и всячески способствовал своему лечению, вследствие чего заслуживал награды, и именно я был той наградой, которую он хотел. Это делало меня счастливым. Прежде я никогда не был наградой.

Мы встретились в маленькой белой комнате с диваном и окном. Доктор Норт сказал, что если он нам понадобится, то мы можем щелкнуть красным выключателем на стене, и медсестра сходит за ним, либо доктор придет за мной, когда время нашего свидания подойдет к концу.

Когда я пришел, Джереми ждал меня у окна. Он был одет в обычную одежду, но на нем не было обуви. Когда я вошел, он повернулся и улыбнулся мне, а я улыбнулся в ответ и даже на несколько секунд заглянул в его глаза, чтобы показать, как сильно я беспокоюсь о нем.

Мы обнялись, но не поцеловались, потому что доктор Норт все еще был в комнате.

— У вас час, — сказал он нам с улыбкой и исчез.

— Я так рад видеть тебя, Джереми! — Я невысоко взмахнул руками, потому что был слишком взволнован. — Доктор Норт хороший врач. Мама говорит, что он лучший на всем Среднем Западе. А ты считаешь его хорошим врачом?

На лице Джереми появилось смущение.

— Да. Я... — Закусив губу, он взглянул на меня, потом отвел взгляд, а потом посмотрел снова. — Я... прости. За то, что я сделал.

Я был в замешательстве, потому что не знал, что он сделал, ведь я не видел его три дня.

— А что ты сделал?

Его лицо стало красным, что означало, что кто-то очень смущен.

— Я пытался покончить с собой и теперь заперт здесь. Это не... не поступок хорошего парня.

Мне понравилось, что Джереми говорит о том, что он мой парень.

— Ты болен. Это нормально и не имеет отношения к тому, какой ты парень. — Я хотел взять его за руку, но занервничал, поэтому просто взмахнул руками. — Давай посидим на диване и поговорим. У меня в кармане есть бумага и карандаш, если тебе нужно использовать код, но мне пришлось оставить телефон у доктора Норты.

Мы сидели рядом друг с другом. Я мог чувствовать его запах и ощущать его присутствие, но у меня было пространство, чтобы раскачиваться. Так как мы сидели бок о бок, я не мог на него смотреть, но это хорошо, потому что было неправильно чувствовать себя плохо из-за его взгляда.

— О чем ты хочешь поговорить? — спросил я Джереми, а он стал сжимать пальцами свои колени.

— Я... не знаю.

Я засмеялся.

— Ну ты сказал, что хочешь увидеться со мной. Что я твоя награда за упорную работу. Над чем ты работал?

Это был хороший вопрос. Я был уверен в этом, потому что мы с Алтеей все время практикуемся в приемлемых социальных вопросах, но Джереми, ссутулив плечи, снова засмутился.

— Это, наверное, прозвучит глупо. В основном мои эмоции заставляют меня чувствовать себя большим ребенком, доктор Норт это исправляет.

Я нахмурился.

— Извини, я не понял, что ты сказал.

Джереми дернул за край своей рубашки.

— Мы все время говорим о том, как я себя чувствую. Я практикуюсь в чувствах. Я разговариваю о них и перечисляю то, что чувствую, на наших с доктором сеансах. И объясняю это вслух.

Я оживился, потому что понял его.

— Дома у меня есть футболки для чувств. Я надеваю одну из них в зависимости от того, какое чувство я испытываю. Раньше у меня были футболки только для злости и грусти, но теперь у меня футболки и на тот случай, если я чувствую что-то большее, чем могу объяснить.

Он вздохнул.

— Ты всегда говоришь об этом с такой легкостью. Мне жаль, что для меня это не так легко, и я не должен был закончить в этом закрытом отделении. Не хочу быть запертым здесь.

— Закрытое отделение — это страшно лишь сначала, но они заботятся о тебе, и в этом они хороши, что не может не радовать. Я не был в этом закрытом отделении, но мама говорит, что они практически все одинаковые.

Он прекратил сутулиться и посмотрел на меня с таким выражением лица, которое я не смог понять.

— Ты... ты лежал в психушке? В качестве пациента?

— Да. В двенадцать лет.

Теперь выражение его лица было удивленным. Почти испуганным...

— Когда тебе было двенадцать лет? Они заперли тебя?

— Нет, они просто поместили меня в психиатрическое отделение. Тогда я только начал снова говорить и много злился. Моя терапия не приносила мне пользы, и мне пришлось лечь в больницу, пока я не смог себя контролировать.

Джереми продолжал смотреть на меня с непонятым выражением на лице.

— Ты говоришь так, будто в этом нет ничего страшного. Подожди... что значит, ты только начал снова говорить?

— Долгое время я ни с кем не общался. — Чувствуя, что Джереми пялится на меня, я стал раскачиваться, потому что мне стало некомфортно. — Я мог писать, и знал, как разговаривать, но я этого не делал. Осьминог в моем мозгу не позволял мне этого. Я замолчал, когда мне было девять, и снова начал разговаривать почти в тринадцать. Но я любил математику и много ей занимался.

— Я не понимаю. Почему ты не разговаривал?

Мне пришлось напевать, пока я пытался придумать, как ему все это объяснить.

— Это было давно, и я плохо это помню, но я был зол и подавлен. Я еще ходил в школу, и другие ученики заставляли меня чувствовать себя неловко. Это была частная школа, но она мне не подходила. Учителя были хорошими, но ученики нет. Когда я перешел на домашнее обучение, стало лучше, но после того, как я оставил школу, мне захотелось молчать. Это всех расстроило. Лечение тогда было плохим, и я лег в больницу.

— Что ты имеешь в виду под плохим лечением?

— Был врач, который попытался меня связать, когда у меня началась истерика. Это привело меня в ярость, и я ее ударил. Это было ужасное время. Но потом меня положили в больницу, в хорошую больницу. В клинику «Майо» в Миннесоте. Мы жили в Айове, но в Миннесоте была лучшая психиатрическая больница округа, и там работал доктор Норт. Он помог мне так же, как собирается помочь тебе. — Я качался и улыбался, вспоминая, как доктор Норт избавил меня от дурного лечения. — Он блестящий психиатр, так что, держу пари, здесь все будет точно так же, как и в «Майо», потому что он тут главный. В больнице «Майо» было хорошо. Там было чисто, организовано и пунктуально. Я чувствовал себя там в безопасности. Мы говорили о том, что мне, возможно, стоит пожить некоторое время там, но все настояли на том, что я должен попытаться вернуться домой. Я так и сделал, но практиковался в стратегии преодоления. И это хорошо. Вот почему мы должны слушаться врачей. Иногда наши мозги принимают плохие решения, и мы должны одалживать мозги у докторов.

Теперь и я занервничал. Меня беспокоило то, что Джереми так удивился тому, что я не разговаривал на протяжении четырех лет. Хотя, когда он заговорил, он стал казаться менее удивленным.

— Я... я и понятия не имел, что ты настолько меня понимаешь.

— Я правда тебя понимаю. — Я задумался. — Но только не самоубийство.

Джереми снова ссутулился.

— Прости меня.

— Ты болен. Это нормально. Тебе не нужно извиняться. Ты должен хорошо лечиться, чтобы поправиться, и мы снова смогли быть вместе.

На это Джереми ничего не ответил, но он взял меня за руку и сжал ее. Прикосновение было жестким, поэтому оно мне понравилось. Кроме того, я решил, что мне нравится держать Джереми за руку. Прикоснуться к нему всегда прекрасно.

Изначально предполагалось, что Джереми пробудет в больнице всего несколько дней, но потом они с доктором Нортом решили, что лучше, если он пробудет там месяц, что очень расстроило узнавшую об этом маму Джереми. Моя мама пыталась поговорить с ней, но та не хотела ничего обсуждать, и нам пришлось оставить ее в покое. Но еще я думаю, что мама все еще сердилась на Габриэль, поэтому не сильно старалась.

Хорошей новостью было то, что, хоть Джереми и не выписали, я все равно виделся с ним пару раз в неделю. Иногда я просто навещал его, но несколько раз мы с ним ходили на

групповую терапию. Долгое время я не посещал групповой терапии, и обычно она мне не нравилась, но доктор Норт думал, что мне понравится ходить на нее вместе с Джереми. Он оказался прав. Правда, в первый раз было немного трудно, но не для меня, а для Джереми. На моем первом сеансе групповой терапии в «Майо» вместе со мной в комнате присутствовали еще пять человек, но на этот раз группа включала только Джереми, доктора Нортона и меня, и мы встретились в той же комнате, где проходили наши с Джереми свидания.

Джереми сел на диван, а я, как и доктор Норт, устроился на стуле.

— Джереми, Эммет. Рад видеть вас обоих.

— Я тоже рад вас видеть, доктор Норт, — сказал я, а Джереми промолчал и уставился на свои ботинки.

Доктор Норт наблюдал за ним.

— Джереми, что-то не так? — когда Джереми снова ничего не ответил и лишь ссутулился, доктор Норт подался вперед на своем стуле. — Поговори с нами, Джереми. Расскажи, что ты чувствуешь.

Джереми не поднимал глаз, и, видимо, не собирался говорить.

— Тебе нужен блокнот? — спросил я его.

Иногда во время наших встреч ему приходилось использовать блокнот, и я всегда его приносил, как и сейчас, но я видел, что блокнот был еще и у доктора Нортона.

— Я чувствую себя глупо, — пробормотал Джереми.

Джереми попал в беду, потому что доктору Норту не нравилось это слово.

Доктор заговорил серьезным тоном.

— Используй другое слово, чтобы описать свои чувства. Почему ты чувствуешь себя глупо? Какие чувства скрываются под этим словом?

Понадобилось несколько попыток, чтобы заставить Джереми заговорить, и то только в блокноте, а пока я ждал, я принялся пересчитывать плитки на потолке. Я пересчитывал их и раньше, но их было много, и мне нравилось делать это снова и снова. Плюс, некоторые из них заменили, и теперь их оттенок слегка отличался.

Триста двадцать шесть старых плиток и семьдесят три более темные.

Я был так поглощён подсчетом, что не понял, что они обращаются ко мне, пока мое имя не было произнесено дважды.

— Простите. Я считал.

— Я так и подумал. — Доктор Норт кивнул в сторону Джереми. — Не мог бы ты рассказать нам, почему решил сесть на стул?

Это был хороший вопрос, но я был удивлен тем, что он его задал. Обычно людей это не волнует.

— Здесь только четыре стула с прямыми спинками. Вы сели на первый попавшийся, Джереми сел на диван, а я выбрал стул, из которого могу смотреть в окно. Еще у двух других стульев неровная поверхность и это меня беспокоит.

— Почему ты не сел рядом с Джереми, как обычно делаешь, когда навещаешь его вне лечебных сеансов?

Это был странный вопрос, но я все равно на него ответил:

— Это же групповая терапия. Я должен сидеть на собственном стуле. И я не люблю сидеть на диване, если мне нельзя отвлекаться. Я становлюсь сонным и не могу сосредоточиться.

— Ой. — Выражение на лице Джереми снова стало непонятным, и он уставился в пол.

— Сейчас я точно чувствую себя глупо.

— Ты должен прекратить использовать это слово, Джереми. Доктору Норту оно не нравится, и ты получишь нагоняй. Мне тоже не нравится, когда ты используешь его по отношению к себе. Я думаю это твое Р-слово¹⁹. Почему ты так себя чувствуешь?

Джереми взглянул на доктора Норта, но промолчал. Он не мог смотреть на меня.

— Я думал, что ты не сел со мной, потому что я тебя расстроил.

— С чего мне быть расстроенным? Ты ведь ничего не сделал.

Джереми замолчал, а после того, как пауза слишком затянулась, доктор Норт заговорил вместо него.

— Джереми очень волнует, что люди злятся на него. Он часто думает, что делает что-то неправильно.

Я хмуро посмотрел на Джереми.

— Ты не сделал ничего плохого. Я на тебя не злюсь. Я взволнован от своего пребывания здесь. И если бы я на тебя злился, то так бы тебе и сказал.

После моих слов доктор Норт поднял бровь.

— Это правильно. Эммет — хороший тестер на твою склонность к негативным мыслям, Джереми. У него нет такой искусственной зависимости от мнения людей, как у тебя. А для тебя, Эммет, Джереми является хорошей задачей. Чтобы понять его и то, что он чувствует, ты должен обращать особое внимание на его эмоции и его реплики. Он сказал тебе, что расстроился от твоего выбора места, но ты пропустил мимо ушей его послание, потому что понимать такие реплики тебе тяжело.

Теперь я был смущен и взволнован.

— С моей стороны было неправильно сесть на этот стул?

— Вовсе нет. Никто из вас не сделал ничего плохого, но этот момент — хорошая возможность для вас обоих. Джереми, ты узнал, что, когда ты беспокоишься о том, расстроен ли Эммет, ты можешь спросить его об этом, и, если это правда, он скажет тебе. Эммет, а ты узнал, что тебе нужно лучше следить за Джереми, внимательно читать его эмоции и язык его тела. На самом деле я хочу, чтобы ты сделал это прямо сейчас. Посмотри на Джереми и скажи, как ты думаешь, какие эмоции он испытывает? Предположения приветствуются, но говори мне о своих предположениях. Если ты размышляешь, то говори мне, как ты это делаешь. Джереми, когда Эммет закончит, ты скажешь ему, насколько он был точен.

Я внимательно посмотрел на Джереми.

Чтение чьих-то эмоций — это не для меня, но я знаю, что я приспособливаюсь. Я изучал Джереми, следя за тем, как он сидит, за тем, какие позы принимает его тело, за выражением его лица. Он весь съежился, прижав руки и ноги так близко к телу, словно был жуком, которого перевернули вверх ногами. Его плечи были округлыми и на меня он не смотрел. Выражение его лица не совпадало ни с одной из моих фотографий, поэтому я смотрел на каждую отдельную часть его лица, как учил меня доктор Норт. Его рот был прямым, но губы не были сжаты. Глаза смотрели прямо. Иногда он смотрел вверх и поджимал губы, но длилось это не долго. Еще он сжимал пальцы, что напомнило мне себя, когда мне хотелось начать раскачиваться. Я не был уверен в том, что он чувствует. У меня были лишь догадки и только.

Я начал взмахивать руками.

— Попробуй угадать, — предложил мне доктор Норт. — Давай начнем с основных

эмоций. Отвечай мне «да» или «нет». Он выглядит счастливым?

Нет, не выглядит.

— Не счастливый. — Я стал раскачиваться на своем стуле. — Но не грустный и не злой.

— Есть другие догадки?

Я попытался подумать, как Джереми обычно себя чувствует?

— Наверное, он нервничает. — Я оживился. — Да, думаю, он нервничает.

— Джереми, он прав?

— Да, в общем-то.

— Отлично. Хорошо, Эммет. Можешь сказать нам, как ты догадался?

На моем лице появилась широкая улыбка, гордая от того, что я справился.

— Из-за его рук. Выражение его лица для меня слишком непонятно, и я не могу догадаться по нему, что он чувствует, но он продолжает сжимать свои руки. Это похоже на то, как я хочу махать ими. Да, это почти то же самое, только взмахи виднее другим, и они заставляют людей пялиться на меня.

— Эммет, ты можешь рассказать нам, почему размахиваешь своими руками?

Обычно я нормально разговариваю с доктором Нортом о моих взмахах руками, но я волновался из-за Джереми и стал раскачиваться больше.

— По-честному, Эммет. Расскажи нам об этих взмахах. Джереми признался в своих задетых чувствах, сделав себя уязвимым перед тобой. Теперь твоя очередь. Ты думаешь, что Джереми не нужно присутствовать при этом разговоре?

— Я хочу, чтобы он присутствовал. — Я стал качаться еще сильнее. — Но большинству людей это не нравится. Они думают, что я слабоумный.

— Я не думаю, что ты слабоумный, — сказал Джереми, а доктор Норт подмигнул мне.

— Поговорим об этом. Объясни, почему ты машешь руками, и почему это заставляет тебя чувствовать, что люди тебя не понимают?

Вот что мне нравится в докторе Норте. Он умеет задавать вопросы.

На мгновение я задумался, а потом объяснил, как смог.

— Когда я машу руками, я чувствую себя хорошо, но иногда делаю это потому, что нервничаю или взволнован. Взмахи разные для каждого из чувств. Это как открыть створки и выпустить энергию наружу. У меня внутри так много всего, и я должен это высвободить. Но, если я нервничаю, я втягиваю эту энергию обратно. Наступает ощущение, что я воздвигаю стену в своей голове. А счастливые взмахи ее сносят, и передают эту энергию другим людям. — Идея, что таким образом я делюсь своим счастьем с другими людьми, сделала меня счастливым, и в своей голове я мог видеть яркий бело-синий свет, простирающийся от моих рук к другим людям. Но потом я вспомнил, как большинство людей реагировало на мои взмахи, и счастье улетучилось. — Люди начинают пялиться на меня и перестают со мной разговаривать. Или разговаривают со мной, как будто я ребенок, а не взрослый человек.

Доктор Норт принял его обычную позу слушателя. Он сидел прямо, но не слишком, свободно сложив руки на своих коленях.

— Как ты себя чувствуешь, когда люди плохо реагируют на твои взмахи?

— Грущу, а иногда злюсь.

— Не мог бы ты конкретизировать? Как ты ощущаешь злость и грусть внутри себя?

Я задумался над этим вопросом.

— Серо-голубым.

— Спасибо, Эммет. — Прежде чем перейти к Джереми, доктор Норт мне улыбнулся. — Джереми, у меня к тебе несколько вопросов. Первый: тебя не беспокоит то, что Эммет машет руками?

Я так нервничал в ожидании его ответа, что начал напевать.

— Нет. — Джереми не раздумывал ни минуты. — Меня не беспокоит то, что он машет или хлопает руками, или раскачивается, хотя, если честно, я никогда не видел, чтобы он делал это очень сильно. Я знаю, какой он.

— Возможно, это то, к чему стоит стремиться, Эммет, то есть стать с Джереми настолько близкими, чтобы махать в его присутствии. Теперь, Джереми, у меня к тебе второй вопрос. Что ты чувствуешь, когда слышишь, что Эммет так легко говорит о своих эмоциях?

Джереми вздохнул.

— Зависть.

Нахмурившись, я выпрямился.

— Но почему ты завидуешь? Чему?

— Мне так трудно говорить о том, что я чувствую, а ты снова сказал об этом так, будто бы в этом нет ничего страшного.

Я не знал, что мне на это ответить, и доктор Норт задал мне вопрос:

— Джереми говорит, что ему сложно выражать свои чувства. Ему сложно их отличать. Это часть его депрессии. Признавать то, что он чувствует — кажется опасным его разуму, поэтому он должен в этом практиковаться. Эммет, что сложно делать тебе? В чем тебе нужно практиковаться из-за твоего аутизма?

Это был простой вопрос.

— Лица. Мне трудно понять выражения лиц.

— Поговорим об этом подробнее. Объясни, почему это для тебя тяжело, так, чтобы Джереми мог это понять.

— Я не умею читать по лицам так, как это делают люди без аутизма. Не могу понять по лицу, счастлив кто-то или печален. Это плохо, потому что люди думают, что я это могу, и сердятся, когда я не замечаю, что они чувствуют.

— Ты переживаешь за то, что чувствуют другие люди?

— Да, но иногда я забываю заметить это. Иногда я занят беспокойством о собственных чувствах и забываю о чувствах других.

— Поговорим о том, как ты узнаешь, что чувствуют другие люди. Я думаю, Джереми сочтет это интересным.

Да? Я взглянул на Джереми, но не мог встретиться с ним взглядом, поэтому уставился на подлокотник дивана.

— У меня есть фото. Я смотрю на них, чтобы узнать, как и какая эмоция появляется на лице. Иногда Алтея помогает мне. Сейчас я знаю много эмоций, потому что запомнил их, но всегда хорошо освежить память.

Я взглянул на выражения их лиц: у доктора Норты лицо было внимательным, а вот выражение на лице Джереми было сложно прочесть. Я стал вглядываться в его лицо, и оно стало депрессивным, но мне было наплевать.

— Я не думаю, что фото помогают выяснить, какие эмоции испытывает человек, — сказал Джереми, а я, как и доктор Норт промолчал.

— Почему? Ведь на них изображено то же самое. Ты тоже мог бы использовать мои

фото. Или следить за своим лицом в зеркале.

— Мое лицо не всегда выражает то, что я чувствую.

Мысль об этом была тревожной. Как я мог прочитать, что чувствует Джереми, если его лицо это не отражает?

— Это тоже часть депрессии? Она препятствует выражению эмоций?

Лицо Джереми стало раздражённым, почти злым и он повернулся к доктору Норту.

— Я не хочу, чтобы практика состояла в определении моих эмоций. Я хочу вернуться домой. Хочу быть нормальным. Поступить в колледж, иметь работу, дом и машину.

Доктор Норт успокоил его, сказав то же самое, что говорил когда-то мне: что нет такого понятия, как «нормальный» и что такие изменения помогают нам объединиться с обществом.

Я слушал его, но думал о том, как много Джереми сказал. О вещах, которых он хотел. Он говорил о независимости. У меня тоже что-то было: я поступил в колледж и могу получить работу, когда его закончу, но никто никогда не говорил мне о переезде в другую квартиру, и, очевидно, я не смогу владеть машиной. Мама говорила, что она ищет общее жильё для нас с Джереми, но уже некоторое время об этом не упоминала.

Возможно, не было такого понятия как «нормальный», но было столько всего, что, по мнению других людей, я делать не мог. Как и Джереми.

В конце каждого сеанса доктор Норт предлагал нам установить цели. Я сказал про свои планы, но они не были моей реальной целью. Я сохранил в секрете то, чего мне так сильно хотелось достичь. Мне хотелось независимости. Возможно, я не могу быть как все, но я могу походить на них. Может, не полностью, но моя цель, мое желание состояло в том, чтобы увидеть, чего я смогу добиться. Чего я не знал, так это насколько я и Джереми были близки к этой независимости.

Глава 12

Джереми

Иногда меня беспокоило то, что они могли держать меня в больнице столько, сколько им заблагорассудится. В общем, я был согласен с доктором Нортом, что должен остаться, но меня все еще пугало то, что моя свобода в руках другого человека. Даже если этим человеком был доктор Норт. Хуже того, я был заперт в психиатрической больнице до тех пор, пока не смогу научиться лучше управлять своими эмоциями, но сейчас я даже не могу рассчитывать на то, что у меня получится рассказать о своих чувствах. Хотя доктор Норт всячески пытался меня этому научить.

Каждый день на наших сеансах он спрашивает меня:

— Что ты чувствуешь сейчас? В эту секунду?

Наконец, однажды я не выдержал и сказал то, о чем думал всегда:

— Глупо. — Я дернул за ниточку и тянул, пока клубок не размотался. — И стыдно. Простите. Мне стыдно.

Я думал, что он начнет меня ругать за то, что сказал, что чувствую себя глупо, но он улыбнулся.

— Джереми, хорошо, что ты можешь так легко определить свои негативные эмоции. А ты ощущаешь какие-то другие эмоции? Любые позитивные? На предыдущих сеансах ты

упомянул благодарность. Она все еще имеет место?

Я размышлял над его вопросом. Ответив быстро, я бы сказал, что чувствую только негативные эмоции, но это как смотреть на стерео-картинку и видеть одним глазом, однако, если сконцентрироваться на центре, ты увидишь всю ее целиком.

— Я благодарен, да. Вам. Эммету. Я чувствую себя глупо из-за того, что я здесь и не могу сам за себя отвечать, но рад, что Эммет остановил меня и помог мне. Еще я рад, что его мама помогает моей матери.

Я замолчал. Все, о чем я мог думать — это то, как была расстроена моя мать каждый раз, когда я видел ее.

Доктор Норт не упустил мое молчание из вида.

— О чем ты думаешь, Джереми? Что еще ты чувствуешь?

Я заерзал на стуле.

— Беспokoюсь за маму. — Я глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. Мы с ней говорили об этом уже много раз, но меня это все равно пугает. — Я волнуюсь о возвращении домой.

— Ты проделал отличную работу, корпя над своими чувствами. Нервничать совершенно нормально, но можешь сказать мне, почему ты это делаешь? Не будем судить тебя или твою мать. Попробуем определиться с тем, что ты испытываешь.

Я уперся взглядом в плитку передо мной.

— Она хочет, чтобы я был тем, кем я не являюсь. Я начинаю признавать то, что отличаюсь от других людей и переживаю, что она утянет меня обратно в плохие эмоции.

— Ты еще не готов к групповому сеансу с ней? — он спрашивал об этом каждый день, и всякий раз я отвечал отрицательно.

Сегодня ничего не изменилось. Я отрицательно покачал головой.

— Вчера она снова начала жаловаться на Эммета. Сказала, что поможет мне найти нормального парня, если я так уж сильно этого хочу.

— Что ты почувствовал, когда она это сказала?

— Злость. Огорчение. Боль. — Эмоции так переполняли меня, что это почти тревожило. Как будто я приподнял крышку, а под ней был не компот из чувств, а бушующее море. — Мне нравится быть с Эмметом. Он — лучшее, что происходит со мной за день, но мама заставляет меня чувствовать себя виноватым, как будто я не должен называть его своим парнем. Как будто мы не можем быть вместе.

— Есть причина, по которой вы с Эмметом не должны иметь романтических отношений?

Я фыркнул.

— У моей матери найдется множество причин. Она называет Эммета отсталым. Это меня очень злит и обижает, но это глупо, ведь, по сути, она оскорбляет его, а не меня.

— Ты производишь впечатление крайне чувствительного молодого человека. Я не удивлен, что нападки на твоего парня ранят и тебя.

Доктор Норт подался вперед.

— Я заметил, что ты несколько раз говорил о себе очень уничижительно. И я в корне не согласен с твоим суждением. Для тебя видеть себя таким ущербным в порядке вещей?

Видел ли я себя таким? Я этим жил и дышал.

Я искоса на него взглянул, заподозрив неладное.

— Да, — ответил я нервно.

— Ты думаешь о самоубийстве, когда это испытываешь?

Это точно должно было быть ловушкой. Я вцепился в края стула, пытаюсь выиграть время, но было ясно, что терпение у этого человека поистине ангельское. Иногда он спрашивал об этом, но не на этой неделе.

— Что... что произойдет, если я отвечу «да»? Я завалю тест?

— А я даю тебе тесты?

Он всегда отвечал вопросом на вопрос.

— Да. Вы решаете, насколько я безумен.

Вместо того, чтобы сказать мне, что это не так, он вынул из кармана пиджака небольшой планшет и пару раз провел по экрану, прежде чем показать его мне. На экране планшета был трехмерный эскиз человеческого мозга.

— Это рисунок здорового человеческого мозга в спокойном состоянии. — Он перелистнул на другой рисунок, который был в двухмерном формате и видом сверху. — Это обычная мозговая активность. Все желтые пятна, которые ты видишь, указывают на нее.

Он снова перелистнул. Мозг на этом рисунке был похож на остальные, но желтых пятен было меньше и одна половина мозга была меньше другой.

— Это мозг человека в депрессии, да?

Он кивнул и перелистнул картинку, сменив ее на другую, на которой были изображены тела полностью.

— Это изображения людей, испытывающих различные эмоции, сделанные через тепловизор. Обрати внимание, как тревога нагревает грудь, но другие части тела остаются холодными, а теперь обрати внимание на то, как любовь нагревает все тело.

Я не мог оторвать взгляд от человека в депрессии, чье тело было полностью голубым, холодным как лед. Это заставило меня ощутить грусть.

Недолго думая, я прикоснулся к экрану, а доктор Норт не стал убирать планшет.

— Депрессия — это серьезное психическое заболевание. Мы не понимаем так много, как хотелось бы, но знаем, что человек, страдающий депрессией, не может принимать решения и контролировать свои эмоции так, как это может делать человек свободный от нее. Наши мозги нас не характеризуют, но ими надо заниматься, нравится нам это или нет.

— Но как мне с этим справиться? — Я пытался быть нормальным в течение многих лет, но абсолютно ничего не помогало.

— Лекарства, которые ты принимаешь, должны помочь, но также нужно продолжать активно заниматься терапией. Главный помощник тебе в этом деле — ты сам. Как и Эммет, ты должен упорно работать, чтобы приспособиться, но приспособиться возможно. Я не пытаюсь тебя запугать. Я хочу понять подоплеку твоего решения покончить с жизнью, и прошу тебя попытаться определить — это был единичный случай, основанный на эмоциональном всплеске и внезапно появившемся чувстве отчаяния или ты часто испытываешь такие опасные приступы депрессии.

Я часто задыхался.

— Но нам сложно найти правильные препараты.

Один препарат стал подавать в мой мозг странные электрические разряды, а из-за другого я постоянно плакал. Тот, который я стал принимать сейчас, был лучше, но я волновался, что он окажется таким же неподходящим, и придется начинать все заново.

— Антидепрессанты SSRIs²⁰ и SNRIs²¹ сильные препараты и, поскольку мы работаем с таким хрупким органом, их нужно подбирать с осторожностью. Чем мы сейчас и

занимаемся. Частью проверки, чтобы увидеть, работают ли препараты, являются твои ответы на мои вопросы.

Я медленно и глубоко вдохнул.

— Я думаю о самоубийстве все время. С тех пор, как я здесь, уже меньше, но это превратилось в практически дурную привычку. Иногда я думаю об этом, потому что расстроен. Иногда от нечего делать. Я стараюсь не думать, но это не так просто. Эти мысли заставляют меня чувствовать себя в безопасности, ведь я знаю, что есть выход. Наверное, я сумасшедший.

Доктор Норт поднял руку.

— Я бы предпочел воздержаться от использования и этого слова, и слова глупость.

— Но я такой. Разве нет? Сумасшедший. Я психически больной.

— Психические заболевания не отличаются от порока сердца. Как неисправный сердечный клапан может нанести организму вред, и человеку требуются лекарства и уход, так и при дисфункции мозга. Безумие — это сырой, культурно нагруженный термин, который вешают на больного, но он ничем ему не помогает. Такими мы считаем тех, чей мозг работает неправильно или травмирован, но это предрассудки, а не диагноз.

Где был этот парень, когда мне было четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет?

Все, что я помнил о тех годах — это крики моих родителей. Возможно, мне следовало попробовать покончить с жизнью давно. Только что было бы, если бы у меня получилось?

— Так что будет, когда мы подберем правильные препараты? Я не буду больше находиться в подавленном состоянии?

— К сожалению, не существует лекарства, которое может надолго или полностью остановить депрессию, или убрать чувство беспокойства. Мы еще недостаточно понимаем, что делать, если депрессия трудно поддается лечению. Лучшей аналогией, которую я могу провести, будет сказать тебе, что антидепрессанты и ангибиторы похожи на костыль или подпорку для сломанной ноги. Все равно нужно ходить и бороться с ограничениями, которые тебе поставяет твой мозг. Но тщательно подобранные лекарства могут стать для тебя тем, на что ты можешь опереться, они будут удерживать тебя от частого падения вниз.

Выдуманная картина была ясна.

— Но я никогда не пробегу марафон, если я еле ковыляю?

— Если ты регулярно будешь ходить, то в удачные дни сможешь пробежать какое-то расстояние, но вряд ли. С тем уровнем депрессии, который ты описываешь, вероятно, тебе придется бороться с наплывом эмоций каждый день всю оставшуюся жизнь. При надлежащем уходе и помощи эта жизнь может быть долгой и счастливой.

Я задал вопрос, который, в своем роде, был самым-самым страшным, но я чувствовал, что его необходимо задать.

— А что, если мои родители не разрешат мне принимать лекарства? Или я вернусь домой, и моя мать скажет перестать их принимать?

На губах доктора Норта сверкнула улыбка.

— Это решать не твоим родителям. Твое лечение — это личный вопрос между нами двумя.

Надежда затрепетала в моей груди. *Как такое стало возможно?*

— Я хочу принимать лекарства. Хочу попытаться стать нормальным.

Он погрозил мне пальцем.

— Вот еще одно слово, которое я хочу искоренить из твоего лексикона. Не существует

понятия «нормальный». Жизнь не закрытый бар, в который ты можешь попасть, только если будешь приемлемым для общества.

Но так и есть.

— Я не хочу быть капризным парнем, который все время плачет, и у которого начинаются приступы паники, если в продуктовом магазине слишком громко.

— Нет ничего плохого в том, чтобы быть таким парнем. Нет ничего плохого в том, чтобы учиться управлять собой так, что ты по-разному можешь реагировать на раздражители и на окружающую тебя обстановку, но ты должен оставаться самим собой. Ты тот молодой человек, которого родители стремятся защитить, тот человек, который нравится Эммету. Уверен, что не должен говорить тебе, как трудно произвести на него впечатление.

Я оценил то, что он сказал, но чувствовал, что он намеренно неправильно меня понял.

— Доктор Норт, я хочу ходить на свидания, ходить в колледж, по магазинам и... все остальное. Я не хочу жить с моими родителями. Хочу быть как все те, кто заканчивает школу. Я не хочу чувствовать себя, как сейчас.

— Ты можешь ходить на свидания, в колледж, по магазинам и все остальное. Но ты должен делать это, как Джереми Сэмсон. Ты не можешь полностью убрать свою тревогу и сильные эмоциональные реакции так же, как я не могу стать профессиональным баскетболистом в свои шестьдесят. Что ты можешь сделать, так это научиться управлять своими эмоциями. Чтобы знать, что твои чувства — это не закон. Они кажутся реальными, совсем реальными, но это не делает их законом или правдой.

Если сначала я чувствовал надежду, то теперь она превратилась в отчаяние.

— Так вы говорите, что я должен быть неудачником всю оставшуюся жизнь? Парнем, над которым все смеются? Парнем, с которым никто не хочет дружить? Ребенком, рождение которого не желали его родители?

— Я не произносил ничего из этого. Я говорю о том, что ты можешь быть самим собой. Стараться стать еще лучше. И первый шаг навстречу этому — принять и полюбить себя.

— Значит, мне нужно, чтобы рядом со мной был Эммет все время. Он единственный, кто заставляет меня чувствовать себя хорошо.

— Ты должен научиться справляться с депрессией и тревожностью самостоятельно. Это прекрасно — чувствовать себя сильнее с Эмметом или любым другим человеком, который тебе нравится. Но тебе нельзя допускать, чтобы ты становился стабильным только с ними. Люди — хорошие лекарства, но они не могут быть фундаментом твоих возможностей. Ты должен построить его сам.

Слезы навернулись на глаза так быстро, что я едва смог их удержать.

— Но я не могу. Вы не понимаете, почему это для меня невозможно.

— Это будет непросто, да. Но ты справишься, а я помогу тебе, я обещаю.

Я не понимаю, как он мог это обещать, но не стал спорить, потому что не хотел терять надежду. Самое трудное время в больнице было связано не с приемом лекарств или потерей свободы, или страхом от того, что произойдет, когда я выйду. Оно было связано с моей матерью. Она приезжала каждый день, хотя, честно говоря, я бы не хотел видеть её так часто. Я не хочу говорить о ней плохо или говорить что-то, отчего создавалось бы впечатление, будто она плохой человек. Она любит меня, и я знаю это. Но иногда мне кажется, что она любит мальчика, о котором мечтает, и хочет, чтобы я был чем-то большим, чем есть. Мама всегда была суетливой, но в больнице это стало совсем невыносимо. Ей не нравился свет в моей палате, она говорила, что его недостаточно. Ей не нравились голые

стены. То, что я не должен выходить на улицу, свело ее с ума, и она стала читать лекции доктору Норту и медсестрам про свежий воздух. Критиковала больничную еду, и я был с ней согласен, но не стал рассказывать, что Алтея приносит мне удивительные вегетарианские блюда.

Алтея заставляла меня есть много капусты, что уже было хорошо, но также она приносила фруктовые салаты с кремом из кешью, а иногда, если я хорошо себя вел, она приносила вегетарианские кексы без сахара из магазина, те самые, которыми нас угощала Кэрол в тот день, когда меня накрыл приступ паники в «Уитсфилде». Они были политы кленовым сиропом и были такими вкусными, что за них можно было умереть. Хотя я никогда не произносил эту шутку вслух. Я подумал, что за некоторое время привык к этому.

Мама бы не поняла, почему я ем еду Алтеи, ведь еда, которую я должен есть, должна быть приготовлена ею самой дома. Я должен быть дома.

— Когда же они тебя выпишут? — Это всегда было ее первым вопросом, когда она приходила меня навестить.

Не «как твои дела». Она ничего не говорила о том, что я стал выглядеть здоровее и счастливее. Мама всегда казалась грустной, будто вот-вот собиралась заплакать. Она прикрывала рот рукой или сжимала губы и трясла головой, спрашивая, когда я смогу вернуться домой. Вернуться к нормальной жизни.

Я не знал, как сказать ей, что она причина того, почему я не собирался возвращаться домой, но признался доктору Норту, что наибольшая угроза моему психическому здоровью — это ее попытки ворчать на меня из-за моих страхов. Он согласился со мной, но камнем преткновения был вопрос — как сказать об этом ей. И что делать, если я не собираюсь возвращаться домой.

Когда мое напряжение из-за неспособности ей противостоять выросло, это заметил Эммет. И, конечно, у него не возникло проблемы спросить, что у меня случилось.

— Это из-за лекарства? — Он посмотрел поверх моей головы, сидя рядом со мной на диване. — У тебя кружится голова?

— Нет. Лекарства хорошие. Я чувствую себя немного как в тумане, но более спокойным. У мира теперь не такие острые края. — Я нервно потер ладонью по моим джинсам. — Проблема в моей матери. Мне нужно сказать ей, что она слишком настойчива, что она часть проблемы, но я нервничаю. Не думаю, что все пройдет хорошо. И пока мы с ней ссоримся, я не могу вернуться домой.

Эммет улыбнулся, но это была какая-то злая улыбка, которая заставила мои внутренности содрогнуться.

— А я и не думаю, что тебе стоит возвращаться домой. Ты должен жить в квартире, со мной.

Я заморгал.

— Жить... в квартире? Ты с ума сошел? Я думал, ты сказал, что не сможешь с этим справиться.

— Нет, я не сумасшедший. Ты не должен использовать это слово. — Он стал качаться вперед-назад, но могу сказать, что это было счастливое раскачивание, Эммет не нервничал. — Я не смогу жить в обычной квартире, но мама нашла для нас особое место. Ты знаешь старую начальную школу, к северу от наших домов?

Я знал. Школа имени Рузвельта была старинным кирпичным зданием, она закрылась еще до того, как я пошел в детский сад. Люди были недовольны ее закрытием и пытались

открыть школу снова раза четыре, но ничего не вышло. В последнее время вокруг нее производилось много строительных работ.

— А что с ней?

— Они превратили ее в квартирный дом. Сейчас он называется «Рузвельт», и его откроют в ближайшее время. Я попросил показать мне чертежи. Я не очень в них понимаю, но я прочитал книгу и провел некоторое исследование, и думаю, что они проделали хорошую работу. — Он улыбнулся своей озорной улыбкой. — «Рузвельт» был забит, но мама уговорила хозяина позволить нам снять квартиру, которую они использовали для одного из соработников. Они поделят квартиру так, чтобы для нас нашлось место в новом здании. Мы могли бы переехать туда. Вместе. Мы могли бы стать независимыми.

Идея была замечательной и ужасной одновременно. Я не знал, что ответить.

— Но у меня нет денег и работы. Ни у меня, ни у тебя.

— У моих мамы и папы много денег. Они заплатят за нас, если нужно. Это хорошая идея. Квартира двухкомнатная. У каждого из нас будет собственное пространство, но мы будем недалеко от наших родителей, если нам потребуется помощь. «Уистфилд» и автобусная остановка по-прежнему будут в шаговой доступности.

— Но, Эммет, у меня нет денег. И мои родители никогда не согласятся за меня платить.

— Доктор Норт может помочь тебе найти подходящую работу. Сидеть дома плохо, ты должен стимулировать свой мозг. Просто нужно следить, чтобы ты не перенагружался.

По его словам, все было так легко, но он в своей речи не акцентировал на том, что мы будем парой, хотя это волновало меня больше всего.

Но разве я могу жить с кем-то еще? Никто другой не поймет меня так, как понимал Эммет. И еще, если мы будем жить в одной квартире, мы могли бы заняться сексом. Лекарства слегка притупляли это желание, но только когда Эммета не было в палате. Когда он был со мной, как сейчас, говорил и планировал, и был таким умным, все, что я хотел сделать — это поцеловать его, прикоснуться к нему.

Сейчас он прикасался ко мне: он взял меня за руку и сжал ее.

— Скажи «да», Джереми. Скажи, что хочешь переехать со мной.

Да. Я хочу переехать с тобой.

— Мы... мы должны поговорить с доктором Нортом.

— Мы поговорим. На групповой терапии. — Он устремил свой взгляд к моим волосам и прикоснулся к моей щеке. — Но сейчас время для другой терапии.

О, это мой любимый вид лечения. Когда мы сидели на диване, Эммет держал меня за руку и так сладко целовал.

Наши поцелуи не были похожи на поцелуи в фильмах: изысканными, когда все тело изгибается. Иногда они были неуклюжими, но всегда страстными, и от них мне становилось хорошо. Они заставляли меня чувствовать. Если с доктором Нортом для меня было, черт побери, проблемой понять, чего я хочу, то, когда мы целовались с Эмметом, я знал, чего мне хочется. Я хотел его и хотел так сильно, что это чувство грохотало в моей голове. Мне хотелось поцеловать его, прикоснуться к нему. Снять с него одежду. Познать в сексе все, о чем я читал или смотрел. Я хотел прикоснуться к его члену. Возможно, взять его в рот. Действовать.

Целовать его теперь, когда он заполнил мою голову идеями о совместном проживании, и (о, этого не может быть) возможность мечтать о том, что мне не нужно возвращаться домой были лучше, чем целый мешок антидепрессантов.

К моему удивлению, когда мы пришли на групповую терапию, и Эммет рассказал доктору Норту о его идее с квартирой, наш врач ее одобрил.

— Джереми, на словах я уже помещал вас в ситуации с совместным проживанием, но это может сработать гораздо лучше.

Я не мог в это поверить.

— Но... у меня нет денег. И моя мать никогда на это не пойдет.

— Может, она тебя удивит. А даже если она этого не сделает, то ты можешь оплачивать половину расходов со своих выплат по инвалидности, хотя я бы предпочел, чтобы ты устроился работать на неполный рабочий день. Я бы порекомендовал еще и поступить в колледж, но учитывая то, что ты рассказал мне о школе, может, идея с перерывом не так уж и плоха.

Я не хотел поступать в колледж. Не хотел снова связываться со школой.

— Но... это нормально, если мы будем одни?

— Вы оба совершеннолетние, — сказал доктор Норт. — Юридически вы взрослые, и нет ничего плохого в том, что вы будете жить самостоятельно. При условии, что вам будет оказана помощь. Вам помогут ваши семьи, но также вы должны будете общаться с соцработниками. Они помогут вам научиться ходить по магазинам, оплачивать счета, сдавать вещи в прачечную. Живите своей жизнью. И вам повезло, что в «Рузвельте» есть два штатных соцработника.

Я не знал, что сказать. Я мог думать лишь о том, что это невозможно.

— Вы говорите, что мы легко можем сделать это?

Даже если мы пара? У нас даже не было свидания. Как мы можем жить вместе?

Доктор Норт грустно улыбнулся.

— Нет. Это будет не так уж и легко. Но это хорошая идея, которую стоит рассмотреть.

Мы действительно рассмотрели эту идею: два дня спустя я впервые почти за месяц вышел на улицу, мы собирались доехать до «Рузвельта» на машине Алтеи.

Снаружи еще проводились строительные работы, из-за которых я нервничал и не мог зайти внутрь, но, увидев нас, строители взяли паузу, и собственник здания провел для нас персональную экскурсию. Эммет, казалось, уже хорошо его знал.

— Вы уже привинтили пожарные лестницы, Боб?

Боб улыбнулся Эммету.

— Да. Можете сами в этом убедиться, — он усмехнулся. — Это твой друг?

— Мой парень. — Эммет уставился на стену между нами. — Джереми, это Боб Лорис, владелец «Рузвельта». Боб, это Джереми Сэмсон. Мы собираемся переехать в ваше здание.

— Да что вы говорите. Я рад. — Боб протянул мне руку. — Приятно познакомиться, сынок.

Боб показал нам весь дом. Было странно видеть, что он по-прежнему выглядел, как школа, но в то же время сильно отличался. Мы зашли в одну из верхних квартир под номером шесть, которая была той, что хотел Эммет.

— Здесь открывается вид на железнодорожные пути, так что я могу считать вагоны и смотреть на двигатели. Боб привинтил пожарные лестницы для безопасности. Если бы ты выпал из окна, то сломал бы себе шею или ногу, или и то, и другое, но теперь, когда у нас есть лестницы, этого не произойдет.

Я вынужден был признать, что квартира мне понравилась. Очень. Я не мог сказать, чем она была раньше, возможно, двумя классными комнатами. В ней были две спальни с ванной

комнатой между ними, небольшая прачечная в кухонной подсобке и кухня со столовой, переходящая в гостиную. Потолки были намного выше, чем я мог когда-либо представить. В каждой комнате был потолочный вентилятор, что оценил Эммет, поскольку они ему очень нравились. У него дома тоже был такой, на пульте управления. Эммету нравилось замедлять его, ждать, пока тот остановится, и запускать снова. У меня было ощущение, что он уговаривал Боба стать поклонником дистанционного управления, если тот еще им не стал.

Эммет покачивался и иногда взмахивал руками. Он делал так при мне всего несколько раз, и я был удивлен, что он делает так перед Бобом. Я взглянул на них, волнуясь, что Боб перестанет быть по отношению к Эммету таким дружелюбным, но этого не произошло. По пути в больницу я узнал почему.

— Боб хороший парень. Он построил это место из-за сына, который попал в автомобильную аварию и теперь парализован ниже шеи, только его правая рука немного функционирует. Он хочет, чтобы Дэвид мог жить там, где он сможет быть самостоятельным, но все-таки получать помощь.

Этот комментарий посеял во мне сомнение. Так это было особое здание. Но потом подумал, что это то, в чем я теперь нуждаюсь. Особое здание для особых потребностей. Лучше особый дом, чем мой собственный.

В ту ночь я лежал в постели, в палате было темно и тихо, медсестры и санитарки шли по коридору к парню из соседней палаты, потому что он плакал, а я думал о «Рузвельте».

Меня все равно немного задело то, что это был не обычный жилой дом. Я размышлял над тем, какая инвалидность будет у тех людей, которые будут там жить. Мне была ненавистна мысль, что одним из этих людей был я, я был инвалидом. Как и мысль о том, что, даже если я захочу поступить в колледж, мне придется приспособливаться к нему, как это делал Эммет. И я до сих пор не понимал, пойдет ли нам на пользу такое скорое начало совместной жизни. Это не значит, что я не хотел этого. Просто... Я волновался... волновался, что, возможно, это все было слишком рано.

За день мои страхи улетучились, я лежал в темноте, закрывал глаза и представлял нас, живущих в «Рузвельте». Представлял себе Эммета, смотрящего на железнодорожные пути и себя, наслаждающегося его молчанием, пока он считает. Представлял, как мы идем вниз по улице в магазин, чтобы купить еду. Как готовим обед на уютной кухне. Представлял, каково это — иметь свою комнату и иногда делить свою кровать с Эмметом. Думал о работе. Идея работать пугала и одновременно волновала. Мне очень понравилась мысль о том, что я могу зарабатывать сам и делать свой собственный выбор.

Когда я подумал о том, что об этом придется сказать моей матери, внутри все похолодело, но впервые этот холод был слабее согревающих мыслей о другой, самостоятельной жизни.

Глава 13

Эммет

Я немного солгал Джереми, когда сказал, что мои родители не переживают о том, что мы будем жить вместе, как пара. Мама действительно нашла мне место в «Рузвельте», но она очень волновалась, как я буду жить один, даже если мне будут помогать. Были и другие проблемы, касающиеся финансов. Пока было не ясно, останутся ли при мне социальные

выплаты и медицинская страховка, которые предоставляются правительством, если я начну работать. Мама всю жизнь проработала в штате Айова, так что, по идее, они должны выплачивать их, пока мне не исполнится двадцать один год, но, когда я достигну этого возраста, их уберут. Папа решил, что мне не повредит самостоятельная жизнь, и ничто мне не мешает начать собирать документы на социальные выплаты, как для взрослого. Мама же сказала, что я могу жить самостоятельно и не работать, а приходить со своими нуждами к ним, но я собирался зарабатывать сам, и еще собирался заставить работать Джереми, который будет жить со мной.

Другой каверзный вопрос состоял в том, что моя мама была не против, чтобы мы жили вместе, когда думала, что мы с Джереми просто друзья, но теперь, когда она узнала, что мы встречаемся, она сказала, что уже не так в этом уверена.

— Дело не в том, что я думаю, будто вы не должны быть вместе, — пояснила она, когда я уже начал злиться. — Встречаться с кем-то — это совершенно другое, и я не уверена, что вы полностью понимаете, что это значит.

Я понимал.

— Это значит заботиться о нем так же, как если бы мы были друзьями, но еще заниматься сексом.

Мама слушала меня молча и неподвижно, а это означало, что она старается не перегнуть палку.

— Эммет... ты занимался сексом с Джереми?

— Когда бы я успел? Из-за вентиляционного отверстия в моей комнате вы бы все слышали, его комната была слишком грязной, а потом его мама расстроилась, и с тех пор я виделся с Джереми только в больнице. Нельзя заниматься сексом в больнице. Нас бы арестовали.

Мама продолжала переживать по этому поводу, поэтому мы договорились обсудить все с доктором Нортон. Уже давным-давно мы с мамой не ходили на групповую терапию вместе, и этот раз прошел намного лучше, чем предыдущий, потому что она не плакала, да и я не прекратил разговаривать на четыре года, так что, полагаю, все прошло хорошо. Также на терапию приехал папа, чего он раньше никогда не делал, и я был ему рад, поскольку он на сто процентов был на моей стороне.

— Вот что я скажу, — заговорил мой отец после того, как мама рассказала доктору Нортону то, в чем пыталась убедить меня: будто я не понимаю, что такое встречаться с кем-то. — Эммет более толковый парень, чем большинство девятнадцатилетних молодых людей, которых я знаю. Я понимаю опасения Мари, но знаю моего мальчика. Если он решил что-то, то он это сделает. Я бы предпочел, чтобы он делал это не в одиночку, но знаю, что ему будет трудно жить с кем-то. Единственный человек, которого я могу представить на этом месте — это Джереми. А насчет того, что они будут валять дурака? Мы воспитали сына правильно. Он знает, как себя обезопасить. И, если мы не разрешим им жить вместе, это ничего не изменит. Думаю, малышу Сэмсону это нужно больше, чем Эммету.

Но маму это не волновало.

— Даг, ты упускаешь всю суть.

Я не хотел позволять ей испортить то, что сказал папа, ведь думал, что это был лучший аргумент, о котором еще никто не говорил.

— Ты упускаешь суть, мама. Ты такая же плохая, как и Габриэль. — Мама ахнула, и выражение на ее лице стало сердитым, но я продолжал говорить. — Ты всегда говорила мне,

что мой аутизм не имеет значения, а теперь говоришь, что имеет. Если бы я не был аутистом и захотел съехаться с моим парнем...

— Если бы ты не был аутистом и захотел съехаться со своим парнем, я бы все равно сказала «нет».

Папа поднял руку, призывая нас обоих успокоиться.

— А ну прекратили. Оба. Эммет, уважай свою мать. Она не пытается лишить тебя чего-то хорошего. Она пытается тебя защитить.

— Джереми — что-то хорошее.

— Да, но это не означает, что тебе нужно съезжаться с ним прямо в эту секунду. Я все еще думаю, что это хорошая идея, но мама не говорит, что озабочена этим потому, что ты аутист. На самом деле все наоборот. Ты ее маленький мальчик, и ты говоришь ей, что хочешь вырасти прямо сейчас. Она волнуется за тебя и грустит.

Тут мама начала плакать. Причем так сильно, что стала закрывать глаза и прикрывать рот рукой. Отец положил свою руку ей на спину и, выводя ладонью круги на ее спине, стал что-то тихо говорить маме на ухо.

Я наблюдал за ними, желая продолжить спор, потому что хотел, чтобы они разрешили мне жить с Джереми в «Рузвельте», но не хотел, чтобы мама плакала.

Доктор Норт посмотрел на меня поверх его очков.

— Эммет, скажи мне, почему ты думаешь, что вы с Джереми должны жить вместе в «Рузвельте»? Расскажи, почему это хорошо даже при том, что вы только начали строить отношения. Покажи мне, что ты понимаешь, как это важно.

Я хмыкнул, уставился в пол, стал покачиваться и мягко взмахивать руками, пока думал об этом. Я не понимал, почему это важно, но я думал об этом не в том ключе, в каком думала моя мама. Она превратила все в проблему, а для меня тот факт, что мы являемся парой, делал наше совместное проживание еще лучше. Я был уверен, что все понимаю лучше кого бы то ни было. Это заставило меня волноваться и думать о том, что, возможно, я не прав, возможно, это плохая идея. Но как эта идея могла быть плохой, если я чувствовал, что нет ничего важнее в мире?

Тихий голос доктора Нортона ворвался в мои мысли.

— Мы обсуждали на групповых сеансах с Джереми, как важно следить за нашими чувствами, когда мы вступаем в новые отношения. Ты помнишь об эйфории?

Я нахмурился и вспомнил.

Он хочет сказать мне, что это эйфория?

Доктор Норт был настолько хорош, что иногда мог читать мысли.

— Я не говорю тебе, что согласен или не согласен с твоей матерью, Эммет. Я указываю на вещи, которые ты должен обдумать, и настоятельно призываю тебя выдать логический аргумент, чтобы отстоять свой выбор перед родителями. И перед собой.

Знание, что он не осуждает меня, помогло. Я закрыл глаза и сосредоточился. Качаясь и взмахивая руками, я вспоминал разговор, который состоялся несколько дней назад между доктором Нортом, Джереми и мной. О том, что эндорфины, выделяющиеся во время новых отношений (дружеских или романтических), были так же сильны, как героин. Они заставляют наш мозг вытворять сумасшедшие вещи, вот откуда произошла фраза «сойти с ума от любви». Доктор Норт говорил о том, что мы должны быть осторожны в принятии любых решений на ранних стадиях отношений, потому что мы словно под кайфом.

Был ли я под кайфом? *Да, наверное.*

Но это не значит, что мое решение плохое. Это просто означает, что мне нужно быть предельно осторожным.

Я думал о жизни в «Рузвельте», и когда во мне начала зарождаться эйфория, я положил ее в коробку и отложил в сторону, чтобы рационально проанализировать ситуацию. Все-таки это был хороший выбор для нас обоих. Мы бы находились под присмотром, но с нами бы не нянчились, как с детьми. Это была бы реальная жизнь, но лучше. Как отдельная дорожка в боулинге. Никаких плохих соседей, вернее, никаких соседей, которые бы не поняли мой аутизм. Недалеко от дома моих родителей. Мы все еще можем доходить пешком до «Уистфилда». «Рузвельт» находится недалеко от больницы, от центра города и автобусной остановки. Все это отлично. Так почему моя мама нервничает? Из-за того, что мы с Джереми пара? Я не понимал, что в этом плохого.

Я открыл глаза и пересказал все мои мысли доктору Норту, а он повернулся к моей маме.

— Ну, Мариетта? Можете ли вы объяснить, почему думаете, что совместное проживание Эммета и Джереми — это плохо?

— Да, могу. Их отношения могут не сложиться, и тогда они застрянут вместе.

— Если наши отношения не сложатся, то мы перестанем быть парой и станем просто соседями по комнате, или один из нас съедет. Но они сложатся. Мы будем работать над ними каждый день. Это то же самое, что и распознавать лица. Но в этом случае домашней работы больше.

— Что, если кто-то из вас захочет съехать? Мы не сможем купить еще одну квартиру.

— В этом случае я вернусь домой, а Джереми останется там. Его мама не такая хорошая, как моя. — Я стал сердиться. — Но мы не расстанемся. Прекрати говорить, что мы разойдемся.

— Я не утверждаю это. Я говорю, что это возможно. Ты не можешь знать, что все будет хорошо.

— Я знаю, что будет. Наш дом может сгореть, и я потеряю все свои вещи. Они будут гореть в огне и плакать. Ты можешь умереть, и тогда я буду плакать. Но я не собираюсь прожить свою жизнь, беспокоясь о плохих вещах, которые могут произойти, мама. И тебе советую поступать так же.

Мамины плечи опустились, а мой отец усмехнулся.

— Как я и говорил. Гораздо толковее, чем большинство девятнадцатилетних. — Он уперся руками в свои колени и посмотрел мне в глаза. — Малыш, я верю, что у тебя все получится. Но думаю, что сначала нам с тобой, Джереми и его родителями необходимо устроить большой семейный совет. Так твоей маме будет спокойнее, да и Джереми необходима эта встреча.

Я обдумал его слова.

— Было бы хорошо, если бы мы встретились с Джереми, но его родители ужасно себя поведут.

Мой папа улыбнулся своей улыбкой а-ля Джон Белуши.

— Это еще больше поможет твоей маме.

Встречу отложили на неделю, а тем временем мы начали заполнять документы для проживания в «Рузвельте» — я и Джереми, оба.

Обычно такие вещи делают мои родители, но сейчас они только помогали мне, потому что эта часть процесса, созданная Бобом, делала нас независимыми. Это было

захватывающе. Я получил свой собственный расчетный счет, которого у меня никогда не было, и дебетовую карту. Подруга Боба, Салли, которая была одним из тех социальных работников, что будут жить с нами в «Рузвельте», в квартирах внизу, показала мне, как отслеживать свой баланс. Это было не сложно, но мне не нравилась бумажная волокита, поэтому я нашел онлайн-программу и приложение для телефона, в котором можно было вести учет моих покупок. Приложение глючило, поэтому я создал новое, которое работало лучше, и перенес его и ей, на что она сказала мне, что я гений.

Я сказал ей «Спасибо» вместо «Я знаю». Невежливо говорить людям, что вы знаете, как вы умны, и еще мне кажется, в этом нет смысла, но Алтея говорит, что я должен просто соглашаться.

Быть независимым — это тяжелый труд. Мне пришлось завести таблицу бюджета, где я должен писать, сколько хотел потратить и на что, но проблема была в том, что я не всегда заранее знал, что мне может понадобиться. Мне нужно экономить деньги на случай, если понадобится что-то непредвиденное, но я должен был решить, стоит ли это покупать. Управление бюджетом захлестнуло меня. Было намного проще спросить у мамы, можем ли мы купить мне что-то. Салли сказала, что все будет легче, но теперь я понял, почему все так нервничали из-за моей самостоятельности. Я был рад, что родители будут от меня всего лишь на расстоянии одной улицы, и папа будет следить за моим счетом. Но счет в банке был не самой трудной частью независимости в «Рузвельте». Самой трудной частью была миссис Сэмсон.

Хорошо, что мой отец предложил встретиться семьями, потому что Джереми так нервничал по поводу разговора со своей матерью, что даже доктор Норт сказал, что будет лучше, если все мы будем с ним, хотя Джереми все равно волновался. В первую очередь моя мама хотела обсудить наше совместное проживание, но доктор сказал, что это должно быть групповой терапией для Джереми, а потом уже для всех остальных.

На сеансе присутствовали я, Джереми, доктор Норт, мои родители, Алтея и чета Сэмсонов. Мама сказала, что миссис Сэмсон будет чувствовать себя так, будто все на нее набросились, но доктор Норт ответил, что пусть лучше она чувствует себя неловко, чем Джереми будет загнанным в угол. Также мама повторяла, что, когда два человека так быстро начинают жить, как пара, это неправильно, но всякий раз, когда она это говорила, мой папа подмигивал мне, чтобы я держал рот на замке. Когда папа подмигивает, происходят хорошие вещи.

У миссис Сэмсон было измученное лицо, когда мы вошли в больничную комнату, отведенную для групповой терапии, а выражение лица мистера Сэмсона под его усами и бровями было трудно прочитать: оно, казалось, походило и на фотографии с разъяренными людьми, и с нервничающими одновременно. Я рассказал об этом маме, и она сказала, что эта эмоция — напряженность.

Мы сели в круг на жесткие стулья, я старался не ерзать, потому что мои раскачивания и напевания смутят Сэмсонов. Я совсем не махал руками, и хоть был не уверен, что у меня получится установить зрительный контакт, я хотел попробовать. Я хотел жить с Джереми в «Рузвельте» больше всего на свете.

Доктор Норт улыбнулся всем нам и принял расслабленную позу.

— Рад видеть вас всех здесь. Спасибо за то, что пришли. Я хотел бы обсудить несколько вещей и, во-первых, чтобы не возникло недоразумений, позвольте прояснить цель нашей встречи. Первое правило состоит в том, что это встреча Джереми, и все собрались и

приглашены сюда по его желанию, чтобы обсудить его восстановление и следующий этап его жизни. Все присутствующие важны для него и являются частью этого процесса. Это понятно?

Мои родители и Алтея кивнули, я произнес «да», а родители Джереми сидели по-прежнему прямо и неподвижно. Думаю, они все поняли, но им это не понравилось.

Доктор Норт терпеливо улыбнулся Джереми.

— Говори, когда будешь готов.

Джереми был не готов. Сгорбившись, он часто и неглубоко дышал. Я сидел рядом, наблюдал за ним и мог слышать его дыхание. Он сжал руки на своих коленях в кулаки так крепко, что костяшки его пальцев побелели.

— Не торопись, — сказал доктор и прикоснулся к его плечу.

Это помогало Джереми. Я волновался, а он наслаждался прикосновениями. В этот момент я размышлял, понравилось бы ему, если бы сейчас прикасался к нему я. Не считая того, что это было сложно для меня, я просто не знал, как это сделать. Когда это делал доктор Норт, казалось, что прикасаться к кому-то легко. Мог бы я сделать так же? Положить свою руку на плечо Джереми? Казалось, в этом нет ничего особенного, но то, что получается у других людей, не получается у меня.

Джереми тяжело вздохнул.

— Я собираюсь переехать в мою собственную квартиру и жить самостоятельно с Эмметом.

Мистер и миссис Сэмсон сразу сердито заговорили в один голос, и я дернулся на своем месте. Я был удивлен и смущен. Джереми тоже отшатнулся.

Я наблюдал за ним, потому что это было проще, чем смотреть на его родителей. Джереми выглядел очень испуганным и нервным. Я почти прикоснулся к нему, но затем подумал, не лучше ли будет взять его за руку. Это был бы поступок его парня. Но его рука была далеко. Мне было жаль, что он не сидел рядом со мной. Если бы мы сидели вместе на диване, я мог бы изловчиться и взять его руку в свою.

— Пожалуйста, послушайте доктора Нортона, — попросила моя мама, а мистер Сэмсон так рассердился, что его лицо покраснело.

— Так за этим стоите вы? Вы знали об этом сумасшедшем плане? Зная вашу семью, вероятно, эту идею ему подали вы.

После этих слов мой папа встал и нацелил на мистера Сэмсона палец, а тот стал так дергать свои усы, что был похож на разъяренного моржа. И тогда поднялся уже доктор Норт. Он прошел и встал между ними, протянув обе свои руки в сторону каждого из наших отцов.

— Господа. Мы собрались здесь для того, чтобы обсудить вопрос, а не бросаться обвинениями. Что касается этой идеи, то можете винить меня. Мое профессиональное мнение заключается в том, что Джереми будет лучше восстанавливаться в независимой среде. Также я хотел бы, чтобы он устроился на неполный рабочий день. И на самом деле у меня есть на примете несколько мест, где он сможет работать.

— Он не может работать и учиться, — сказала миссис Сэмсон.

— Я не хочу учиться, — ответил ей Джереми, и все снова начали кричать.

Все пошло по кругу. Джереми и доктор Норт говорили, чего хочется Джереми, а его родители расстраивались. Теперь я понял, почему Джереми так нервничал перед разговором с ними. Даже при нашем присутствии они злились. Они и меня вгоняли в жуткий стресс.

Я представил, как Джереми живет в этом стрессе постоянно, и подумал, что, может, из-

за этого он так подавлен и встревожен. Хотя, наверное, тут все сложнее.

— Мне нужно, чтобы вы поняли, — произнес доктор Норт, когда все наконец успокоились. — Решение о будущем Джереми принимает только он сам. Я даю ему советы о том, как ему нужно поступить с моей точки зрения, но он сам принимает все решения, касающиеся его здоровья.

— Итак, вы предлагаете нам платить за то, что с ним все нормально? — спросил мистер Сэмсон, а его усы продолжали подергиваться. — Платить и позволить ему жить с этим мальчиком, с которым, как он думает, он встречается?

— Мы начали оформлять документы для того, чтобы Джереми присвоили инвалидность и социальные выплаты...

— Инвалидность? — лицо миссис Сэмсон скривилось, и Джереми еще больше сгорбился.

Моя мама выглядела так, будто хотела что-то сказать, и она обратилась к маме Джереми.

— Габриэль, я понимаю, что, когда твоему ребенку присваивают статус инвалида, это огорчает. Я понимаю больше, чем ты можешь себе представить. Но отрицание не изменит ситуацию Джереми, оно фактически лишает его возможности получить помощь и социализироваться в обществе.

После этих слов мистер и миссис Сэмсон стали так орать, что мне захотелось подать знак моей маме о том, что мне нужно выйти. Я смотрел на Джереми и думал, что он тоже хочет уйти, но он не мог покинуть свой же сеанс групповой терапии. Крики заставили меня чувствовать себя тревожно, но я волновался, что если уйду, то мы с Джереми не сможем жить в «Рузвельте» вместе.

У Джереми, в отличие от меня, не было с собой телефона, поэтому я достал из кармана свой, открыл блокнот и стал печатать перед тем, как передать телефон Джереми.

«Крики — это плохо. Мне хотелось бы, чтобы мы ушли»

Он прочитал мой текст и напечатал ответ.

«Да. Прости. Ты можешь уйти, если хочешь»

Когда он вернул мне телефон, я поставил букву «Э» перед моим текстом и «Дж» перед его, как бы разделяя их, и напечатал снова.

«Э. Я не хочу уходить без тебя»

Джереми издал легкий вздох, прочитав мое послание.

«Дж. Не думаю, что смогу уйти. Тебя беспокоят крики? По тебе не скажешь, ты так спокоен. Даже не напеваешь и не качаешься».

Из-за этого я напряглся еще больше. Из-за необходимости сидеть не двигаясь, слушая эти крики.

«Э. Я пытаюсь быть хорошим, чтобы твои родители не называли меня недопустимым словом».

Это было все, что я написал, но Джереми смотрел на мой текст так долго, будто я накатал целую поэму. Он крепко сжимал мой телефон в руке, не отводя от него взгляда. На заднем плане наши родители вопили друг на друга, а тихий голос доктора Нортона пытался заставить их успокоиться. Затем Джереми закричал:

— Хватит!

Я вздрогнул. Его голос был злым, и напев сорвался с моих губ, прежде чем я смог его остановить. Я даже пару раз качнулся, но остановился, когда Джереми положил свою руку

мне на плечо. Это было абсолютно правильное прикосновение. Хорошее, потому что это было его прикосновением, крепкое, но не слишком, и не такое легкое, от которого моя кожа начинает зудеть.

— Извини, — сказал Джереми значительно мягче. — Я не хотел тебя напугать.

Я слегка качнулся, но не стряхнул его руку.

— Слишком много криков. — Хотя сейчас никто не кричал.

Все молчали и наблюдали за мной. Мне хотелось напевать, качаться, взмахивать. И чем больше они смотрели на меня, тем больше хотелось снять это напряжение, но Сэмсоны подумают, что я глуп. Умственно отсталый. Мои оценки и дипломы не берутся в расчет, когда я напеваю, качаюсь или взмахиваю руками.

Мне нужно было уйти, но я чувствовал, что мой побег разрушит наши шансы. Так что очередная попытка покачаться или напеть кукуую-то мелодию с треском провалилась.

Джереми взял меня за руку. Он не кричал, но разговаривал со своими родителями таким строгим голосом, которого я раньше от него не слышал.

— Я устал от всего этого. Мне плевать на то, что вы думаете. Я живу сам по себе. Вы можете упаковать мои вещи или выбросить их. Мне плевать. Фигово, конечно, что у меня настолько сложное психическое заболевание, что я считаю себя инвалидом, но это не значит, что я должен терпеть все эти крики и позволять мешать меня и моего парня с дерьмом. — Его рука сжала мою. — Он мой парень. Я не знаю, почему он хочет жить с ходячей катастрофой вроде меня, но рад этому, потому что он — единственное хорошее, что есть в моей жизни. Мысль о том, что мы будем жить вместе в «Рузвельте» заставляет меня упорнее трудиться и вставать по утрам. Я не хотел оставаться в больнице, пока «Рузвельт» не откроется. Я хотел вернуться домой, чтобы у меня был мягкий и осторожный переход к новой жизни, но я слишком нервничал, чтобы сказать вам об этом, поэтому думал, что будет лучше, если здесь будут присутствовать Эммет и его семья. Но вы смущаете и унижаете меня и его. Так что мы закончили. Просто закончили. Я лучше останусь в больнице или под мостом, чем поеду к вам домой.

Сэмсоны снова начали орать, и я больше не мог это терпеть. Я отпустил руку Джереми и показал знаком маме, что мне нужно уйти, иначе я взорвусь.

Джереми хотел поговорить со мной, хотел остановить, но не смог. Я сдерживался до тех пор, пока не вышел из комнаты, а выйдя из нее, я отвернулся к стене и стал напевать, качаться, хлопать и взмахивать руками. Коридор был пуст, но в моей голове все казалось таким резким и громким.

Меня позвала мама. Она не прикоснулась ко мне, но встала рядом и сказала, что папа пошел заводить машину, а мы выйдем на стоянку через боковую дверь. Алтея молча стояла чуть поодаль и была похожа на охранника. Мне полегчало.

Мы вышли через вход только для персонала, пользоваться которым обычно было нельзя, но моя мама врач, а врачи в больницах делают все, что хотят.

Дома они хотели, чтобы я отдохнул, но я хотел посидеть за компьютером.

Долгое время я работал за закрытой дверью, в которую в итоге постучала мать.

— Я в порядке, — сказал я.

— Мне нужно поговорить с тобой и убедиться в этом. Также тебе нужно поесть и что-нибудь выпить. Шесть часов уже прошло.

Я посмотрел на свои часы и увидел, что так и есть, но мне все равно не хотелось останавливаться.

— Я почти закончил. Уже создаю дизайн.

— Хорошо. Я подожду, но зайду внутрь.

Я не заметил, как она вошла в комнату, потому что моя мама умеет быть тихой.

Закончив писать программный код, я его перечитал.

— Я собираюсь его запустить и посмотреть, работает ли он, или я допустил ошибку.

— Ничего, если я посмотрю?

— Ага.

Я запустил программу. Она была не сложной, но выглядела неаккуратно, потому что я создал сложный дизайн.

— Симпатично. Мне нравится изменения цвета. Что еще она делает? — Это она пошутила, мои программы всегда делают что-то еще.

— Модели числовой подачи комментариев. Я предложил людям разные цвета для оформления беседы, варианты ответов и таймер, чтобы видеть, как долго им пишут ответ. Я собирался закодировать общие слова, но решил не заморачиваться.

— Откуда ты берешь комментарии?

— Из беседы на «Реддите»²².

— О, дорогой. Ты же знаешь, что мне не нравится, когда ты заходишь на этот сайт. Тем более сегодня.

Я наблюдал, как модели переплетаются, позволяя числам успокоить меня. Я задал им медленное движение, чтобы запомнить код каждой части, которую я написал.

— Это была ужасная беседа, а я сделал ее симпатичной.

— О чем была эта беседа?

Я уставился на код.

— Пост, в котором родитель говорит о том, как он лечит аутизм своего сына.

— Эммет. — Она положила руку на мое плечо. — Пожалуйста, скажи, что не слушал ни одного из них. Мы уже обсуждали это. Ты не болен. Тебя не нужно лечить.

— Я не такой, как все остальные. Не такой, как кто-то еще.

Теперь код стал похож на водоворот, потому что это была часть беседы, где люди уже написали много разных коротких фраз, и некоторые комментарии были удалены. Я заставил модель менять направление каждый раз, когда чей-то комментарий удалялся. Поэтому она часто меняла направление.

— Мама, иногда я думаю, что ты неправа. Есть такое понятие как «нормальный». Это когда человек может быть как все остальные, в отличие от меня.

Она присела около меня и повернула мой стул так, что я оказался к ней лицом, мне пришлось отворачиваться, чтобы не смотреть ей в глаза. Ее лицо было серьезным, а глаза влажными.

— Эммет Дэвид Вашингтон. Ты красив и совершенен, ты особенный. Я не хочу, чтобы ты был нормальным. Нет ничего печальнее на этой земле, чем потерять тебя, если ты присоединишься к общему стаду макак.

Я понял, что это была метафора, но отвлекся на представление стада, бегущего вокруг загона. Я не мог понять, как это могло объяснить что-то, за исключением ее странного воображения.

Я покачал головой, чтобы избавиться от картинки, и оттолкнул ее руку.

— Я не хочу быть особенным. Я хочу быть, как все люди. — Страх, таившийся в глубине моего сознания, пока я писал код, теперь вырвался наружу. — Я испортил встречу и теперь

не смогу жить с Джереми. А я хочу этого, мама. Больше всего на свете.

— Ты ничего не испортил. На самом деле, я думаю, ты дал Джереми то, в чем он нуждался — необходимость защищать кого-то. Он так нервничал, пока не увидел, что ты нуждаешься в спасении, и это придало ему смелости. Ты помог ему. Ты был для него лучше, чем все лекарства, прописанные доктором Нортом.

— Правда?

— Правда. — Она улыбалась, но одновременно с этим была грустной. — Твой отец прав. Это важно и для Джереми, и для тебя. Просто пообещай мне, что будешь осторожен. Что будешь практиковаться быть хорошим парнем так же, как практикуешься в изучении эмоций и поддержании разговора.

— Буду. — Это все, конечно, было хорошо, но она не сказала, что все улажено. Я беспокоился о том, что будет, если родители Джереми откажутся ему помогать. Конечно, я надеялся на то, что доктор Норт получит его социальные выплаты, но что, если он не сможет? — Мам, можно Джереми поживет здесь, если родители его выгонят? Я не хочу, чтобы он жил под мостом.

— Его родители не собираются его выгонять, и он не будет жить под мостом. Твой отец пошел поговорить с мистером Сэмсоном. Миссис Сэмсон расстроилась и ушла в свою комнату. Она плачет и не выходит весь день. Я думаю, ее муж готов хоть немного прислушаться к голосу разума.

— Мам, если в их семье проявилось психическое заболевание, то она тоже может быть в депрессии.

— Все может быть. — Она погладила мои руки. — Не волнуйся об этом. Все получится. Я надеялся, что мама права.

— Мне бы хотелось, чтобы миссис Сэмсон была, как я. Я хочу, чтобы она не думала, что мне нужно измениться.

— Дело не в тебе, милый. Это ее отношение к тому, что происходит с Джереми. Она видит только внешнюю сторону, но не внутреннюю. Смотрит только на то, как ты отличаешься, а не на то, что это делает тебя особенным. Она считает, что нормальность — это безопасность. Но помни, что нормально — не значит правильно. Это значит средне. Соответственно. Почему ты хочешь быть таким?

— Потому что я хочу водить машину и иметь парня.

— У тебя есть парень. И он звонил, чтобы убедиться, что ты в порядке, и спрашивал, придешь ли ты завтра, как вы договаривались. Запомни, быть похожим на большинство людей означает отказаться от того, что делает тебя тобой. Если ты будешь похожим на других, то не будешь так любить цифры. Нельзя закрываться от мира из-за небольшого напевания и покачиваний. Ты не будешь собой, Эммет. Ты будешь кем-то другим.

Она была права. Я не хочу быть кем-то другим, но иногда быть мной так трудно.

Доктор Норт позвонил утром и спросил, приду ли я днем на групповую терапию к Джереми. Мне не хотелось идти. У меня еще оставался неприятный осадок от встречи, прошедшей накануне, но я хотел увидеться с Джереми, поэтому сказал «да».

Я был рад, что пошел, ведь когда я вошел в палату, лицо Джереми озарила улыбка, и он обнял меня.

— Я рад, что ты в порядке, и мне жаль, что мои родители так себя вели. — Я кивнул, потому что не знал, что сказать. — Но все же из этого вышло кое-что хорошее. Мой папа приезжал сегодня утром и сказал, что они помогут мне с «Рузвельтом». Помогут оплачивать

то, что не покроеет моя работа, пока мне не назначат социальные выплаты. Доктор Норт все еще считает, что мне сначала лучше переехать в общежитие у больницы, пока наша квартира не будет готова, вместо того, чтобы ехать домой. Моя мать очень расстроена, и папа говорит, что для всех будет лучше, если мы будем все делать постепенно.

Я не мог в это поверить. Мне хотелось смеяться и радоваться, но я боялся, что если так сделаю, то узнаю, что все это всего лишь сон.

Улыбка Джереми погасла.

— Эммет, ты не рад?

Я попытался сказать «рад», но я был словно заморожен. В итоге все, что я смог сделать — это обнять его. Я обнял его крепко, так крепко, что это было почти слишком, но я не мог остановиться. Джереми поцеловал меня в щеку и обнял в ответ. На этот раз поцелуй в щеку был долгим, и по моей коже побежали мурашки. Доктора Норта в палате не было, и мне захотелось поцеловать Джереми по-настоящему. Я повернул голову, и наши губы встретились. Соприкосновение наших губ послало электрический разряд через все мое тело. Похожее ощущение я испытывал, когда мы целовались на его постели, только сейчас мы стояли. Это был отличный поцелуй, и все было хорошо.

Я принадлежал кому-то. Я не был нормальным, но я принадлежал Джереми. Мы могли остаться парой и жить вместе в «Рузвельте», как мы того и хотели.

Я улыбнулся прямо в губы Джереми, и он улыбнулся мне в ответ.

Глава 14

Джереми

После выписки из больницы мне хотелось переехать обратно к родителям. Поначалу, когда они приняли мои условия после катастрофичной семейной встречи, я отказывался попробовать вернуться домой. Доктор Норт заставил меня подождать, чтобы я мог принять окончательное решение, и задал кучу вопросов о том, почему я хочу вернуться.

— Ты думаешь, тебя выгонят из больницы?

Ну, выгнать, конечно, не выгонят, но да, я думал, что не могу болтаться тут до открытия «Рузвельта». Я не был уверен в том, что произойдет, если мои родители от меня отрекутся, и, пока они шли мне навстречу, я должен был вернуться к ним.

— Пока что я не могу жить с Эмметом. Так куда же мне идти?

Тогда он рассказал мне о приюте. В своей голове я назвал это место социальной гостиницей, потому что знаю, что этот термин предназначен для людей, находящихся на реабилитации после отказа от наркотиков, но он подходит и мне. Я еще не был готов жить самостоятельно. Если честно, я волновался, что, когда вернусь домой, мать постарается, чтобы все стало так, как было раньше, и не знаю, смогу ли быть достаточно сильным для этого.

Доктор Норт заметил, что даже мысли об этом, казалось, усиливали мою тревогу.

Предназначение дома «Икарус» было в том, чтобы служить своего рода мостом между выходом из лечебного учреждения и полной независимостью.

Я был в замешательстве.

— Разве оно не похоже на «Рузвельт»?

— В некотором роде. Но в «Рузвельте» нет такого ежедневного расписания и

присмотра. По сути, в «Рузвельте» будет общая зона для прачечной и места, где люди могут общаться, и там будут жить социальные работники, к которым можно обратиться в случае проблем. Однако, помимо этого, жители сами будут нести ответственность за аренду, коммунальные услуги и за все, кроме технического обслуживания здания. Если вы не уберетесь в своей квартире, она не будет чистой. Но если социальные работники будут обеспокоены тем, насколько грязно в квартире, то, конечно, они вам скажут об этом. Да и Боб, вероятно, время от времени будет совершать проверки, чтобы удостовериться, что у жителей все в порядке. В «Икарусе» больше наблюдателей. Многие живут там или в подобных местах постоянно, но «Рузвельт» не для них. Некоторые люди похожи на тебя, им просто нужен еще один этап восстановления или пит-стоп между ситуациями, в которые они попали.

Большую часть своей жизни я понятия не имел о том, что такие дома существовали и не чувствовал того, что чувствую сейчас. А чувствую я себя подобно Алисе, потерявшей в альтернативной реальности, которая не имела ни малейшей логики или следовала тем правилам, которые я раньше даже не рассматривал.

На полдня я вернулся домой, а вечером въехал в «Икарус». Мама хотела, чтобы на ночь я остался дома, но не стала настаивать, когда я отказался. Все прошло хорошо, но напряженно, особенно когда я стал собирать вещи. Странно было снова быть дома, даже несколько часов. Все такое знакомое, но дома тяжело. Было бы легко снова проскользнуть в свою комнату, позволить маме кричать, чтобы я собрал одежду для стирки и вытащил посуду из посудомоечной машины, а затем опять замкнуться в своем мире.

Этому не было места в «Икарусе». Доктор Норт сказал, что для меня всегда найдут работу по дому, утром мне нужно будет встречаться и общаться с соседями, а днем мне предстоит посещать сеансы групповой терапии. Я смирился с этим и сказал себе, что это лишь временное пристанище между больницей и собственным жильем с Эмметом.

Однако, когда я вместе с моими родителями приехал регистрироваться, я сразу столкнулся с проблемой, которую не учел: другие жители. Честно говоря, другие девушки и парни «Икаруса» выглядели странно, и меня потрясла мысль о том, что это мои сверстники. Проблемы некоторых из них можно было заметить невооруженным глазом: от пристальных взглядов, странных поз и громких выкриков до неуместных жестов и комментариев. Некоторые из них казались нормальными, пока вы не пытались с ними заговорить. У одной девушки была тяжелая форма шизофрении, и она разговаривала с людьми, которых видела только она. Другой мальчик издавал звуки, которые могли бы стать саундтреками к фильмам ужасов: крики, стоны и другая какофония, от которой по коже бегали мурашки. У одной женщины средних лет был синдром Дауна, она нравилась мне больше всех, потому что не шумела и всегда улыбалась.

У троих постояльцев был аутизм. Я думал, что уже был знаком с аутизмом, но быстро понял, где Эммет был на спектре. У него не было ничего общего с этими парнями. У них был целый набор странностей: один парень никогда никуда не ходил, а постоянно сидел за маленьким столиком у окна, наблюдал за улицей, иногда немного напевал и качался. Вставал он только для того, чтобы сходить в туалет, поесть и поспать. Другой парень был его полной противоположностью. Он говорил и двигался без остановки. У него была своя комната, и в ней всегда был такой бардак, что даже черт ногу сломит, везде валялись кучи одежды, книг и сломанных вещей, но у него были строгие представления о том, какой бардак ему был нужен и даже такая простая вещь, как чашка, оказавшаяся не на своем месте в

шкафу, могла привести его в бешенство. Третий парень с аутизмом играл в пасьянс, смотрел на айпаде видео с «Ютуба» и разговаривал с людьми на этом видео. Он не хотел разговаривать напрямую ни с кем, но если включал видео, то иногда мог рассказать людям на нем о том, что хотел овсянку или блины на завтрак, и все в этом духе.

Мои родители явно были против.

— Ты уверен, что хочешь остаться здесь, милый? — Мама постоянно спрашивала меня об этом, едва мы зашли в мою комнату. Могу сказать, что она старалась не кричать и не сердиться, и у нее получалось. — Я понимаю, что ты... болен, но ты не такой. Это место не для тебя. Пойдем домой. Это будет намного лучше.

Мне хотелось ей верить, но вот незадача, Джен тоже была с нами. И пока мама давала обещания о том, что все будет по-другому, Джен стояла позади нее, качая головой и шевеля губами «нет» и «да». Джен приехала из Чикаго, чтобы помочь мне с переездом и убедиться в том, что я это сделаю.

Когда родители уехали, она осталась и убедительно доказала свою точку зрения.

— Я знаю, что это место выглядит странно, Микроб, но позволь сказать тебе, почему тебе лучше пока побыть здесь, а не дома. Ты переночуешь дома один раз, и она начнет подрывать любое принятое тобой решение. Ты знаешь, что за рекламные брошюры валяются у нас по всему кухонному столу? Аренды квартир. Обычных квартир недалеко от кампуса. Она по-прежнему хочет, чтобы ты поступил в институт и стал настоящим мужчиной. — Джен взъерошила мои волосы и поцеловала меня в лоб. — Но ты уже настоящий мужчина. Ты можешь это преодолеть. И если твой врач говорит, что тебе лучше остаться здесь, то это правда.

Я остался, но первая ночь была ужасна. Моим соседом был мальчик аутист, смотрящий «Ютуб», Даррен, и я не спал до утра, слушая его храп и то, как он ворочается во сне.

Трудно было поверить, что это мое жилье. Если бы у меня не было родителей или планов о «Рузвельте», мне пришлось бы жить здесь или в месте, похожем на «Икарус», и эта мысль ужасала меня.

Я сказал об этом доктору Норту на нашем сеансе в больнице следующим утром.

— Мне здесь не место, а даже если и так, то я этого не хочу.

— Скажи, что конкретно тебя расстраивает?

Конкретно? С чего мне начать?

— Все так сломлены. Неужели я тоже так плох? — Я вздохнул. — Я думал, что в «Икарусе» будет комфортно и безопасно. Но это не так. Это вообще не дом. Это странная и холодная тюрьма. Все мы с какими-то отклонениями, и никто не знает, что с этим делать.

Я думал, что мои слова взбесят его, но доктор лишь печально улыбнулся.

— Мне жаль это говорить, но ты поймешь, что в нашей жизни этот слой населения не в приоритете, и ему редко уделяется внимание. Уход за взрослыми людьми с особыми потребностями сложная задача и стоит больших денег. Сотрудникам мало платят и часто перебрасывают на другие места. Жилье редко поддерживается на должном уровне. Продуктами их обеспечивает государство, и часто еда не так хороша, как дома. Такие дома редко ходят на жилье вообще, несмотря на максимальные усилия тех, кто заботится о своих подопечных, но в любом случае они лучше, чем государственные учреждения. За последние лет десять многих из этих людей стали помещать в лечебницы сразу после рождения.

Мысль о том, что было бы, если бы в лечебнице оказался Эммет или я, заставила меня

задуматься.

— Думаю, я переживаю за то, что не смогу работать, живя в «Рузвельте», и мне придется остаться здесь.

— Может, тебе как раз стоит сосредоточиться на работе и поверить в то, что у тебя все получится?

Это был бы умный поступок, но я редко бываю в состоянии сосредоточиться на чем-то хорошем. Чаще я испытываю негатив, который атакует меня.

Хотя я все же попробовал.

Я не могу прямо так активно дружить, но, когда я сидел в гостиной, смотря дневные ток-шоу по телевизору, а рядом Даррен смотрел в наушниках что-то на «Ютубе», я старался замечать только хорошие вещи. Хоть комната была потрепана, а мебель старая, в ней было довольно чисто. Оказалось, что это заслуга Кэрри, женщины с синдромом Дауна. Уборка была ее работой, и она ее любила. На самом деле она успевала пройтись по комнатам утром, вытирая пыль, а потом еще днем, когда была полы. В гостиной было не позволено находиться с едой или напитками, поэтому нигде не валялось никаких фантиков. Если кто-то доставал настольные игры, то они должны были убрать их, как только закончат играть. Персонал здесь был замечательным. Конечно, со многими жителями они разговаривали, как с маленькими детьми, но, если честно, многие из них таковыми и были. Я заметил, что с Дарреном больше сюсюкаются, чем с Кэрри. Вернее, женщине, работавшей в день моего приезда, казалось, больше всех нравится Даррен. Я смотрел на то, как они общаются, и подумал, что он, возможно, чувствует то же самое. Выражение его лица не менялось, но его рот почти улыбался, когда она находилась рядом. С Эмметом я понял, что смена эмоций на лице у аутистов еле заметна, ее сложно распознать, но выражения их лиц меняются.

Мне хотелось подружиться с Дарреном. Отчасти мне было любопытно, ведь я собирался жить с аутистом, и поэтому небольшая разведка не помешает, не правда ли? А еще в нем было что-то успокаивающее. Он не был похож на Эммета, и одновременно чем-то походил. Когда я сидел рядом с Дарреном на диване, я чувствовал, что мне спокойно и хорошо. Я еще не знал, как мне с ним общаться, да и стоит ли, но хотел, чтобы эти чувства были хорошим началом.

Признаюсь, хоть я и пытался сосредоточиться на позитиве, я все равно не мог дождаться своего переезда в «Рузвельт».

Эммет пришел в «Икарус» на второй день моего пребывания там. Сначала я переживал за то, что он расстроится из-за постоянного шума в доме, но он удивил меня и был почти веселым. На самом деле он знал нескольких жителей, в том числе моего соседа. Также Эммет научил меня шгуке, с помощью которой я могу поговорить с Дарреном.

Когда Эммет вошел в гостиную и увидел Даррена, сидящего на диване и смотрящего «Ютуб» на своем планшете, он улыбнулся, и для него это была весьма внушительная улыбка. Однако он ничего не сказал, а просто сел на дальний конец дивана и неподвижно там сидел, пока не закончилось видео. Потом Эммет поднял руки и стал что-то показывать. Не фразы или слова на американском языке жестов, которому он учил меня, а очень много сложных и непонятных мне жестов. Впервые с тех пор, как я встретился с Дарреном, он отложил планшет и стал показывать что-то в ответ. Так продолжалось несколько минут, и самым фантастичным было то, что они ни разу не переглянулись, но казалось, они все равно все видят. Я же не мог отвести от них взгляда. Время от времени кто-то из них смеялся, а иногда Даррен выдавал что-то из своих получленораздельных звуков.

В конце концов, Эммет показал Даррену последний жест и встал. Он взял меня за руку, отчего мое сердце затрепетало, и повел обратно в сад, чтобы посидеть на одной из скамеек.

— Я не знал, что твоим соседом будет Даррен. Он хороший. Мы дружили, когда я жил в центре Айовы. Не знал, что теперь он в Эймсе. Это приятный сюрприз.

Я моргнул.

— Откуда ты знаешь, что он мой сосед? Я еще не рассказал тебе об этом.

— Он сказал мне.

— Так это был язык жестов?

— Язык Даррена. Отчасти язык жестов, но в основном он придумал свой собственный язык. Он проще. Даррен говорит, что работает в библиотеке и сортирует книги. Он в этом хорош.

За десять минут Эммет узнал о моем соседе больше, чем я за целый день.

— Как ты мог видеть, что он показывает руками, если ты не смотрел на него. И он ведь тоже на тебя не смотрел?

— Наши глаза — это камеры.

— Чего?

— Глаза — это камеры. Большинство аутистов видят вещи, как на снимках с камеры. Мы используем наше периферическое зрение, чтобы видеть, и мы запоминаем то, что увидели. Вот почему иногда нас подавляют оживленные места. Мы видим слишком много картинок.

Вообще-то это очень многое объясняло.

— Ты сейчас мне говоришь, что даже если ты не смотришь на меня, то все равно смотришь? Я имею в виду, что твои глаза не сфокусированы на мне, но ты все равно меня видишь?

И хоть я говорил об этом вслух, эти слова казались бессмыслицей, но Эммет улыбнулся, потому что понял.

— Да. Я могу показать тебе. Давай сыграем в игру. Ты выставишь на пальцах какое-то число, а я скажу тебе его. Можешь попробовать слегка убрать пальцы, чтобы мне было сложнее.

Я попробовал, и он ни разу не ошибся, каждый раз он точно знал, сколько пальцев я показываю. Забрав в дом, я взял книгу и показал ее Эммету. Когда я держал ее достаточно близко, он мог читать, стоя в стороне от меня, так же легко, как если бы книга была перед ним.

— Потрясающе! — Я положил книгу и покачал головой. — Ты Супермен.

Он улыбнулся. Едва заметно, но улыбнулся.

— Я — Супер-Эммет.

— Ты супер во всем? А слышать ты тоже можешь, стоя так далеко?

— Ну да.

Я никогда не думал, что буду завидовать аутисту, но это так. Еще одна завеса между нами была снята, и если раньше я восхищался им, то теперь был просто без ума от Эммета.

— Для тебя все кажется важнее, правда? Если ты улыбаешься, то по важному поводу. И ты придерживаешься одного мнения. Не то что я — дурак.

— Ты не дурак. Не используй запрещенные слова. — Он стал покачиваться на скамье. — Иногда аутизм — это очень плохо. Иногда я его не контролирую. Мне повезло. Мой аутизм не так суров, и мое лечение помогло мне изменить себя. Некоторым аутистам

тяжелее. У нас бывают проблемы со сном, и наше пищеварение очень чувствительно. Даррен не может заставить его губы работать так, как хочет он. Он много размышляет, но при этом не может складывать губы так, чтобы произносить слова, которые он хочет произнести. И он говорит, что люди слишком шумные, поэтому он смотрит их на «Ютубе».

— Так вот почему ты сел от него так далеко? Чтобы не быть для него слишком шумным?

— Да.

Ха. Мгновение я смотрел на то, как Эммет раскачивается.

— Как мне подружиться с Дарреном? Я не знаю его языка жестов.

— Я могу переводить. И еще, если ему хочется, он может использовать для разговора свой планшет, но обычно ему не хочется.

Мысль о том, что я смогу общаться со своим соседом, взволновала меня.

— Мы можем пойти поговорить с ним прямо сейчас.

— Через минуту. Сначала я хочу тебя поцеловать.

Эммет объявил о начале наших чувственных игр и, как и каждый раз, это взволновало меня. Было что-то восхитительное в том, что он отдавал мне приказ. Эммет всегда решал, когда мы поцелуемся, и вводил новые элементы во время поцелуев. Сегодня это был язык.

Когда мы целовались в больнице, и некоторые из тех поцелуев мне казались страстными, но он только дразнил мои губы, иногда покусывая или посасывая их. Эммету нравилось играть с чувственными аспектами поцелуя, и иногда он останавливался, чтобы прокомментировать ощущения, которые те вызывали. Мне это нравилось. Я говорил немного, но иногда мне этого даже хотелось. Я мог сказать ему, каким твердым он меня делал, как тесно стало в моей груди или о том, как мне нравилось ощущать вкус его поцелуя на моих губах еще как минимум в течение целого часа после. Он всегда улыбался, когда я говорил, и уделял еще больше внимания моим губам.

В тот день в саду он впервые раскрыл мои губы своим языком. Удивившись, я приоткрыл рот, а его язык проскользнул внутрь и коснулся моего. Я ахнул, а Эммет улыбнулся и, отстранившись, прикоснулся к моему лицу.

— Как рыба...

Я рассмеялся и накрыл его руку своей. *Да, что-то похожее.*

— Бугристая, шероховатая, как пергамент, и влажная. — Эммет погладил мою щеку пальцами. — Я хочу повторить. Открой рот и позволь мне поцеловать тебя с языком.

Трепет, охвативший меня, был настолько сильным, что мне пришлось закрыть глаза.

— Эммет, когда ты так говоришь, все во мне напрягается.

— Позволь мне еще раз коснуться твоего языка своим, и ты почувствуешь это снова.

И он сделал то, что обещал.

Я перестал спрашивать его, где он учится целоваться, потому что это всегда был интернет. Иногда он смотрел видео, иногда читал, иногда заходил на форумы. Клянусь, в интернете не было ничего, что он не смог бы найти.

Мне нравилось быть подопытным кроликом в его «поцелуйных» опытах, и поцелуи с языком не были исключением. Его язык скользил, исследуя мой рот. Он был колеблющимся и неуверенным, но не долго. Я тоже проявил инициативу, но в основном я позволял Эммету вести меня, потому что мне это нравилось. Когда он целовал меня или прикасался ко мне, вокруг меня исчезало все, кроме Эммета.

Сегодня единственной проблемой было то, что Эммет своим языком сделал меня очень

твердым, и я сходил с ума от потребности прикоснуться к нему. Я желал потрогать его. Оторвавшись от поцелуя, я осторожно потерся своим носом об его нос.

— Эммет, мне недостаточно только целовать тебя.

Его пальцы сжали мои волосы.

— Да. Когда мы переедем в нашу квартиру, мы сможем заняться сексом.

Я не был уверен, что хотел заходить так далеко, но не хотел портить момент, а еще не хотел ждать так долго, чтобы иметь возможность заняться чем-то большим, нежели просто целоваться.

— Мы могли бы пойти в мою комнату прямо сейчас.

— Нет. Даррен может войти.

Я положил голову на его плечо.

— Я не хочу ждать. Мы переедем в нашу квартиру только месяца через полтора.

Клянусь, я почувствовал его улыбку.

— Я забыл тебе сказать. Боб говорит, что мы особый случай и можем переехать уже через две недели.

Я поднял голову и поймал взглядом его усмешку. Он не забыл сказать. Это была очередная, свойственная Эммету шутка, но мне было все равно. Я был рад. Все во мне стало таким громким и горячим, но в хорошем смысле.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня снова, — сказал я, но, когда он наклонился ко мне, я прикоснулся пальцами к его губам. Бабочки в моем животе запорхали в предвкушении, когда я озвучил очередную просьбу. — Можешь поцеловать меня так же страстно, Эммет? С языком?

Его лицо не поменялось, и голос остался ровным, но я все равно мог услышать в его голосе улыбку.

— Да, — ответил он.

И сделал это.

Глава 15

Эммет

Я был безумно взволнован переездом в «Рузвельт». Все мои вещи были упакованы в коробки, в которых им было неприятно находиться, но вскоре я распакую их уже в своей квартире. В нашей с моим парнем квартире.

Мы прошлись по магазинам, задавшись целью купить наши собственные тарелки, кружки и кастрюли. Большинство покупок сделал я сам, потому что поначалу у Джереми это не получалось. Нам потребовалось три попытки, чтобы добраться до магазина и начать закупаться.

Первый раз, когда мы запланировали поход в магазин, маме позвонил человек из «Икаруса».

— У Джереми сегодня плохой день, — сказал ей работник дома.

Я расстроился и настоял на том, чтобы мама взяла меня с собой в «Икарус», но они не позволили нам подняться наверх.

Я ходил по гостиной, напевал и хлопал в ладоши. И пока мама что-то обсуждала с персоналом, Даррен заговорил со мной жестами.

«Вы приехали за Джереми?»

«Да, — показал я в ответ. — Почему они не дают мне увидеться с моим парнем?»

«Потому что сегодня он очень болен. Он лежит в постели и иногда плачет».

От этих слов мой осьминог начал сходиться с ума, и я показал маме, что мне плохо.

— Пожалуйста, вы должны позволить моему сыну увидеть его друга. Только если они увидятся, Джереми почувствует себя в безопасности, — сообщила она сотруднику. — Если вы не согласитесь, то обещаю, что вы увидите сейчас очень рассерженного аутиста.

Они спорили еще несколько минут, а тем временем Даррен продолжал говорить со мной.

«Может, он простудился или подхватил грипп».

Я покачал головой

«Он в депрессии. Я боюсь, Даррен. Я не хочу, чтобы он снова пытался покончить с собой».

«Это трудно сделать в своей постели. Он из нее не вылезает».

На самом деле было легко использовать свою постель, если он найдет через что ему можно натянуть свои простыни.

Я громко мычал и хлопал руками по своим бокам так сильно, что мне было больно. Давненько я уже не бился головой о стену, но в тот момент мне снова захотелось это сделать. Мама кое-как успокоила меня и через несколько минут мы смогли подняться наверх, чтобы увидеть Джереми.

Когда я увидел его, мне стало страшно. Джереми лежал в своей постели, с головой укрывшись простыней. Я стал звать его, но он не реагировал. Я сдернул простынь, и в моем животе возникло забавное чувство, когда я увидел его лицо. Он выглядел унылым. Я знал, что он жив, потому что он моргал, но этот мальчик был не похож на моего Джереми.

Я занервничал и расстроился, потому что не знал, что мне делать.

Мама подошла ко мне сзади и положила руку мне на плечо.

— Сегодня Джереми в ужасной депрессии. Они дали ему лекарства, которые должны помочь.

Джереми выглядел так же, как и в тот день, когда попал в больницу.

— Неужели его расстроила его мама?

— Нет, насколько может сказать медсестра — сегодня не произошло ничего особенного, что могло бы его расстроить. Так проявляется депрессия, сладкий. Иногда ты грустишь без причины.

— Но мы сегодня должны были пойти за покупками для нашей квартиры. Это счастливое событие.

— Иногда депрессия любит пожирать счастливые моменты.

Сейчас депрессия пожирала моего парня. Он выглядел почти пугающе. Я знал, что так действуют лекарства, но мне было интересно, что происходит в его голове.

— Мам, я ненавижу депрессию. Это отстой. Плохая болезнь.

— Да, милый. Так и есть. — Она потянула меня за руку. — Давай дадим ему отдохнуть.

Я отдернул свою руку.

— Нет! Я его не оставляю.

Мама вздохнула.

— Эммет, ты не можешь...

— Я его не брошу! — Я сел на пол и вцепился в металлический каркас кровати. —

Только так я буду знать, что депрессия не причинит ему вреда.

Мама присела рядом со мной.

— Милый, он не собирается снова пытаться покончить с собой.

— Откуда ты знаешь? Кроме того, это хочет делать не он. Это его плохой осьминог. А что, если лекарства...

Я замолчал, потому что почувствовал, как что-то щекочет мои волосы. Обернувшись, я увидел, что Джереми смотрит на меня. Его глаза были мутными и странными. Я видел его свет, но он был замутнен, и мне стало страшно. Я стал напевать. *Придет ли Джереми в себя?*

Он погладил мои волосы и улыбнулся. Это была едва заметная, но все-таки улыбка. Прикосновение было слишком легким, но мне было плевать.

— Джереми, не слушай плохие голоса. Ты не можешь убить себя.

— Милый, это работает не так... — начала говорить мама, но я прикрыл ухо рукой, и она замолчала.

Джереми продолжал гладить мои волосы, и, казалось, хотел что-то сказать, но ему потребовалось несколько секунд, чтобы начать. Когда он заговорил, слова звучали тихо и как будто хлюпали.

— ... не собирался... Просто... плохой день. Прости.

— Я хочу сделать его лучше, — обратился я к нему.

— Ты не можешь! — Мама прекратила пытаться оттащить меня и села рядом со мной на полу. — Джереми дали лекарства — не его обычный антидепрессант, а что-то другое. Седативное, чтобы успокоить его и помочь его мозгу отключиться. У него все еще случаются приступы сильной депрессии, лекарства помогут ему с ними справиться, но это очень его утомляет.

— Это заставляет его пускать слюни.

Джереми очень медленно моргнул, а потом его глаза остались закрытыми. Я взволнованно замычал, а мама продолжила говорить.

— Он в порядке. Да, побочные эффекты от этих препаратов не фонтан, но иногда нам нужен отдых от наших мозгов. Позже ему станет лучше. Нам нужно идти, чтобы он мог отдохнуть.

Как же она не может понять — я никуда не уйду?

— Кто-то должен остаться с ним и удостовериться, что ему не станет хуже.

Мама начала говорить мне о том, что я не могу остаться, но резкий звук, похожий на лай, ее остановил. Я улыбнулся и слегка повернулся, чтобы иметь возможность своим периферическим зрением смотреть на Даррена.

— Привет, Даррен.

Даррен набрал что-то на своем планшете, а потом поднял его, и компьютерный голос произнес:

— Эммет, я останусь и присмотрю за твоим парнем. Ты можешь идти домой.

Не двигая глазами, я смотрел то на Джереми, то на Даррена, то на маму. Я хотел остаться здесь, но не мог. Хотел убедиться в том, что он ничем себе не навредит и не будет одинок. Меня пугало то, что эти препараты так на него действовали, и не хотел из-за этого переживать.

— Ты напишешь и дашь мне знать, как он себя чувствует? — спросил я Даррена, и он снова стал набирать текст на планшете.

— Да, если ты дашь мне свой номер.

— Спасибо Даррен, — поблагодарил я его и дал свой номер.

— Не волнуйся. Джереми и мой друг тоже.

Даррен написал мне несколько раз, пока это не смог сделать сам Джереми. Он был краток, но сказал, что все в порядке, ему лучше, он просто все еще чувствует усталость.

Я пришел к нему на следующее утро. Джереми был не так накачен препаратами, как вчера, но все ещё был не в себе. Он несколько раз плакал и, когда я спрашивал его о причине, отвечал, что для слез никаких оснований у него нет. Он снова стал извиняться, но, когда я велел ему прекратить, он замолчал. Мы немного посидели в обнимку, но Джереми снова захотел спать, поэтому я тусовался с Дарреном, пока Джереми не проснулся.

— Прости, — снова извинился он вечером, даже не взглянув на меня, когда мы сидели на его кровати. — Я не знаю, что случилось. Я просто почувствовал панику, сильную панику, а потом все стало просто... плохо. Очень плохо.

— Но ты не хотел убить себя? — Мама просила меня не задавать этого вопроса, но ничего не мог с собой поделать. Уж очень это меня беспокоило.

Он покачал головой.

— Не... совсем. В смысле, я всегда немного думаю об этом, но это не потому, что я не хочу быть с тобой. Это потому, что мне иногда очень трудно жить. На этот раз я был так болен. Я чувствовал, что был болен, но у меня не было температуры или чего-то еще. Просто депрессия.

— Сейчас она ушла?

— Нет, но мне сейчас спокойнее.

Казалось, он выглядел лучше.

— Когда ты будешь готов, мы сможем отправиться за покупками для квартиры.

Джереми рукой сжал ногу.

— Ладно. Я постараюсь. Надеюсь, у меня не будет приступов паники.

Прошло еще несколько дней, прежде чем он подготовился. Джереми сказал, что хочет попробовать на следующий день, но, когда моя мама пришла за ним, он извинился и сказал, что время неподходящее. Еще через день мы все-таки сели в машину и отправились к нашей цели. В это раз мы находились в магазине всего минут пять, прежде чем Джереми остановился посреди отдела с чистящими средствами и врезался во что-то. Его тело стало жестким, как деревяшка, плечи сторбились, и он закрыл глаза, быстро задышав. Джереми не сказал ни слова, но я знал, что это приступ паники. Мама тоже это знала. Она отвела его к аптеке, у которой стояли скамейки, и заставила сесть. Посмотреть, что случилось, вышел обеспокоенный фармацевт, но мама сказала, что у нее все под контролем. Мама не отводила взгляда от Джереми, и когда она говорила с ним, то ее голос оставался мягким и нежным.

— Ш-ш-ш. Все хорошо. Если нужно, положи голову между коленями.

Но Джереми не слушал. Он лишь плотнее закрыл глаза и уткнулся подбородком в свою грудь, дыша все быстрее и быстрее.

— Простите.

— Тебе не за что извиняться. — Мама погладила его по плечу, и ее рука стала двигаться к его спине.

Я понял, что она пытается подтолкнуть его голову к коленям, не давя на него. Обычно я волнуюсь, когда у Джереми начинаются приступы паники, но моя мама врач, и она позаботится о нем. Я считал различные виды стелек для обуви на стене за прилавком, а папа

стоял и терпеливо ждал, пока мама скажет ему, что он может сделать. И мама попросила его принести бутылку минеральной воды комнатной температуры из отдела с продуктами. Фармацевт принес прохладное полотенце, и мама положила его на шею Джереми. Он склонил голову к коленям, и его дыхание нормализовалось, но его глаза были наполнены слез, и они стали скатываться по его щекам. Шесть слезинок, по моим подсчетам, но они были огромные, можно сказать, что в одной большой слезе было три-четыре маленьких.

— Я так старался. — Голос Джереми был тихим, переходящим в шёпот. — Я думал, может, с вами все пройдет лучше.

— За последнее время ты многое пережил. — Мама продолжала гладить его по спине. Так много прикосновений свели бы меня с ума, но Джереми они нравились. — Ты хочешь попробовать еще раз или тебе нужен отдых?

— Отдых. — Не задумываясь ответил Джереми.

— Все в порядке. Попробуем еще раз, когда вы устроитесь на новом месте, и ты почувствуешь себя уверенно.

Джереми больше ничего не сказал, а когда мой отец вернулся с бутылкой минеральной воды, мы отвели их обоих в ресторанный дворик, в котором, по сути, были только «Старбакс» и автоматы с мороженым. Папа предложил отвезти Джереми в «Икарус» или покатасть его на машине, но Джереми отказался.

— Я могу посидеть здесь, и я не буду волноваться. — Когда он сказал это, его голос звучал гневно, что смутило меня, но мама не хотела с ним спорить и просто попросила папу написать ей, если им что-нибудь понадобится.

Мы забрали нашу тележку, и, как только мы отошли от ресторанного дворика, я написал маме:

«Мама, это Эммет. Почему Джереми сердится? Почему он не хочет идти в машину, чтобы у него не было снова приступа паники?»

Она прочитала мое сообщение и взглянула на меня.

— Я могу ответить тебе вслух или мне тоже нужно писать?

Я огляделся и покачал головой, прежде чем написать ей:

«Нас могут услышать слишком много людей. Я не хочу, чтобы они знали про проблемы Джереми».

Мама ответила мне эсэмэской:

«Это мама. Джереми сердится на себя. Он хочет остаться в ресторанном дворике, потому что знает, что проиграл войну, но хочет выиграть сражение».

Я прочитал ее сообщение три раза. И, наконец, написал:

«Мам, это бессмыслица. Джереми ни с кем не воюет».

Она отправила мне в ответ подмигивающий смайлик.

«Он знает, что не сможет ходить с тобой по магазину, но хочет перебороть себя и просто остаться в магазине. Это заставит его почувствовать, что он чего-то достиг».

Это уже имело смысл, но мне было жаль, что он не будет покупать вещи вместе с нами. Делать это одному означало, что я выберу все, что понравится мне, а мне хотелось, чтобы Джереми участвовал в выборе. Я попытался придумать, как мы можем ходить по магазину так, чтобы он тоже участвовал в процессе покупок.

— Может мы предложим ему несколько вариантов, — сказал я. — Мы могли бы брать по несколько вещей и возить их к ресторанному дворику.

— Хорошая идея, но ты говорил, что он нервничает, когда люди заставляют его делать

выбор.

Это правда.

Я нахмурился.

— Эммет, ты можешь фотографировать вещи, которые, по твоему мнению, ему понравятся, и отправлять фото ему для одобрения. Он, вероятно, будет часто соглашаться, но это даст ему возможность видеть больше вещей. Еще ты можешь спросить, какой у него любимый цвет, и делать выбор, основываясь на этом. Также спроси, какого размера полотенца он предпочитает: большие или обычные. Эти вопросы не заставят его чувствовать, будто ему нужно угадать правильный ответ.

Я решил, что это хорошая идея, и все сработало на ура. Я прислал Джереми много снимков, и, как и говорила мама, он сказал, что все они выглядят хорошо, но это взбодрило его. Хотя я и знал, какой цвет ему нравится больше всего, я все равно спросил его об этом, чтобы он чувствовал себя задействованным в переезде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В конечном итоге я надел наушники и, позвонив ему, стал рассказывать о вещах, которые присмотрел для нашей квартиры. Это, конечно, было не то же самое, как если бы он присутствовал во время покупок, но все равно лучше, чем ничего.

Мы ходили по магазинам, чтобы подготовиться к переезду в «Рузвельт», и Джереми смог участвовать и в других приготовлениях. Алтея и мама учили нас готовить еду, а папа показал мне, как нужно вести электронную таблицу счетов. Чтобы не забыть то, чему нас учили, мы все записали, а также разработали график, который включал в себя стирку и походы в магазин. Обычно новые вещи и изменения расстраивают меня, но это были захватывающие изменения. Думаю, Джереми тоже был взволнован, но еще он нервничал. Его мама определенно была расстроена, я ей до сих пор не нравился, а его папа продолжал все время дергать свои усы.

В день нашего переезда мне пришлось встать в девять утра. Мы приехали без опозданий, как и Боб, который, улыбаясь, передал нам два комплекта ключей. Он передал нам квартиру, в которой больше не пахло краской, но сам запах квартиры немного беспокоил меня, потому что это был запах не моего дома. Но беспокойство прошло, когда мы внесли мои коробки и мою одежду. Сначала я прошел в спальню. Мы купили новую кровать, чтобы моя старая кровать осталась дома. Новая кровать была двуспальной, чтобы я мог, если мне захочется, заниматься на ней сексом. Я сказал об этом маме, но она попросила меня не говорить ей такие вещи. Я указал на то, что это логично, и хоть она согласилась со мной, все равно не хотела слышать обо мне, занимающимся сексом. Я спросил Джереми, как он хочет, чтобы мы обставили основную жилую зону, но он сказал, что ему все равно, лишь бы он мог сидеть на диване и смотреть телевизор, и, соответственно, чтобы у нас они были. Он предоставил мне возможность заняться всем этим, и, если ему что-то не понравится, он скажет об этом. Так что я обставил квартиру, как хотелось мне. Все комнаты были отделаны деревом. Боб предпочитал дерево, как средство борьбы с пылью, ну и эти деревянные покрытия оставались с того времени, когда здесь располагалась школа. Кухня была отделана плиткой, я посчитал, что ее легче мыть или заменить, если появится необходимость.

Между диваном и телевизором я постелил мягкий ковер, потому что он был нужен мне для йоги. Он лежал на расстоянии десяти сантиметров от дивана и ровно десяти сантиметров от телевизора. Диван мог бы сдвигаться, потому что пол был скользким, но мы поставили позади него тяжелый стол и прилепили к его ножкам противоскользкие

накладки. Маленькие журнальные столики стояли по двум сторонам от дивана, который, как и мягкое кресло, был сине-зеленым и мягким на ощупь. Все эти вещи были куплены в магазине. Миссис Сэмсон сказала, что отдаст нам мебель из ее гостиной и купит новую для себя, но мама объяснила ей, что я очень чувствителен к ткани, поэтому она купила все новое. Еще мебель миссис Сэмсон была уродливой, но, по словам моей мамы, я не мог такое ей говорить. Единственной не новой вещью в нашей гостиной было кресло-качалка. Это кресло было из моего дома, но я хотел, чтобы оно теперь стояло у окна в нашей гостиной, и я мог, сидя в нем, смотреть на поезда. Мы расставили посуду в нашем кухонном шкафу и повесили кастрюли над раковиной, некоторая посуда была новой, а кое-что старым, принесенным нами из моего дома и дома Джереми. Мы сходили за покупками в супермаркет и заполнили нашу кладовую и холодильник, а также купили фруктов и поставили их в блюдо на столешницу. У нас был свой собственный телевизор, DVR²³ и RokuBox²⁴, а в моей комнате стоял компьютер. Все было опрятным, удивительным и просто потрясающим.

Лицо Джереми было трудно прочитать. Он отнес коробки в свою комнату и помог отцу собрать кровать, принесенную из дома родителей. Она, как и моя, была двуспальной. Неудобство состояло в том, что если он захочет провести ночь дома, то ему придется спать не в своей комнате, потому что там ему теперь спать не на чем. Меня это расстроило, а вот сказать, расстроило ли это Джереми, я не мог.

Я держался подальше от его матери, что было нетрудно, потому что она едва смотрела в мою сторону, но, когда она делала это, ее губы сжимались, как будто она сдерживала сердитые слова. Папа и Алтея ушли, как только вещи были распакованы, а моя мама не уходила, пока миссис Сэмсон не попрощалась. Она осталась на случай, если Габриэль поведет себя странно, но миссис Сэмсон может прийти, когда Алтеи и мамы не будет рядом, и я решил, что в таком случае буду уходить в свою комнату, надевать наушники и писать программы.

Когда все родители ушли, мы с Джереми остались вдвоем. Он стоял на кухне, прислонившись к кухонной стойке, а я стоял у окна на случай прибытия поезда. Начал моросить дождь, так что, если бы пришел поезд, все было бы совсем прекрасно, но в этот момент мне больше хотелось смотреть на Джереми. Его руки лежали на животе, а лицо ничего не выражало, да и выражение его глаз за очками тоже было слишком трудно прочитать. Я подумал, собираемся ли мы стоять тут, пока не придет время разогреть ужин, который моя мама поставила в холодильник. И еще я подумал, будет ли у нас сегодня секс.

— Ну. — Джереми расправил плечи. — Чем теперь займемся?

Я хотел предложить поцелуи или секс, но я нервничал. Если он ответит «нет», мне будет неудобно, а я не хотел испытывать неловкость в первый день.

— Обед в два часа, но мы можем перекусить.

— Вообще-то я не голоден.

Я тоже был не голоден. Я был возбужден, но все еще испуган.

— Можно посмотреть кино или поиграть в игрушку на компьютере в моей комнате или в «Иксбокс» в гостиной. — «Иксбокс» мы принесли из моего дома.

Я все еще не мог понять выражение его лица.

— А давай ты покажешь мне свою комнату. — Я кивнул.

Мы стояли в центре моей комнаты, и я указывал на находящиеся в ней вещи: кровать, комод, стол, компьютер и еще одно кресло-качалку, на случай, если мне захочется

покачаться в комнате, хотя иногда я ложился на пол и качался всем телом. Я не говорил Джереми о том, что эта новая огромная кровать была куплена для секса, потому что все еще волновался. Только вот находились мы в моей комнате, и секс был всем, о чем я мог думать.

Джереми, казалось, не думал ни о каких ласках. Он стоял, засунув руки в карманы, и рассматривал все вокруг, даже потолок, но не меня.

— Здесь мило. Похоже на твою старую комнату, но все-таки отличается от нее.

Это правда, но я слишком нервничал, чтобы что-то на это ответить. Все, что я хотел — спросить его, хочет ли он заняться сексом, но я слишком волновался, чтобы говорить об этом вслух. Мне хотелось бы это написать. И тогда я понял, что могу это показать.

— Джереми, я хочу преподать тебе еще несколько уроков языка жестов.

Он перестал смотреть на потолок и повернулся ко мне лицом.

— Давай.

— Четыре слова. — Я приложил ладонь к моему рту и провел ею от губ до щеки. Я уже несколько раз показывал ему этот знак, поэтому он может его узнать.

— Еще один поцелуй. — Его щеки покраснели.

— Правильно. — Я чувствовал себя неловко, но оттолкнул чувства подальше и сосредоточился на уроке. — Следующее слово. — Я вытянул руки ладонями вверх, а потом прижал их к себе, слегка сжав пальцы. — Хочу. Этот знак означает «хочу».

Джереми кивнул. Его лицо покраснело еще больше, но расстроенным он не выглядел.

— Третье слово. — Я сложил руки так, будто молился, прислонил их к моему уху и наклонил голову. — Это значит «кровать».

Он улыбнулся.

— Я думаю, что сам это понял.

— Последнее слово. — Я перекрестил пальцы на моей правой руке и провел ими от щеки к моему рту, и так несколько раз. — Это слово «секс».

Теперь я могу сказать, что Джереми занервничал. Никто из нас не мог говорить вслух, а Джереми недостаточно хорошо знал язык жестов.

— Джереми, иди в свою комнату и войди в чат.

Он моргнул.

— Зачем?

— Потому что я хочу поговорить с тобой.

Джереми рассмеялся.

— Но мы разговариваем, и мы с тобой в одной квартире.

— Будет лучше, если для этого разговора у нас будет пространство. Войди в свой чат. Я подожду.

Уходил он неуверенно, но я это проигнорировал и, сев за свой компьютер, вошел в сообщения. Джереми до сих пор пользовался компьютером IBM, но отец помог ему создать аккаунт в Yahoo!, а я подключил его к своему чату.

Увидев его онлайн, я послал ему сообщение:

«Привет, Джереми. Это Эммет».

Он стал набирать ответ.

«Я знаю. Переписываться немного странно, когда мы находимся в одном доме».

«Я не могу сказать тебе то, что хочу, напрямую. Мы оба слишком нервничаем, и ты стесняешься».

Ему потребовалась секунда для того, чтобы ответить.

«Разговор пойдет о сексе?»

«Да».

Он немного помолчал.

«Ты прав. Так, наверное, лучше. Хотя я все равно чувствую себя глупо».

Джерери всегда чувствовал себя глупо, поэтому это я тоже проигнорировал.

«Джерери, я хочу поцеловать тебя. Хочу заняться с тобой сексом. В моей кровати. Сейчас. Но, когда я произнес слово секс, ты занервничал. Ты хочешь заняться со мной сексом?»

Пока ждал его ответа, я стал напевать и качаться, а потом услышал, как он набирает текст.

«Я хочу, но боюсь. Не тебя, а секса. Я боюсь, что будет больно».

Я нахмурился в ответ на его сообщение, не понимая, что он имеет в виду, а потом вспомнил статьи, которые прочитал.

«Ой. Ты про анальный секс?»

«Да».

Интересно.

«Я не думал об этом. Я имел в виду прикосновения к нашим пенисам, возможно, мастурбацию. Я не уверен насчет орального секса, ведь иногда пенисы склизкие».

«Ты должен называть их членами, когда речь идет о сексе. Я не знаю почему, но, кажется, это правило».

«Но, как их не называй, они склизкие».

Я не думал об анальном сексе с Джерери, пока он не написал об этом в чате, потому что из попы выходят какашки, и засовывать туда пенис мерзко, даже если парням в порно это нравится. Джерери сказал, что боится того, что это будет больно, имея в виду анальный секс с моим пенисом в его попе.

Как бы то ни было, мой член напрягся всего лишь от одной мысли об этом.

«Эммет, ты совсем притих. Это заставляет меня нервничать еще больше».

«Прости».

Я быстро отправил сообщение, чтобы лишний раз его не беспокоить.

«Я думал о моем члене в твоей попе, и это меня отвлекло».

Я услышал его смех из комнаты.

«Ладно, это очень хорошее оправдание, — он набрал на клавиатуре что-то еще. — И меня это отвлекает, но еще пугает».

«Мы могли бы для начала изучить анальный секс, прежде чем начинать им заниматься. Может, нам стоит посмотреть вместе порно».

Джерери еще быстрее застучал по клавишам.

«Думаю, когда ты говоришь о том, что мы могли бы изучить анальный секс — это не хитрый способ, с помощью которого ты хочешь заставить меня посмотреть порно вместе с тобой».

Я нахмурился.

«Не понимаю, — и добавил: — Смотреть с тобой порно будет забавно».

Он снова засмеялся.

«Какой секс ты имеешь в виду, если не анальный?»

Он хотел, чтобы я составил ему список? Я попытался подумать обо всем, чем бы я хотел заняться с ним.

«Я хочу целовать тебя. Долго. На кровати. Хочу, чтобы на нас не было футболок и штанов, когда мы делаем это, а иногда и нижнего белья. Я хочу заниматься с тобой мастурбацией. Я хочу прикоснуться к твоему члену и, возможно, потереться о него своим. Если мы сначала примем душ, то можем попробовать заняться оральным сексом, но давай не будем торопиться. Я хочу попробовать полизать твои соски. Я прочитал на одном из форумов, что если ты целуешь шею парня, то он тает в твоих руках. Знаю, что они говорят не в буквальном смысле, но думаю, что реакция будет очень похожа. Еще я хочу потрогать твою задницу. Не внутри, а снаружи. У тебя отличная задница, и я хочу увидеть ее обнаженной. Может быть, я поцелую ее после душа. Я смотрел видео, где парень трахал узкое пространство между бедрами другого парня, и они оба наслаждались этим, но, скорее всего, на сегодня — это слишком».

Я задумался, перечитывая сообщение, а потом решил, что перечислил все и нажал кнопку отправить.

Я не слышал звука клавиш, но стул Джереми со скрипом отодвинулся. Он вошел в мою комнату и встал у двери. Его лицо было красным, но он смотрел на меня с точно таким же выражением, которое у него возникает, когда он хочет, чтобы я его поцеловал. Он не произнес слов, но использовал свои руки, чтобы сказать, чего он хочет, на языке жестов.

Я хочу. Поцеловать тебя. Кровать. Секс.

Это выглядело почти бессмыслицей, но я все понял и встал со стула. Мои штаны натянулись спереди, потому что мой член стал очень твердым. Джереми наблюдал за тем, как я расстегиваю кнопки на джинсах. Он выглядел очень возбужденным и нервным, а когда я подумал о том, что раздеваюсь, то тоже стал нервничать.

Джереми отошел от двери и расстегнул свои брюки. Мы спустили их до пола одновременно. На мне, как и на Джереми, были трусы, но, в отличие от моих боксеров, его трусы были простыми плавками, белыми, с черной полоской сверху. Я мог видеть его член, упирающийся в его ногу. Внушительная длина. Как и у его ног. Они были длинными, немного тощими и бледными.

— Ф-ф-футболки тоже? — спросил Джереми, и я вообразил себе то, как Джереми стоит передо мной в одних трусах.

— Долой футболки. — Я снял свою и наблюдал за тем, как он делает то же самое.

Его соски стояли торчком, и я хотел к ним прикоснуться. Я подошел к нему и сделал это, надавив пальцем на красную бисеринку соска. Джереми вздрогнул и положил руку на мое бедро.

— М-м-мы вс-се ещ-щ-ще в носках, — прошептал он, пока я продолжал потирать его сосок своими пальцами. — И в трусах.

Его соски становились все тверже, чем больше я прикасался к ним, тем больше и тверже становился его член.

— Может, мы их снимем?

Он закрыл глаза и резко и глубоко вдохнул.

— Я... я не знаю. М-может быть не с-сегодня?

Я не был разочарован. Нижнее белье было слишком сексуально.

— Когда у меня наступит оргазм — я должен вытащить свой член, потому что не хочу запачкаться. Но все хорошо, я могу кончить на простыни.

Глаза Джереми были все еще закрыты, но он придвинулся ко мне. Он поцеловал мое обнаженное плечо и провел своим языком по моей коже. Это сделало меня таким твердым,

что почти причинило боль.

— Джереми, я хочу лечь с тобой на кровать, целовать тебя и прикасаться к твоему члену под твоим нижним бельем.

Выдохнув, он поцеловал меня в шею.

— Да.

Это правда. Парень растает, если его бойфренд будет посасывать его шею. Вены на шее Джереми вздулись, потому что кровь в них буквально кипела, но его мышцы были расслаблены, будто бы он долгое время провалялся на солнце.

Я долго размышлял о сексе. Мои родители разрешали мне смотреть порно, но, как правило, после просмотра мы должны были разговаривать об этом, и они говорили, что порно не реалистично. Мы говорили о презервативах, о заболеваниях, передающихся половым путем, и о том, как они распространяются. Джереми, как и я, был девственником, но я пообещал маме, что мы в любом случае проверимся, так что доктор Норт взял у нас анализы и позаботился обо всем, прежде чем мы сблизились. Анализы были отрицательны, и это было прекрасно. Я многое узнал о сексе. Знал, какую позу нужно выбрать, чтобы не причинить боли своему партнеру. Но день, когда я впервые занимался этим с Джереми, доказал, что секс — одна из тех вещей, которая бывает непредсказуемой в реальной жизни, сколько ты ее не изучай.

Я должен был обращать внимание на своего партнера и на его потребности, но, даже несмотря на то, что мы были в нижнем белье, прикосновения и поцелуи с Джереми так возбудили меня, что я чувствовал, как будто могу дрочить десять раз подряд, хотя на самом деле это невозможно из-за рефрактерного периода²⁵. Это злило меня. Я хотел, чтобы мой член был готов к новому сексу сразу после оргазма, но моему телу в этот период не нужен секс, даже если этого хочет мой мозг. В интернете написано, что в этот момент можно думать о бейсболе, но мне плевать на бейсбол. Несколько минут я выстраивал в голове число Пи, а потом переключался на программирование. Я попытался вспомнить чувства, возникшие в моей голове, когда я первый раз встретился с Джереми, и это сработало. Иногда наши мозги вытворяют забавные вещи, и лучше не задумываться над вопросом, почему так происходит, а доверять им.

Мы очень тяжело дышали и двигались во время поцелуев. Джереми нравилось, когда я во время этого прижимался к нему. Это похоже на утепленное одеяло, под которым я иногда сплю. Ему нравилось, когда его тело находилось будто под давлением, и еще ему нравилось, когда наши члены прикасались друг к другу через нижнее белье. Я попробовал сделать несколько вещей, и, когда стал вращать бедрами по кругу, это заставило его стонать и произносить другие, различные звуки, но еще он сказал:

— Не останавливайся!

Знаете, во всем, что я читал о сексе, говорится, что шум во время секса — это хорошо, но, если аутичные люди создают шум, потому что происходящие вещи слишком сильно на них влияют, каждый раздувает из этого целый скандал. Люди еще более бессмысленные, нежели моя мама или мои мозги.

Мне нравилось, что Джереми стонет, иногда я делал то же самое, и это нравилось ему. Его не волновало, если я напевал, шептал или делал что-то похожее.

И все было хорошо, пока я не прикоснулся через трусы к его члену. Он хотел, чтобы я поцеловал его почти грубо и одновременно провел рукой по его члену. Чувства в моей голове обострились.

— Стой! — сказал Джереми, и, когда я разорвал поцелуй, его дыхание было таким, будто он бегал вверх и вниз по лестницам «Рузвельта». — Я сейчас кончу.

Большим пальцем я потер по головке его члена через трусы.

— Я хочу посмотреть, как ты мастурбируешь. Хочу увидеть твой член.

Джереми закусил губу и уткнулся своим членом мне в руку.

— Как... как насчет того, чтобы это мне сделал ты?

Это звучало хорошо.

— Давай я сниму с тебя трусы. — Он позволил мне сделать это, но занервничал, когда я стянул его трусы до самых лодыжек, и раздвинул его ноги, чтобы посмотреть на его яички и член. Они были красными, а его член стоял, немного покачиваясь, как посох, посередине его паха. — Я тоже хочу снять трусы, — признался я Джереми.

Он кивнул, но, когда он попытался сдвинуть колени, я остановил его.

— Нет, раздвинь их. Мне нравится смотреть на тебя. — От моих слов его член стал дёргаться еще больше.

— Хорошо.

Я спустил свое нижнее белье до лодыжек и снял его, но остался в носках. Как и Джереми.

— Я хочу мастурбировать вместе. Прижиматься своими яичками к твоим и одновременно с этим мастурбировать.

Колени Джереми задрожали.

— Хорошо.

Я опустил на кровать и прижался к нему. Его кожа была горячей, но интимное место просто пылало. Когда наши члены соприкоснулись, Джереми стал часто дышать, а когда я положил руку на его член, Джереми издал какой-то звук, похожий на шипение.

— Эммет, я сейчас кончу. И очень быстро.

Я тоже был на грани.

— Подумай о чем-то скучном. Посчитай.

Он покачал головой и шевельнул бедрами так, что наши шары соприкоснулись. Джереми крепко зажмурил глаза.

— Я не могу. Все, чего я хочу — это потерять голову. Чтобы ты взял меня, как животное, но я так быстро кончу, и это смутит меня.

Мои бедра тоже двигались. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Мне нравилось, что Джереми так тяжело дышит. Я хотел, чтобы он сделал так, как ему хочется. Хотел посмотреть на то, как он теряет голову.

— Я посчитаю за тебя. Я буду считать до двадцати. Это недолго, но достаточно, чтобы мы насладились этим временем. Ты не можешь кончить, пока я не досчитаю до конца, но можешь вести себя, как животное.

Кадык Джереми дернулся, когда он сглотнул. Его бедра продолжали быстро двигаться, и из кончика его члена начала течь смазка.

— Ладно. Я постараюсь продержаться.

— Просто слушай меня и наслаждайся. Это наш первый секс. Это называется фроттаж²⁶. Я потер друг о друга наши члены, сделал круговое движение бедрами и наши яички снова оказались тесно прижатыми друг к другу.

— Тебе нравится фроттаж?

Джереми издал задыхающийся звук, будто ему не хватало воздуха.

— Пожалуйста, начинай считать.

Я начал. Я считал не быстро, но стремительно двигал бёдрами и одновременно с этим терся членом о его член, как советовали на форумах. Джереми издавал удивительные звуки и плотно прижимался своими бедрами к моим. Я старался делать все, как он любит, и понял, что еще ему нравится, когда я двигаю бедрами не нежно, а быстро и резко. Он со всей силой молотил по кровати руками, а на цифру пятнадцать издал долгий и громкий крик, от которого в моих яйцах зазвенело, и я почти кончил. Я начал считать быстрее, и уже на двадцать всё вокруг будто перевернулось. Джереми издал долгий крик и выгнулся всем телом. Его сперма изливалась фонтаном, и я увлеченно наблюдал за тем, как он кончает. Я еще не был готов кончить, но мой член еще больше возбуждился от того, что я видел. И спустя пару движений рукой я тоже кончил. Моя сперма брызнула Джереми на грудь, и несколько капель попали на его губы. Мне не нравилось это ощущение. Ощущение того, что сперма так быстро остывает. Джереми лежал на кровати со вздымающейся грудью, закрытыми глазами и с моей спермой на губах. Он был настолько красив, что мой член слегка извергнулся спермой еще раз.

Я выдохся и хотел лечь рядом с Джереми, но сначала я взял тряпку и вытер свое семя. Я называю это тряпкой, потому что так говорят в интернете, на самом деле я использовал детские влажные салфетки, потому что я не должен быть липким. Живот Джереми дернулся, когда я стал его вытирать, хотя салфетки были теплыми, как и воздух в комнате, потому что у меня был кондиционер, и я включил его, прежде чем мы легли в постель. Думаю, он дернулся, потому что сейчас его ощущения были так же обострены, как и у человека с аутизмом.

Мои ощущения были слишком обострёнными, но я пока не хотел оставаться один. Мне нужно было обнять и поцеловать Джереми, и узнать, понравился ли ему наш секс. Я поспешил обтереть нас, и мы залезли под одеяло. Джереми прижался ко мне, а его член лежал на моей ноге. Он уже стал мягким, но Джереми был счастлив.

— У нас был секс. — Я уставился на потолок, а все мои чувства, громкие и яркие, кружились надо мной, сбиваясь в облака.

— Это было невероятно. Я хочу все повторить после того, как мы отдохнем.

Руки Джереми гладили мою кожу, но, когда я дернулся, он остановился.

— Прости. Я забыл, что ты не любишь легких прикосновений.

— Прямо сейчас все это слишком чувствительно, — сказал я.

— Ничего, если я останусь здесь с тобой или тебе нужно побыть одному?

Это был каверзный вопрос, и я задумался, нужно ли мне побыть одному, ведь Джереми одному оставаться не хотелось. Мои исследования показали, что объятия важны для соединения пары.

— Я хочу, чтобы ты остался, — ответил я. — Но все это очень странно.

— Как я могу остаться и сделать так, чтобы это тебя не беспокоило?

Объятия мне были нужны так же, как Джереми, но еще мне нужна была тишина. Я задавался вопросом, могу ли обнять его так, чтобы не почувствовать себя плохо. В итоге Джереми повернулся ко мне спиной, и я заключил его в объятия. Это позволило ему чувствовать мою близость, но в то же время у меня оставалось достаточно пространства, чтобы прийти в себя.

Как только Джереми уснет, я мог бы встать и пойти в гостиную, чтобы покачаться в кресле-качалке и насладиться видом проливного дождя за окном. Я сказал себе, что могу

подождать, и мой мозг досчитает до двадцати, но на этот раз уже по другой причине. Мой план сработал, и мой осьминог не разозлился. Он был рад подождать, а потом, когда Джереми уснул, осьминогу понравилось, как мы сидели в кресле-качалке, напевали и махали руками, считая вагоны поезда, проходящего мимо во время ливня.

Я гордился собой. Не многие люди понимают, как сложно это было для меня, но именно это означает быть взрослым: выполнять сложные задачи, когда никто не догадывается о твоих проблемах и не помогает тебе.

Я живу независимо от родителей, у меня есть расчетный счет, у меня был секс, и я придумал свои собственные модификации для нашего с Джереми быта. И хотя по закону я был взрослым уже больше года, в тот день я впервые это осознал.

Глава 16

Джереми

«Рузвельт» вмещал в себя тринадцать квартир, в одной из которых жили Тэмми и Салли. Они проживали там бесплатно и еще получали плату за то, что присматривали за нами. Изначально предполагалось, что у них будут свои собственные, отдельные квартиры, но они стали соседями из-за Эммета и меня. Это заставило меня чувствовать себя виноватым, но Тэмми и Салли в один голос уверяли меня, что беспокоиться е из-за чего, и они были рады нашему приезду.

На следующий день после нашего переезда Тэмми стала нашим первым гостем. Пока я был в душе, она написала одновременно Эммету и мне. Когда я вышел, чтобы переодеться, Эммет спросил, не планировал ли я что-то на десять часов, и можем ли мы пригласить ее в это время. У меня не было ровным счетом никаких планов, и я согласился. Дни Эммета были полностью расписаны. Я и раньше видел, как он периодически заглядывает в календарь, но, живя с ним, я не понаслышке узнал о том, как жестко расписаны его дни. Накануне он слегка повздорил со своей мамой: она хотела зайти и проверить, все ли с ним в порядке, когда она не контролирует его расписание, но Эммет был непреклонен и сказал, что он взрослый и способен контролировать свою жизнь самостоятельно. Их компромисс состоял в том, что он будет часто ей писать и сообщать о том, как идут его дела. Поскольку я наблюдал за тем, как проходит утро Эммета, я понял, почему его мама так колебалась. Несмотря на всю его уверенность и решительность, его могли вывести из равновесия самые различные вещи. Например, тостер.

Эммет ел специальный безглютеновый хлеб, который готовила его мать. Это означало, что у него был свой собственный тостер, купленный для новой квартиры, чтобы старый тостер оставался в доме его родителей. Эммет практиковался в ведении хозяйства весь прошлый месяц, а особенно в кулинарии, но, когда он сделал свой тост, то сжег его. Это чуть не свело его с ума.

— Тост сожжен. Сожжен. Я не могу это есть.

Эммет швырнул тостом в стену, испустив такой крик, что на мгновение я подумал, будто следом за тостом пойдет и сам тостер.

Этого не произошло. Вместо швыряния тостеров в стену Эммет ворвался в свою комнату, а потом захлопнул и запер за собой дверь.

Я понятия не имел, что мне делать. Пару минут я, затаив дыхание, стоял, уставившись

на закрытую дверь, опасаясь, что Эммет в ярости вылетит оттуда. Я не думал, что он может сделать мне больно, но был уверен в том, что он может что-нибудь сломать. Я оценивал, на сколько тысяч баксов тянет оборудование в его комнате, и мне стало дурно. Но никаких звуков разгрома я не слышал. До меня донеслись лишь звуки пары ударов, а потом все стихло, но Эммет так и не вернулся на кухню.

Я подобрал сгоревший тост, который на самом деле не был полностью сожжен, а лишь пригорел до коричневой корочки, и убрал на место его хлеб. Я не знал, какие именно тосты ему нравятся, иначе переделал бы его. Завтракать мне больше не хотелось, и уютная квартира, которая была так комфортна, теперь казалась пустой и опасной. Не зная, что еще мне делать, я вернулся в свою комнату и забрался под одеяло.

Мы оба все еще находились в своих комнатах, когда раздался стук во входную дверь. Я бросил мутный взгляд на часы и понял, что было уже десять часов. Пришла Тэмми.

Она весело улыбнулась мне и протянула руку, когда я открыл ей дверь.

— Приветик. Ты — Джереми, верно? Я Тэмми. Рада снова тебя видеть. Как дела?

Я пожал ее руку, или, скорее, позволил ей сжать мою.

— Хм... хорошо, — соврал я.

Я противился тому, что за мной будут присматривать, но мне нравилось видеть в этой роли Тэмми. Она напоминала вожатую из школы, мне нравилась ее внешность и манера общаться. Тэмми была одновременно милой и простой, и в то же время она была неприступной стеной, на которую никто не может забраться. Телосложение ее было крупным, что делало ее мягкой, но сильной. Волосы были уложены в аккуратный темно-коричневый ореол, переплетенный вокруг всей ее головы, за исключением места у лба, где был надет толстый красный ободок. Тэмми носила очки с леопардовым принтом по бокам и золотые украшения, которые сейчас ограничивались огромными кольцами в ее ушах.

Входя в квартиру, она двигалась, как плещущаяся вода, будто каждое ее движение было чувственным танцем.

— Хорошо тут у вас, — улыбнулась она и усмехнулась, указав на кресло-качалку, стоящее у окна. — Это кресло Эммета, но где же он?

Я бросил взгляд на столешницу, где все еще лежал несъеденный тост.

— У нас возникла проблема... с тостами.

Тэмми закатила глаза, причем специально, но не зло, как будто она все знала о сволочных дьявольских тостерах.

— Все понятно, милый, не волнуйся. — Виляя бедрами, она подошла к двери комнаты Эммета и постучала пять раз. — Эммет, душка, это Тэмми. Я хочу услышать все об этом тостере.

На то, чтобы он открыл дверь, ей потребовалось десять минут, и тогда я узнал две вещи: Тэмми где-то читала о том, как общаться с Эмметом, и у нее было ангельское терпение. Она не повышала голос, не ругала, лишь упомянула, что он пригласил ее в гости и заставляет ждать. Она предложила ему помочь с тостером и поговорить о том, что пошло не так, но, главным образом, она не переставала повторять, что он должен открыть дверь, а когда Эммет наконец это сделал, то затащил ее внутрь и закрылся вместе с ней. Вот тогда у меня наступил свой собственный тостер-момент.

Есть одна вещь, с которой я не могу ничего поделать, я говорил об этом с доктором Нортон, и мой отец ругал меня за это, но я все равно продолжаю чувствовать себя виноватым за все, что происходит вокруг. Я понимаю, что это бессмысленно, но не могу

остановиться. Эммет говорит о том, что видит цвета, парящие в воздухе, я же, клянусь, могу чувствовать все это. Если я нахожусь в магазине, и кто-то роняет банку, мне стыдно, и я всегда уверен, что каким-то образом виноват в том, что они уронили ее. Если кто-то расстроен, я уверен, что это я сделал что-то, даже если не знаю этих людей. Иногда я могу сказать себе, что эти чувства не логичны, но гораздо чаще я чувствую усталость и просто хочу лечь в кровать.

Когда Тэмми закрыла дверь в комнату Эммета, я был переполнен убеждением, что тостер Эммета сломался по моей вине, что я не помог ему, а следовало хотя бы утешить его или все вышеперечисленное вместе. Я чувствовал себя глупым и никчемным, и облако, постоянно висящее над моей головой, стало окутывать меня, пока я не начал практически задыхаться. Мне не хотелось идти в свою комнату. Не хотелось ждать Тэмми. Не хотелось ничего ломать. Мне хотелось забиться куда-нибудь поглубже в темноту и ждать смерти. Я этого не сделал и не пытался себя убить, но я начал плакать. Чтобы начать плакать, мне не требуется много времени, но я знал, что плакать — это плохо, и от понимания того, что я снова это делаю, мое лицо стало гореть. Стыд превратился в страх, страх перешел в панику. Я знал, что сейчас могу попасть под купол и почувствовать себя пойманным в ловушку, как это было раньше, когда мы ходили по магазинам, но мне не хотелось чувствовать это в первый же день после переезда в новую квартиру. Однако я не мог выбирать, во что мне удариться — в панику или в отчаяние. Я хотел избавиться от этого состояния, но не знал, как вырваться.

Бессознательно я выбежал из квартиры.

На мне не было обуви, что я заметил, когда вышел на улицу и оцарапал свои ступни о гравий. Солнце больно обожгло мои глаза, а звук проезжавшего по улице автобуса походил на рев динозавра. Мою грудь сдавило, а голова закружилась. Я не мог нормально видеть из-за слез и солнечных пятен перед глазами. Не мог бежать без обуви, потому что каждый камень под ногами казался ножом, проникавшим в кожу. Я не мог вернуться обратно, потому что был слишком подавлен. Рыдая, я пересек стоянку и лег, свернувшись калачиком под высоким деревом на старой деревянной детской площадке.

Это было хорошее место. Дерн под деревом был выкопан почти до основания, и создавалось впечатление, будто дерево выросло здесь с единственной целью — чтобы прятать человеческие тела в своем стволе. Я не слышал уличного движения, здесь меня обдувал легкий ветерок, и я мог наблюдать за игровой площадкой, печалюсь из-за отсутствия на ней детей, но в тоже время пребывая в состоянии спокойной меланхолии. Это была огромная громадина с полностью оборудованной спортивной площадкой, башенками, качающимися мостами и тоннелями из старых шин. Если бы я был меньше, то мог бы полностью скрыться в этих тоннелях, я бы попробовал это сделать и сейчас, если бы не был таким уставшим.

Меня не удивило, что Тэмми меня нашла. Я слышал, как она подошла, слышал ее тяжелые шаги по гравию и почувствовал запах ее духов, когда она присела рядом и тихонько положила свою руку мне на плечо.

— Эй, тигр. Не хочешь рассказать, что случилось?

Нет. Я закрываю глаза и зарываюсь поглубже в ствол дерева. Они отправят меня обратно в больницу или в «Икарус». Я был ходячей катастрофой и не смог прожить один в квартире даже сутки.

Своей сильной рукой Тэмми стала гладить меня, и это прикосновение действовало на

меня успокаивающе.

— Милый, все хорошо. Все в порядке. Нет никаких проблем. Никто не сердится. Я думаю, сейчас все перенервничали, все-таки сегодня первый день, — она издала милое воркование и пробежала пальцами по моим волосам, как будто я был ее ребенком. — Ох, сладкий. Ты разбиваешь мне сердце, понимаешь?

— Прости, — промямлил я сквозь рыдания, а потом зарыдал еще сильнее.

Она замолчала, а потом снова начала меня успокаивать, и вдруг рядом послышались шаги, в которых я узнал походку Эммета.

— Почему Джереми плачет?

Я пытался спрятаться от него, потому что мне было слишком стыдно, но я всего лишь уставился на плотно растущие корни дерева.

Тэмми ответила за меня:

— Я не знаю, милый, но все будет хорошо. Все будет хорошо, — сказала она, продолжая гладить меня по спине. — Джереми, может, сейчас самое время принять «Ативан»? Ты сильно перенервничал, и совершенно нормально попросить, чтобы тебе помогли успокоиться.

Она была права. Мне действительно было нужно принять лекарство. Колеса стыда и позора сокрушали меня, как колеса бесконечного поезда.

— Простите.

— Почему ты извиняешься? Ты не сделал ничего плохого.

Это говорил уже Эммет, тоже присевший возле меня. Он не прикасался ко мне, но я мог чувствовать его присутствие. Оно помогало мне, но делало меня грустным, как будто Эммет всегда находился вне пределов моей досягаемости.

— Я думаю, всем нам нужно сделать перерыв, — произнесла Тэмми. — А потом мы попробуем поговорить снова. Джереми, давай мы отведем тебя в безопасное место, где ты сможешь успокоиться. Эммет, ты можешь...

— Я хочу остаться с Джереми.

Я посмотрел на него мутным взглядом. *Почему он всегда разделяет это со мной?*

— Я сожалею о тосте.

Эммет нахмурился.

— Но это не ты его сжег.

— Мне жаль, что он сгорел. Мне жаль, что это так тебя расстроило.

Тогда я понял, почему мне было так комфортно с Эмметом. Когда мои эмоции были неправильны, он смотрел на меня с более явным испугом, чем кто-либо еще, но в его взгляде никогда не было настороженности или молчаливого осуждения, он просто говорил, что со мной что-то не так.

Он посмотрел на меня, как на какое-то противоречие, как на головоломку, которую он еще не решил.

— Ты расстроился потому, что расстроился я?

Это прозвучало так, будто я злился на него.

— Я плохо себя чувствую, когда люди расстроены. Я чувствую то же, что и они. Прости. Я не могу это исправить.

Эммет уставился на меня или, вернее, на что-то рядом со мной, над моей головой, а потом дотронулся пальцами до моего лица.

— Ты не должен это исправлять, но тебе нельзя убегать.

Тени в моей голове стали рассеиваться.

— Хорошо.

Он убрал руку от моего лица, но сел рядом со мной.

— Прости, что я разозлился из-за тостера. Я хотел, чтобы в первый день моей независимости все прошло хорошо. Мне не хотелось, чтобы ты так отреагировал на мой гнев.

Я кивнул, чувствуя себя все лучше и лучше, хотя по-прежнему ощущал тяжесть и легкую нервозность.

— Вы, оба, — голос Тэмми был красив, как песня, а каждое произнесенное ею слово было подобно ноте. — Я хочу обнять вас. Но думаю, что вместо этого мы лучше пойдем обратно. Я приготовлю вам завтрак, дам Джереми выпить его «Ативан», и мы поболтаем, чтобы познакомиться поближе. Могу сказать, что мы трое станем хорошими друзьями.

Месяц назад я бы подумал, что ее слова были притворной речью из разряда словесного мусора социальных работников, уготованных для детишек, но прямо тогда я чувствовал себя беспомощнее младенца и вообще не возражал против ее успокаивающего тона. На самом деле Тэмми казалась мне спасательным кругом, который я искал всю свою жизнь.

Первая неделя в «Рузвельте» больше походила на американские горки, но каждый раз, когда доктор Норт спрашивал, как у меня дела, я отвечал ему, что дела у меня идут хорошо, и не врал. Жить самостоятельно, даже зная, что внизу живут Тэмми и Салли, было страшно, но все равно мне было хорошо. Жить в отдельной квартире было то же самое, что находиться все время в моей комнате, где меня не терроризирует мать, но только здесь было больше места, и рядом находился холодильник. И Эммет.

Эммету было намного сложнее приспособиться к самостоятельной жизни. Хотя я ценил его собранность, когда только встретил его, в первую неделю жизни в «Рузвельте» я узнал, что значит жить в одном пространстве с нервным Эмметом. У него было множество странных правил, как должны располагаться кружки в шкафу, что и на какой полке должно стоять в холодильнике, куда я должен был убирать свою обувь. Я даже не могу вспомнить все, что заставило меня паниковать. Но мы не успели раскиснуть, потому что Тэмми помогла нам прежде, чем мы понимали, что терпим крах.

— Эммет, — начала она на одной из наших утренних встреч, — нам нужно поговорить о том, как много правил ты устанавливаешь для Джереми в вашей квартире.

Она сказала об этом так, будто бы я жаловался ей, и я испугался.

— Все в порядке. Его правила не делают ничего плохого.

Она взяла меня за руку и переплела свои пальцы с моими, успокаивая меня. Тэмми постоянно прикасалась ко мне, обнимала меня и улыбалась. Это всегда успокаивало меня, и этот раз не был исключением.

Эммет качнулся на своем месте и уставился на стол.

— Правила важны. Важна систематизация.

— Я знаю, дорогой. Но ты должен помнить, что мозг Джереми устроен иначе, нежели твой. Джереми легко подавить, и он не скажет тебе, что ты слишком на него давишь. Он только работает над тем, чтобы озвучивать свои потребности, но на данный момент я буду его голосом. Ты пойми, что его мозг не компьютерный процессор, но он читает эмоции. Это означает, что он может и не вспомнить, в какое место ты вчера хотел поставить диван, однако может передать все эмоции, которые ты испытывал вчера и позавчера.

Я читаю эмоции?

Некоторое время я размышлял об этом. Я действительно не мог вспомнить, что я ел на

завтрак, но да, я помнил, что Эммет проснулся слегка сварливым, потом стал счастливее, когда увидел проходящий поезд и перевозбудился, когда попросил меня прийти в его комнату, чтобы заняться сексом. Он расслабился после секса, а потом снова стал взвинченным и оставался таким до тех пор, пока я не пошел принять душ, чтобы Эммет смог побыть один.

Я моргнул.

Вау! Я и правда читаю эмоции.

Сейчас я был уверен, что любой человек в мире мог прочесть эмоции Эммета, он был очень взволнован.

— Мне нужны порядок и правила.

— Я могу попробовать выучить их. — Я ненавидел, когда из-за меня Эммет расстраивался.

И зная, что выучить эти правила я не смогу, я сгорбил плечи.

Тэмми, не вставая с кресла, попыталась разрулить ситуацию.

— Нам нужно придумать систему, которая будет работать для вас обоих.

— Я мог бы записать все правила. — Эммет стал качаться более мягко, более контролируемо.

— Для начала это хорошо, но ты все еще думаешь, что его мозг похож на твой. Ты думаешь, что как только эти слова будут записаны, и Джереми их увидит, он запомнит их навсегда.

Я начал возражать, но замолчал, посмотрев на лицо Эммета и понимая, что он действительно может предполагать именно это.

Срань господня. Он и правда так думает?

Тэмми стала тихонько постукивать по столу кончиком пальца.

— Давай, Эммет. Ты же умный парень. Если Джереми должен соблюдать твои правила, то он должен помнить их. И как нам научить его этому? Как ты можешь переписать свой свод правил, чтобы ему было проще их запомнить?

Эммет явно и понятия об этом не имел, и, честно говоря, я тоже. Для таких вещей моя память была ужасна. Я имею в виду, что, возможно, если бы листы с этими правилами прицепили на крючок и повесили над моей головой, я бы их и запомнил, но даже тогда они должны были сами переворачиваться на нужную страницу. Интересно, а «Гугл» так может? Что, если бы я мог посмотреть на кухонный шкафчик, и на его дверце было бы написано, как именно Эммет хочет, чтобы в нем стояли кружки.

Я сидел прямо и практически задышался, потому что в моей голове щелкнуло.

— О! — когда Тэмми и Эммет посмотрели на меня, вернее, Эммет посмотрел на место рядом со мной, и я им все объяснил. — Мы могли бы повесить правила на дверце кухонного шкафчика и на холодильнике, и у зеркала в ванной. И на входной двери. И тогда мне не придется ничего запоминать. Я смогу просто читать.

Эммет ухмыльнулся. Его взгляд был на моем плече, но я знал, что он смотрит прямо на меня, и я почувствовал теплоту, мне стало хорошо.

— Это умная мысль. Я мог бы придумать знаки, набрать на компьютере и распечатать правила. Мы можем выбрать шрифт, чтобы он не вредил твоим глазам. — Эммет раскачивался взад и вперед и немного напевал, прежде чем продолжить. — Я могу использовать цветную бумагу и выбирать цвет в зависимости от того, насколько это правило важное.

Смех Тэмми был сладким, как мед.

— Взгляните, как слаженно вы работаете вместе. Какая вы прекрасная пара.

Мы и правда были прекрасной парой. Вместе мы работали над правилами: Эммет заставил меня выбрать шрифт, и хоть я сказал, что это не имеет значения, он утверждал обратное.

— Ты будешь читать по этим листам все время. Выбери шрифт, который делает тебя счастливым.

На его компьютере была огромная коллекция шрифтов. Некоторые из них он создал сам, хотя в основном все шрифты были стандартные.

Я выбрал шрифт под названием Aire Roman Pro, а Эммет как-то изменил его, чтобы буквы шрифта были красивым курсивом. Он напечатал листы и разместил их во всех нужных местах, и он был прав, мне было приятно читать их. Я улыбался, когда видел подчеркнутые слова на кружках или двигал диван до линии, которую провел Эммет. Мне не нужно было ничего запоминать, и я не расстраивал Эммета.

У Эммета хорошее чувство юмора, хотя иногда он может увлечься. Он начал раскидывать листы везде, даже там, где они были не к месту. Улыбнувшись, я нашел листочек с красивыми округлыми словами «Тебе хватит» внутри моей коробки с хлопьями. Я сунул эту записку в карман и улыбался всякий раз, когда прикасался к ней. Ещё я оставил листочек, на котором красивыми буквами было написано «Эммет и Джереми — навсегда». Он прикреплял записки к моему полотенцу, оставлял их внутри моих ботинок, клал внутрь моих любимых DVD-дисков. Как правило, они были напоминанием, какой порядок ему хотелось бы поддерживать в квартире, и тем, что радовало меня. Но иногда они были и чем-то еще.

Сексом мы занимались каждый день. Чаще всего утром. Эммет рано просыпался, завтракал, смотрел на проходящий поезд, потом будил меня, отправлял умываться, и мы занимались сексом. Обычно на зеркале в ванной висели уже часто им используемые записки с сексуальным содержанием.

«Приходи в мою комнату и заранее сними свои трусы».

«Встреть меня в своей комнате... обнаженным. Я хочу прикоснуться к твоему телу».

Спустя три дня он добавил новый пункт к своему набору фраз.

«Сделай мне минет».

Эммет был не уверен, стоит ли нам заниматься оральным сексом.

— Пенисы слишком потеют, — говорил он.

Я же не мог понять его возражений. Мне нравился запах его члена. Особенно в те моменты, когда он был возбужден. Я хотел узнать, каков он на вкус.

И в один прекрасный день я набрался достаточно храбрости, чтобы сказать ему, что хочу это попробовать. Эммет, раздвинув ноги, сидит на своей кровати, и, опустившись на колени, я беру в рот его член. Дернувшись, Эммет вскрикивает, но не отталкивает меня, а руками зарывается в мои волосы. Я сосу сильнее, и, когда его член выскальзывает из моего рта, по моей коже бегут мурашки, а когда он проталкивается обратно, я чувствую, будто внутри меня развязывается клубок. Я забываю, что стесняюсь и нервничаю, и сосредотачиваюсь на его члене, на ощущении того, как он скользит по моему языку. Когда Эммет дергается и кончает, я удивляюсь. Вкус его спермы немного забавный, но осознание того, что он только что кончил мне в рот, делает меня сумасшедшим, и, сглатывая, я издаю стон.

После этого я вновь застенялся. Моя голова лежала на его ноге, мой собственный член был безумно твердым, а из моего рта капала его сперма. Еще какое-то время пальцы Эммета покоились в моих волосах, а потом, раздвинув мои ноги, он опрокинул меня на спину и поцеловал мою грудь. Эммет знает, что, когда он играет с моими сосками, со мной творятся безумные вещи. Я хотел возразить и напомнить ему, что после секса ему нужно побыть одному, но смог лишь вскрикнуть, когда он втянул в рот мой правый сосок. Эммет говорит, что ему нравятся мои стоны и вскрикивания, а я просто не могу сдерживаться. Обычно, когда мы занимаемся сексом, он начинает играть с моими сосками, и это сводит меня с ума. По его словам, больше всего он любит, когда я отпускаю себя. Когда я позволю ему делать с моим телом все, что он хочет. И я это делаю. Мне нравится просто отдаваться ощущениям.

В этот день он делал то же, что и обычно, пока я не почувствовал, что могу лишь дышать и наслаждаться. Одной рукой Эммет дразнил мой член, а второй рукой играл с моим соском. Я схватился за кровать, стараясь лежать тихо, потому что знал, он собирается довести меня до еще большего безумия, чем обычно, и не мог ждать. У меня перехватило дыхание, и я почти сел, когда его губы сомкнулись на головке моего члена. Эммет толкнул меня обратно на кровать и проглотил мой член еще глубже.

Я не знаю, так ли невероятны были наши минеты по сравнению с минетами других представителей гей-сообщества, но не думаю, что хоть одному из нас это не нравилось. Это было так приятно, жарко и влажно. Мне все время хотелось протолкнуть член еще глубже в его рот, но Эммет держал меня за бедра, и я не мог этого сделать, но, честно говоря, мне и так было хорошо. Он не проглотил мою сперму, как я, но то, что он вообще это делал, было больше, чем я мог от него ожидать. Когда он почувствовал, что я близок к оргазму, то взял мой член рукой и дал мне кончить.

В итоге я задремал, но тем вечером после ужина, сидя на диване обнявшись, я набрался храбрости и спросил его о том, что между нами произошло.

— Я был удивлен тем, что ты сделал это. Я имею в виду минет.

Моя голова лежала на его плече, так что я не мог видеть его лица, но почувствовал, что он улыбнулся.

— Это было классно. Я хотел, чтобы ты почувствовал то же, что и я. И он не был таким потным, как я думал. Мне нравится вкус твоей кожи после душа, и мне понравилось ощущать твой член в моем рту.

Это правда было здорово, и я не мог перестать думать об этом. Я стал аккуратно поглаживать ногу Эммета — аккуратно, но с правильным давлением.

— Я готов делать это с тобой в любое время. Я имею в виду сосать. Или... еще что-нибудь.

Эммет повернул мое лицо к себе и поцеловал, положив мою руку себе на пах, и я снова взял в рот его член. Мы начали в гостиной, но Эммет стал капризничать по поводу секса вне спальни, и мы переместились в мою комнату. Я снова довел его до оргазма, а он снова стал дразнить мои соски и целовать меня, но мы лишь играли в секс. Ведь никто никуда не проникал, и иногда это разочаровывало меня. Одновременно с этим я чувствовал облегчение от того, что мы движемся потихоньку. Я хотел познать все с Эмметом, но хотел сделать это правильно.

Не думаю, что большинство людей считали, что мы занимаемся сексом, а если и считали, то представляли это милым, или чем-то близким к этому слову. Люди видели нас, идущих по улице к магазину или блуждающих по рядам супермаркета, и вели себя так, будто

мы сбежали с острова очарования или были милыми щенками в человеческой шкуре. Как будто на самом деле мы не были парой, а только притворялись.

Неудивительно, что я чувствую отчуждение. Они говорят мне, что я отличаюсь от других. Неважно, насколько я нормален, они всегда готовы сказать мне, что я другой.

Может, я и другой, но на моем зеркале в ванной висит листочек с приглашением на отличный утренний секс. Бьюсь об заклад, что у людей, считающих, что мы с Эмметом выдрессированные собачки, нет ничего подобного.

Глава 17

Эммет

Хорошо, что в «Рузвельт» мы с Джереми переехали одними из первых, и у нас с ним было время, чтобы освоиться. Мне нужно было привыкнуть к новому образу жизни, а как только мы развесили листы с правилами, у нас с Джереми все наладилось. Для меня все стало еще лучше, когда начался новый учебный год, потому что мне нравилось жить по расписанию. Теперь, когда я жил в «Рузвельте», я быстрее добирался до автобусной остановки, что, несомненно, являлось плюсом, да и в нашей с Джереми квартире царил полный порядок. Развешенные листы помогли нам с организацией этого порядка, а субботние встречи с Салли помогали нам узнать, нет ли у нас каких-то проблем, над которыми нам нужно поработать. Еще мы составили график, по каким дням будем ходить по магазинам или стирать. Джереми ходил со мной в «Уистфилд», но все еще не мог пройти этот путь до конца. Иногда он мог сходить в центральную аптеку, но, когда там говорили что-то по громкоговорителю, это его сокрушало.

Джереми говорил, что он счастлив, но ему, несомненно, было тяжелее, чем мне. Иногда он очень расстраивался и грустил, потому что не мог найти работу, которая бы ему подходила. Салли составила список всевозможных рабочих мест, но все три места, на которые он попробовал устроиться, не принесли ничего хорошего. Джереми работал в «Уистфилде», пока покупатель не стал на него давить, подойдя к Джереми с двумя зелеными перцами в руках и требуя рассказать о различиях между грибами. Менеджер по продажам быстро его спас, но у Джереми все равно начался приступ паники. Ему пришлось вернуться домой, и больше выходить на эту работу он не хотел. В библиотеке было чуть лучше, там за ним приглядывал Даррен, но у Джереми все равно оставалась проблема с читателями, задающими ему вопросы в грубой форме.

После того, как все жильцы переехали, доктор Норт предложил Джереми стать помощником в «Рузвельте». Помогать жителям первого этажа со стиркой, а Тэмми и Салли — с приготовлением еды. Я подумал, что это хорошая идея, но Джереми в этот вечер опять грустил. Вместо того, чтобы заниматься сексом, мы лежали, обнявшись на кровати. Он говорит мне, что я лучше любого лекарства от депрессии, которое он принимал. Мне не понравилось, что Джереми грустит, но я был горд, что могу так хорошо его утешить. На самом деле я действительно неплохо справлялся. Я довольно легко адаптировался к самостоятельной жизни, и теперь я жил со своим парнем. Все, что мне сейчас было нужно — это закончить университет, устроиться на работу, и тогда все будет совсем замечательно.

Первого сентября, когда в «Рузвельт» въехали другие жильцы, мне было не до веселья. Мама предупреждала меня, но только тогда я понял, что мне совершенно не нравится жить

одновременно с большим количеством народа. В нашей квартире было тихо, но иногда я мог слышать людей, разговаривающих в коридорах, людей, которых я не знаю, и это меня расстраивало. Боб приложил все усилия для того, чтобы жизнь в «Рузвельте» была легкой как для меня, так и для всех остальных. Все люди с аутизмом жили на верхних этажах, за исключением девушки, которая не хотела жить высоко, и ее поселили рядом с квартирой Салли и Тэмми. Первые этажи предназначались для людей, нуждающихся в особенном уходе, они жили в обстановке общежития и питались с «общей кухни». И хоть люди с первых этажей были шумными, придурками их назвать было нельзя. Один из парней по имени Стюарт много слушал музыку Фаррела Уильямса, но он был хорошим и, если его просили, надевал наушники. Люди с первых этажей кричали вместо того, чтобы говорить. Вопли говорили за них. Я знал, что по-другому они не могут, что это было частью их инвалидности, но это мешало моей инвалидности.

На самом деле шумные люди и незнакомцы не были главной моей проблемой. На первом этаже жил еще один парень. Дэвид Лорис. Сын Боба.

Я возненавидел Дэвида.

Дэвид вообще не был умственно отсталым, и большую часть своей жизни он был последним парнем, который стал бы жить в «Рузвельте», но после аварии он стал инвалидом и теперь живет здесь. Мне бы стоило любить его больше хотя бы за то, что он был причиной, по которой Боб купил «Рузвельт» и превратил его в учреждение, помогающее людям с особенностью развития. Но Дэвид не был похож на меня или хотя бы на Джереми. Карли Флайшман говорит о том, что она пленница собственного тела. Так вот Дэвид определенно был пленником своего тела даже больше, чем я, но я все равно считаю, что больше похож на Карли, нежели он, так как наши с ней мозги не дают нам общаться с другими людьми так, как мы того хотим. Это не про Дэвида. Возможно, его спинной мозг поврежден, но с его головным мозгом все в полном порядке. Его рот тоже отлично работает, и всякий раз, когда я видел его, он напоминал мне тех парней, которые дразнили меня на территории кампуса. Его тело больше не такое накаченное и громоздкое, так как с момента аварии прошло уже два года, но я с уверенностью могу сказать, что раньше он был хулиганом. Он выглядел так же, как и его отец — большим и сильным.

Дэвид рассказывал о том, как он играл в футбол, и что у него было много девушек. Сейчас он не может ходить, лишь двигает головой и немного левой рукой, но своей инвалидной коляской он управляет так же, как хулиганы водят свои машины. Я был единственным человеком, которому не нравился Дэвид. В день его приезда все вели себя так, будто к ним в гости приехала какая-то кинозвезда. Даже Стюарт, который никогда ни с кем не разговаривал, вышел из своей комнаты, чтобы увидеть приезд сына Боба.

В «Рузвельте» уже было одиннадцать жильцов, и Дэвид стал двенадцатым, последним переехавшим сюда человеком. Он ехал на своей коляске по пандусу в солнечных очках и черной футболке, на которой было написано «Типичный хулиган». С ним были Боб, жена Боба и высокий чернокожий мужчина. Боб приветственно помахал нам рукой. Чернокожий мужчина тоже стал махать и улыбаться, когда некоторые жители вышли их встретить. Стюарт сразу спросил у мужчины, кто он.

— Джимми. — Мужчина улыбнулся и протянул Стюарту руку, которую тот проигнорировал, потому что не терпел вообще каких-либо прикосновений, и Джимми убрал руку обратно. — Я один из помощников Дэвида. А как зовут тебя?

Стюарт стал напевать и отвернулся лицом к стене (в этом был весь Стюарт), а Дэвид

пробормотал то, что нам слышать не полагалось. Но я слышал.

Он сказал:

— Добро пожаловать в дом уродов.

Боб представил нам всех людей, приехавших с ним: Дэвида, Джимми, жену Боба Энди и двух его дочерей, с которыми я прежде не встречался, Кейтлин и Трину. Они не улыбались и стояли рядом со своей матерью. Я мог сказать, что Дэвид, как его мать и сестры, не были похожи на Боба. Они боялись аутистов и думали, что мы отсталые. Я старался вести себя как можно лучше, вспоминая все уроки по социальной адаптации. Я старался как мог, но они все равно относились ко мне иначе, чем, например, к Джереми. Ему потребовалось всего лишь улыбнуться, и они тут же расслабились.

Дэвиду никто не нравился. Он сказал отцу, что хочет пойти в свою камеру, чем очень рассердил Боба. Они зашли в комнату Дэвида и встали в коридоре, озираясь вокруг, будто колебались, не зная, что им делать дальше, пока Тэмми и Салли не подошли поговорить с ними.

Так как Дэвид и его семья оставались в его комнате довольно долго, некоторые жители стали расходиться по своим комнатам или общим залам, но мы с Джереми остались. Дэвид заставлял меня нервничать, и я хотел узнать о нем как можно больше.

Важно знать своих врагов.

Джереми наклонился, чтобы прошептать мне на ухо:

— Ты можешь слышать их через дверь?

Я кивнул и продолжил слушать.

Джереми достал свой телефон и написал в блокноте:

«Что-то хорошее?»

Я приложил руку к своему уху, и он не стал мешать мне слушать.

Джереми терпеливо ждал, пока я записывал разговор на свой мозговой жесткий диск, и они не перешли на обсуждение более скучных вещей. Я взял Джереми за руку, повел его обратно в нашу квартиру и сел вместе с ним на диван. Джереми молчал и тихо ждал, когда я расскажу о том, что слышал.

А я слышал многое.

— Дэвид не хочет жить в «Рузвельте». Он думает, что все мы кучка умственно отсталых уродов, и он злится, что отец запихнул его сюда. Боб рассказал ему о том, что «Рузвельт» нужен людям с особыми потребностями, рассказал, как плакали некоторые семьи, узнав об открытии такого учреждения, потому что были ему очень благодарны, ведь больше нигде их близкие не могли найти такую поддержку и независимость. Боб сказал, что это касается и Дэвида, а Дэвид рассердился. Он ответил, что отец просто должен был дать ему умереть, что теперь его жизнь ничего не стоит.

Джереми выпрямился, и я не мог прочесть такие сложные эмоции, появившиеся на его лице.

— Ой. Это плохо.

— Потом его мама начала плакать и говорить: «Дэвид, не смей сдаваться!» Она рассказала ему о том, какими большими возможностями обладает «Рузвельт» и о том, что Тэмми и Салли обеспечат его лучшим уходом, чем тот уход, который она могла бы дать ему дома. Она сказала, что надеется, он понимает: она не выставила его из дома, просто «Рузвельт» мог дать ему намного больше, чем она.

— И что он на это ответил?

— Что ей не надо ничего ему давать, кроме как сойти с этого автобуса. Я не понимаю, что это значит. Они не ехали сюда на автобусе, но здесь рядом есть остановка. Он думает, что из-за нее будет слишком шумно? Ну так здесь же курсируют гибридные автобусы, и они ездят очень тихо.

Выражение лица Джереми было слишком сложно для моего понимания. Его губы были сжаты, большие глаза были округлены, будто он грустил, но губы говорили, что он был сосредоточен.

— Это метафора. Ему хочется покончить с собой. Думаю, этого следовало ожидать, когда твоя жизнь так круто изменилась. Печально, что он до сих пор это чувствует, ведь прошло уже два года, и ему помогают такие замечательные родители. Я с трудом убеждаю своих родителей в том, чтобы они помогали мне платить за аренду, а Боб построил для него и для его независимости целый Центр.

— Дэвид хулиган и придурок. С ним определенно будут проблемы.

Джереми нахмурился и покачал головой.

— Спорим, с ним все сложнее. Но я согласен, он не собирается так просто сдаваться и оставаться здесь.

Весь вечер мы провели в своей квартире, так что о Дэвиде мы больше ничего не узнали. Рано утром, после секса с Джереми, я сел на автобус и отправился на учебу. Дэвида я увидел днем, когда приехал домой и пошел искать Джереми. Джереми сидел под своим любимым деревом, а недалеко от него был Дэвид со своим помощником. Выражение его лица было легко прочесть, потому что с каждым новым днем оно не менялось: он был зол и ненавидел «Рузвельт» так же сильно, как я его любил. Я старался избегать его и не создавать неприятностей, но Дэвид был злым, и ему все мешали. Если вокруг не было проблем, он создавал их сам.

Однажды, когда я вышел из автобуса, Джереми уже ждал меня на остановке, улыбающийся и взволнованный.

— Я так рад, что ты уже дома. — Он взял меня за руку и указал на железнодорожные пути. — Я боялся, что ты его пропустишь. Он приехал во время моей прогулки, и я пошел тебя встретить, чтобы ты поторопился его увидеть.

Он потянул меня сильнее, чем мне нравилось, но, когда мы повернули за угол, и я увидел, что подъезжает к платформе, я был рад, что он сильно меня тянул.

Это был поезд. Но этот поезд отличался от тех поездов, которые я видел на этих путях. Это был большой черный паровоз, и когда он вплотную подошел к платформе, его свисток загудел. От этого звука по моей коже побежали мурашки. Его двигатель, как и он сам, был таким странным и таким красивым. Все машины разговаривают со мной, но этот был особенно старым и удивительным. Я хотел, чтобы он остановился, и я мог бы к нему прикоснуться и узнать о нем все.

Позади пылящего головного вагона с паровым двигателем шли пассажирские вагоны, которые понравились мне даже больше главного. Старомодные пассажирские вагоны, из окон которых высовывались люди и приветственно махали нам руками.

Половина жителей «Рузвельта» стояли в конце улицы, смотрели на пути и тоже махали руками вслед проходящему поезду. Дэвид тоже там был, но я проигнорировал его и стоящих вокруг людей, ведь это был самый чудесный поезд, что я когда-либо видел на своих железнодорожных путях. Я не смог удержаться и стал напевать, покачиваться и хлопать от счастья в ладоши, пока считал и запоминал количество окон, колес и идентификационный

номер каждого вагона. Когда поезд пройдет, я найду его в интернете, чтобы узнать, что это и почему он проезжал здесь, но сейчас он был передо мной, и я был счастлив, словно наэлектризованный, так счастлив, что забыл о присутствии других людей.

Джереми тоже радовался. Когда поезд уехал и вагоны скрылись из вида, он улыбнулся мне широкой светлой улыбкой, как и Салли с Тэмми. Мальчик аутист Марк, живший по соседству с нами, не смотрел на меня, но по тому, как он смотрел на поезд, я понял, что он наслаждался им так же, как и я. На самом деле все жители наслаждались этим зрелищем. Кроме одного. Дэвид не смотрел на поезд. Он наблюдал за мной.

Он уставился на меня из своего инвалидного кресла, и мне было жаль, что выражение на его лице не было хоть чуть сложнее. Потому что я точно мог сказать, что он обо мне думает. Для него я был уродом. Наверное, он бы думал про меня еще хуже, если бы узнал, как часто я что-то считаю. Но он увидел то, как я качаюсь, издаю звуки и хлопаю в ладоши и посмотрел на меня так, как смотрели хулиганы на территории кампуса. Боб Лорис, в отличие от своего сына, был хорошим человеком. Салли и Тэмми называли Дэвида «бедным мальчиком», но он таким не был. Так же говорила и моя мама, да даже Джереми было его жалко. Но не мне. Он мог сидеть в коляске и у него мог быть поврежден позвоночник, но он мне вообще не нравился. Я не желал ему смерти, но, если бы он переехал жить куда-нибудь еще, мне было бы совсем хорошо.

Глава 18

Джереми

По идее, я должен был быть доволен своей жизнью. У меня был парень, в которого с каждым днем я влюблялся все сильнее. Хотя ему я об этом пока не сказал. Вернее, я сказал, что люблю его, когда пытался покончить с собой, но это было, скорее, прощание, чем признание в любви. Еще я говорил ему эти слова в первый день моего пребывания в больнице, но, возможно, это было сказано под воздействием лекарств. Если я и любил его тогда, то сейчас люблю его намного сильнее, но слишком боюсь сказать ему об этом. Конечно, я знал, что когда-нибудь ему в этом признаюсь. Теперь у меня были хорошие лекарства, которые держали меня в душевном равновесии, да и регулярные сеансы терапии у доктора Норты позволяли мне чувствовать себя лучше, чем когда бы то ни было. Иногда депрессия приковывала меня к постели, но это происходило редко, и я больше не чувствовал себя таким подавленным, как это было раньше. Мои родители все еще странно себя вели, но платили по моим счетам и не пытались лепить из меня человека, которым я быть не могу. Я жил в невероятном месте, и после моего пребывания в «Икарусе» я точно знал, как ценен для меня «Рузвельт», и мне повезло, что я живу здесь.

У меня было так много вещей, которые делали меня счастливым, и я был счастлив, но не полностью. Я никогда не чувствовал ту легкость, которую чувствуют другие люди. Счастье и покой — это то, ради чего я упорно трудился, даже если со стороны моя жизнь была похожа на ситком²⁷ пятидесятых. Это осознание все еще заставляло меня грустить. Я был уверен, что моя жизнь могла стать лучше. Я хотел сделать ее лучше.

Одной из вещей, которую я действительно хотел — была работа. Поначалу я хотел тупо продолжать сидеть в нашей квартире и смотреть телевизор, но доктор Норт сказал, что чувство беспокойства не пропадет с новым сезоном «Короля кондитеров»²⁸.

И я начал подыскивать варианты трудоустройства, заиклившись на идее, что, если найду работу, мое беспокойство уйдет. Беда была в том, что я не мог найти хорошую работу. Вернее, я не мог найти хоть какую-то работу, на которой продержусь больше нескольких дней.

Что-то со мной было не так. Клянусь, когда начинался последний учебный год, я таким не был, но теперь я совсем потерялся. А потом доктор Норт сказал нечто, из-за чего все стало еще хуже.

— Раньше ярко выражена была твоя депрессия, но теперь, пусть даже и временно, вернулась тревожность.

Я выпрямился.

— А что, они могут меняться местами, как им угодно?

— У тебя всегда будет и то, и другое, но иногда что-то будет доминировать, и это совершенно естественно.

Ему легко говорить. Я чувствовал себя так, как если бы он положил на стол салфетку и разорвал ее на тысячу частей, чтобы я собрал эту мозаику, но вдруг все детали оказались серыми.

— То есть вы хотите сказать, что, когда я успокаиваю одну часть меня, тогда другая выходит из-под контроля.

— Нет. Не совсем. Думай об этом, как об управлении двойным потоком. Иногда один сильнее другого. Иногда они равны. Ты не можешь поддерживать идеальное спокойствие, но ты принять и контролировать два этих потока.

Я откинулся на кресле.

— Это уму непостижимо. Я хочу быть лучше. Хочу быть нормальным.

— Нормальный — опасный термин. Я не могу достать маленькую коробочку с цветными пилюлями, потрясти ее и вытащить ту, съев которую, ты сразу успокоишься. Это не инфекция, которую мы искореняем. Мы лечим тебя и пытаемся найти выход из сложившихся ситуаций с нашего первого сеанса. Это длительный процесс. Сейчас твоя проблема состоит в управлении своей тревожностью. Итак, давай поговорим о том, что именно тебя беспокоит.

Теперь при каждой нашей встрече мы говорили о том, что меня беспокоит. А беспокоило меня многое, но, когда я работал, меня сокрушало все. Это была реакция на поведение моего работодателя. И мне было неважно, насколько хорошими и понимающими они были. Хотя, безусловно, библиотека повидала внутри своих стен многое: и неадекватных клиентов, и даже таких сотрудников, как Даррен.

Похоже, что, работая, я каждый день преодолевал себя, и все, чего мне хотелось, это заплакать или свернуться в клубок, и обычно к концу дня я так и поступал. Мне было стыдно, очень стыдно... Салли и Тэмми говорили мне не стыдиться этого, как и доктор Норт с Мариэттой, и даже Алтея. А Эммет сказал не волноваться и предложил работать помощником в «Рузвельте». Я и правда мог работать здесь. Салли и Тэмми всегда была нужна лишняя пара рук. Но я беспокоился о том, что случится, если я облажаюсь. Я беспокоился о том, что происходит с людьми, которые не могут удержаться ни на одной работе.

Салли и Тэмми дали мне не много поручений, и могу сказать, что, если бы я вдруг с ними не справился, ничего страшного не произошло бы. Это была разная работа: глажка белья, мытье посуды, уборка ванных комнат. Мне было стыдно за то, что это все, что я мог

сделать, но, выполняя эту работу, я чувствовал себя лучше. На самом деле, когда я не работал, то испытывал беспокойство и тревогу, и я стал искать сотрудников, чтобы просить дополнительные задания. Так я перестал сидеть на диване и сходить с ума, ожидая, когда Эммет вернется из университета.

Однажды днем, когда пошел искать Салли, я обнаружил ее сидящей в зале и спорящей о чем-то с Дэвидом, а в это время Стюарт носился по коридору и вопил, как резанный, о каком-то, бог знает каком, кровавом убийстве. Я, стараясь быть вежливым, остался стоять в сторонке и ждал, пока она обратит на меня внимание, но Дэвид в ближайшее время, видимо, не собирался ее отпускать. В приступе ярости его левая рука дернулась, когда он повернул голову в сторону Салли и закричал на нее:

— Я уйду! Не хрен за мной никому не ходить! Я собираюсь сесть под это чертово дерево и пялиться на это чертово облако, ясно? Нянька мне для этого не нужна!

— Я понимаю твое разочарование, но ты не пробыл здесь достаточно долго, чтобы понять, насколько независимым ты можешь быть. И у меня нет кнопки для вызова твоей инвалидной коляски. Мисси вернется минут через пятнадцать. Ты можешь немного подождать?

Мисси была одной из многих помощников Дэвида, но я думал, что она нравится ему меньше Джимми.

— Она написала мне, что будет поздно, потому что один из ее чеков вернули обратно. Если я и дальше буду ее ждать, то настанет час моего вечернего дерьмового шоу, — он слегка взмахнул на нее правой рукой. Было так странно наблюдать за тем, как лицо на неповоротливой голове морщится от злости. — Я хочу найти немного времени для себя. Я не собираюсь помирать, сидя под этим деревом.

Салли тоже была зла, но, в отличие от Дэвида, когда она взмахивала руками — они действовали.

— У меня есть еще двенадцать жителей, с которыми нужно работать, и один из них ждет меня прямо сейчас, пока я тут спорю с тобой.

— Господи, так вали уже к нему!

— Дэвид. Я пока не могу оставлять тебя одного, тем более без кнопки вызова. А что, если твоя коляска перевернется? А что, если...

— Мне по хрену. Если я умру, значит, я, блядь, умру.

— Ты никуда не пойдешь без сопровождения, это мой окончательный ответ.

Лицо Дэвида покраснело, и он начал бормотать что-то себе под нос от злости, не в силах больше ругаться. Только это было не так просто. Он был очень расстроен. Беспомощный, снедаемый яростью оттого, что он совершенно не в состоянии контролировать свою жизнь хотя бы настолько, чтобы просто посидеть в одиночестве. Я понял, почему Салли не может его сопровождать, должно быть, вопли Стюарта уже слышат жители соседнего дома, но чувствовал себя ужасно из-за того, что Дэвиду приходится просить разрешения или просить проводить его, потому что он просто хочет выйти на улицу и посидеть в теньке.

Как только эта мысль возникла в моей голове, она тут же вышла из моего рта.

— Я могу пойти с ним.

Я произнес это негромко, но Дэвид сразу повернул ко мне голову таким же дерганым движением, которыми он поворачивал ее к Салли, и пока он осматривал меня сверху вниз, я держался нервно и неуверенно.

— Ты Джереми? Ты живешь с тем парнем, кайфующим от поездов?

Я поморщился, вспомнив, как Эммет ненавидит Дэвида, и подумал, а вдруг из-за этой ненависти я не должен этого делать? Но что может быть плохого в том, чтобы посидеть с Дэвидом на улице несколько минут?

Я застенчиво отвернулся.

— Я не против выйти с тобой на улицу. Не знаю, достаточно ли я силен, чтобы помочь тебе, если твоя коляска перевернется, но смогу позвать на помощь. Плюс, у меня есть телефон. В случае чего, я мог бы позвонить Салли или вызвать скорую. То есть это, конечно, чересчур, но я могу помочь тебе, если это доставит тебе радость.

Дэвид ухмыльнулся, а я покраснел. Когда он не злится, а улыбается, он довольно симпатичный и выглядит, как молодой Хью Джекман.

Улыбка исчезла, когда он посмотрел на Салли.

— Помоги Стюарту. Мой новый лучший друг Джереми вытащит меня на улицу.

Салли перевела взгляд с него на меня и обратно.

— Джереми, ты уверен? — Я кивнул. Хотя я и не был уверен, я хотел помочь.

— Все хорошо.

Мне казалось, что я могу посидеть с парализованным, обойдясь без приступов паники, но, если бы рядом был доктор Норт, я непременно спросил бы его, как мне поступить в этой ситуации.

— Окей, — сказала Салли и ткнула пальцем в Дэвида. — Будь паинькой. — Она опустила палец и повернулась ко мне. — Если понадобится, я в комнате Стюарта. Если он поранится, не ищи меня, а звони 911.

— Ну пиздец! — закатил глаза Дэвид, когда она пошла к лестнице.

Я не знал, что ему сказать, поэтому промолчал. Теперь, наедине с Дэвидом, я уже не был в себе уверен. Мне хотелось, чтобы Эммет вернулся и присоединился к нам, но зная, как он ненавидит Дэвида, он вряд ли пришел бы.

— Че-чем ты хочешь заняться?

Меня бы не удивило, если бы он *ничего* не ответил или заявил с сарказмом о том, что ему не нужна помощь, но вместо этого он вежливо ответил:

— Было бы здорово, если бы ты придержал для меня дверь. Я знаю, что на ней есть автоматический доводчик, но для меня дверь остается открытой недостаточно долго. Папа говорит, что все исправит, но ремонтник не может прийти раньше следующей недели.

— Конечно. Без проблем. — Я поспешил к двери, настезь ее открыл и терпеливо ждал, пока он проедет через порог на своем инвалидном кресле.

На это ему потребовалось много времени, в основном потому, что он все время попадал колесом в угол, а не в проем.

— Прости. — Его щеки покраснели, и он с ненавистью посмотрел на дверь, снова пытаясь преодолеть порог. — Я плохо управляю коляской, когда злюсь.

— Все в порядке. Я никуда не тороплюсь. — Я вспомнил, как он сказал о том, что мало времени проводит на улице. — Дай знать, если я могу чем-то помочь, но не торопись.

Возможно, это всего лишь мое воображение, но мне показалось, что после моих слов он немного расслабился и довольно быстро нашел правильный угол, чтобы отправиться дальше по коридору... к следующим дверям. Я поспешил обойти его, чтобы их открыть. Они открылись обе, но Дэвид должен был повернуть кресло задом наперед, чтобы въехать в них, пока я открывал еще и внутреннюю дверь. Я нахмурился. Эти двери для колясочника

оказались непростым делом.

— Не бойсь. — Дэвид преодолел последний барьер между внутренними и внешними дверями, ускорился, спускаясь вниз по пандусу, и громко вздохнул, оказавшись на улице. — Черт! Чувствую, будто освобожден из тюрьмы. Спасибо, бро. Я у тебя в долгу.

Я никогда не был раньше ничьим братом. Сложив руки на животе, я нерешительно подошел к его креслу. *Что я должен сказать?* Я чувствовал, как во мне начинает подниматься паника, но я стиснул зубы и не позволил ей овладеть мной.

Нет! Все, что мне нужно делать, это быть его живой кнопкой вызова.

Если он захочет поговорить со мной — он заговорит, а если нет — я не против насладиться тишиной. Он тоже наслаждался ею, наклонив голову к подлокотнику кресла так, что его подбородок был поднят к небу.

— Идеальный осенний день!

Но он был не таким уж идеальным, чтобы это озвучивать, поэтому я молча продолжал наблюдать за Дэвидом. Он был красив. Темно-каштановые волосы были коротко подстрижены, у него была небольшая борода, но я мог разглядеть щетину в тех местах, где он побрился не так хорошо. Хотя было ясно, что брился он не сам, ведь для этого его руки должны были бы хорошо функционировать. Дэвид был одет в ярко-зеленую футболку с желтыми и белыми геометрическими фигурами спереди и в джинсы. Я уставился на его неподвижное тело и ноги, задумавшись о том, как мало он двигался. Его ноги казались тоньше, чем необходимо, из-за того, что они начали атрофироваться. Я двигался немного, но достаточно, чтобы нарастить основные мышцы, а единственным способом заставить работать его мышцы было переносить его.

Когда я перевел взгляд на его лицо, то обнаружил, что он смотрит на меня. Я уже собрался извиняться за то, что пялился на него, но он заговорил прежде, чем я успел что-то сказать.

— Ты и правда встречаешься с парнем, кайфующим от поездов?

Я не ожидал такого вопроса и неловко огляделся.

— Да, я встречаюсь с Эмметом.

Мое лицо покраснело, я стал готовиться к тому, что он начнет меня высмеивать, и на меня накатила паника, когда я понял, что не смогу уйти, даже если он будет меня оскорблять.

— Тебе он нравится? Вы просто живете вместе? Или вы пара?

Его вопрос звучал серьезно, а не так, будто он издевается надо мной, но я все еще чувствовал себя неловко.

— Пара.

— Как это произошло? — Он повернул свое кресло, чтобы быть ко мне лицом. — Я имею в виду, они же все обидчивы и нелюдимы.

Они же аутисты.

Я начал понимать, почему Эммет так ненавидит Дэвида. Не зная, что ему ответить, я отвернулся, надеясь, что он отстанет, но не тут-то было, хотя он немного успокоился.

— Прости. Это было грубо. — Он уставился на детскую площадку. — Я спрашиваю тебя, потому что это то, чего я хочу больше всего. Возможности встречаться с кем-то. Я думаю, что ушел со сцены, потому что теперь прикован к этому стулу, да и живу в этом Особом доме для не таких как все. Но ты встречаешься с кем-то. Не притворяешься. Это то, с чем я спрашиваю. Как это произошло? На что это похоже? Если ты, конечно, не против

поговорить об этом.

Я прислонился к дереву, сгорбившись и засунув руки в карманы шорт.

— Мы встретились на пикнике в этом году. Он представился мне. Потом мы стали тусоваться вместе, и... — Я замолчал, вспомнив, какой поворот приняло для меня это лето.

— За что тебя упекли сюда? — В голосе Дэвида не было сарказма. — Ты кажешься нормальным.

— Я далек от нормального настолько, насколько это возможно. — Я не мог заставить себя посмотреть ему в глаза, поэтому перевел взгляд на подлокотник его кресла. — У меня серьезное депрессивное расстройство. — Я вспомнил то, что сказал мне доктор Норт, и добавил сквозь сжатые губы. — И хроническая тревожность.

— Это так плохо?

Я поморщился.

— Еще пару недель назад я валялся в больнице, потому что пытался покончить с собой.

— Ой. Что ж. Да, это плохо. — Он непривычно замолчал, и когда я осмелился взглянуть ему в лицо, то увидел, что вся его бравада пала. Он не мог встретиться со мной глазами. — Вот что значит делать это в одиночку. Тебе не нужно было делать это одному.

Его признание на несколько мгновений повисло в воздухе, а потом я вспомнил, что слышал Эммет в день переезда Дэвида.

— Так ты все еще хочешь убить себя? — Потом до меня дошло, как это прозвучало, и я добавил: — Я ничего не предлагаю. Мне просто интересно.

Его плечи неуклюже дернулись, наверное, так он пожимал ими.

— Иногда. Но не задумываюсь об этом так серьезно, как раньше. Я был прикован к постели, когда пытался придумать способ это сделать, а из-за того, что не смог, я стал еще больше хотеть себя убить. — Он мотнул головой в сторону дома. — Вот когда папа начал создавать «Рузвельт». Я сказал, что не хочу, чтобы он это делал, но мой врач заметил, что я так злился на отца, на то, что он вкладывает в эту затею все наши деньги, что перестал думать о самоубийстве. Так что, думаю, по какой-то причине это хорошо.

— Я рад, что твой папа построил «Рузвельт». Иначе мне пришлось бы жить в приюте.

— Но почему? Люди, страдающие депрессией, не должны жить в медицинских условиях, разве нет? — Он дождался, когда я, вновь смутившись, посмотрел на него, и продолжил. — Прости. Я не пытаюсь быть придурком.

— Мне стыдно, что я такой двинутый.

Дэвид фыркнул.

— Каждый день после обеда кто-то должен залезть пальцем в мою жопу, чтобы вытащить оттуда мое дерьмо. Я уверен, что любое твое признание не будет хуже этого.

К своему стыду, я уставился на него, открыв рот. Я думал, что он шутит, но он был серьезен. *Святое дерьмо!*

Простите за каламбур.

Он поднял бровь.

— Ну так? Ты рассказывал мне, почему вынужден жить здесь или в приюте, но не дома.

— Я часто нервничаю и паникую, и меня легко выбить из равновесия. Мне сложно поддерживать порядок в доме, а иногда даже мысль о том, чтобы приготовить ужин, утомляет меня. Эммет делает это сам. То есть я готовлю вместе с ним, но он решает, что мы будем есть. Он спрашивает меня, чего бы мне хотелось съесть, но в основном я согласен с его выбором. — Я стал топтаться на месте. — Я не могу жить дома. Мои родители думают,

что я должен это преодолеть, но я не могу. Из-за них я чувствую себя еще хуже. Мне нравится здесь жить, но я не могу найти работу. Я подготовил все документы для соцзащиты, но все равно должен работать. Не только из-за денег, но еще и потому, что нехорошо просиживать целыми днями перед телевизором, ожидая, пока Эммет вернется домой с учебы. Я даже не могу взять книгу в библиотеке.

— Почему? Что происходит?

Я пожал плечами. Шок от слов про его какашки прошел, и я снова стал смущаться.

— Общественные места наводят на меня панику. Не все, конечно, и не все время, но такая опасность присутствует всегда. Это получается не специально, но с каждым разом все хуже. Доктор Норт говорит, что это нормально, так я ищу безопасность, но я чувствую себя таким неудачником. Все вокруг где-то работают.

— Ну привет. Чтобы сидеть под гребаным деревом, мне нужна нянька. Ты думаешь, я работаю?

— Нет. Но люди от тебя этого не ждут. Они думают, что я нормальный, и не видят, какая в моей голове каша, поэтому раздражаются, когда я веду себя не так, как все. Ты хотя бы сидишь в инвалидном кресле, чтобы заставить их оставить тебя в покое.

— Да уж. — Он задумчиво наклонил голову на бок. — Будь я проклят. Я чувствую себя нормально, но ужасно выгляжу, ты же выглядишь нормальным, но чувствуешь себя ужасно. Чувак, нам надо чаще тусоваться вместе. — Он выпрямил шею, и его глаза расширились. — Подожди! Подожди! Вот оно! Точняк! — Он подкатил каталку ближе ко мне, и его лицо стало взволнованным. — Ты должен работать на меня!

В моей голове сразу всплыли слова про какашки, и я занервничал.

— Что мне делать?

— Всякую фигню. Открывать для меня двери. Укладывать мои волосы так, чтобы я не выглядел идиотом. Кормить меня, но не обращаться со мной, как с ребенком. Тусоваться со мной в тени. И все в таком духе.

Это звучало просто, даже замечательно, но я был уверен, что где-то скрыт подвох.

— Я не медсестра и не сиделка. Я едва закончил школу.

— А я не хочу медсестру, сиделку или кого-то в этом духе. Мне нужен тот, кто мог бы помогать мне добираться до аудитории, если я когда-нибудь решусь вернуться в колледж.

Как же то, что я согласился посидеть с ним несколько минут, превратилось в это?

— Ты хочешь платить мне за то, чтобы я тусовался с тобой?

Дэвид снова неуклюже пожал плечами.

— Не совсем так. Нет. Но проводить время со мной — это работа. — Он ухмыльнулся. — Давай. Скажи, что ты согласен. Мне даже необязательно спрашивать моего отца. Я и так знаю, что он согласится.

Я хотел этого. Удивительно, но это была правда.

— Я все испортичу. Всегда порчу.

— Не испортишь.

— Ты слишком плохо меня знаешь, чтобы так говорить.

— Ты прав. Но, чувак. Я хочу попробовать. Ты не представляешь, как я схожу с ума, сидя в этом кресле. Для большинства людей я лишь слезливая история. Но не для тебя. Меня не волнует то, что ты раскисаешь на каждом шагу, или что ты не знаешь, чего тебе хочется на ужин. Ты относился ко мне как к человеку дольше, чем многие. Я заплатил бы тебе за то, чтобы ты сел и поговорил со мной.

Я почувствовал тепло, надежду и нервозность.

— Я не знаю...

— Я поговорю со своим отцом. Он убедит тебя.

Задние двери «Рузвельта» открылись, и низенькая, полная, улыбающаяся женщина стала спускаться к нам.

— Вот вы где. Дэвид, готов идти обедать?

Мисси разговаривала с ним так, будто он был ребенком. Я думаю, вероятно, так она разговаривала со всеми своими подопечными, не именно с Дэвидом, но понял, как было бы неприятно, если бы все разговаривали с тобой так целыми днями. Я все еще не был уверен, что подхожу для той работы, о которой он говорил, но хотел попробовать.

Дэвид проигнорировал его сиделку и все еще смотрел на меня с ожиданием.

— Я подумаю об этом, — сказал я и он ухмыльнулся.

Дэвид, в конце концов, позвонил своему отцу, и Боб, услышав об этой идее, сразу приехал.

— Мы найдем тебя в качестве неофициального помощника. — Глаза Боба горели таким же воодушевлением, как и у Дэвида. — В качестве хорошего современного спутника. Конечно, ему требуются сиделки для повседневного ухода, но ты мог бы помогать ему с заказом обеда, поездками на автобусе и так далее.

Я проигнорировал его слова.

— Мне тревожно в общественных местах. Я не уверен, как это сработает. Я не буду хорошим помощником, если случится что-то плохое.

Боб махнул рукой на мое возражение.

— О, я уверен, мы разберемся со всем, что работает и не работает. Но уверен, что если бы ты ездил с ним в автобусе, то смог бы позвонить его маме, мне или в скорую, если что-то пойдет не так. Насколько я понимаю, Дэвид хочет, чтобы ты был его руками и ногами. Конечно, мы бы не хотели, чтобы у тебя возникли твои собственные проблемы, но, по моему, чего хочет Дэвид и чего боишься ты — абсолютно разные вещи. — Глаза Боба сияли. — Это прекрасная идея, Джереми. Я целиком за, если ты на это согласишься.

Дэвид тяжело задышал.

— Я уговорю его.

Я едва дошел до своей квартиры, голова кружилась. Я сказал, что подумаю и вернусь к ним с решением, но хотел согласиться. Хотел получить эту работу. По крайней мере, попробовать.

Я был взбудоражен и взволнован. Идея о том, что, вставая, я буду ходить тусоваться с Дэвидом, как на свою работу, вместо того, чтобы чувствовать себя никчемным и бесполезным — поднимала мое настроение. Когда Эммет вернулся домой, у меня все еще было отличное настроение, и, когда я посмотрел на него — такого красивого, знакомого и улыбающегося мне, все хорошие чувства закружились во мне подобно торнадо, и я безумно его захотел.

Это было то, что я всегда упускал. Целеустремленность, мысль о том, что я не пустое место. Раньше я бы как всегда разрушил свои возможности, но каждый раз, когда я пытался это сделать, видел, что Дэвид смотрит на меня с такой тоской и надеждой, нуждаясь в моей помощи. И если я помогу ему, то перестану чувствовать себя пустым местом.

Я подумал, что смогу сделать это. Смогу ему помочь. Эта мысль заставляла меня думать, что я могу летать.

Взгляд Эммета не встретился с моим, но он улыбнулся.

— Ты счастлив. Это хорошо. Обычно ты грустишь.

— Да, счастлив. — Я был не просто счастлив, я стал оживленно кружиться по комнате. И возбужденно...

Чувствуя себя храбрым, я подал Эммету знак, означающий «секс».

Он промолчал, все еще держась за лямку рюкзака, а его взгляд переместился почти на меня.

— Прямо сейчас? Я даже не успел перекусить.

Давным-давно мне стало бы неловко от такого комментария, но это было не отказом Эммета, а всего лишь изменением планов в его расписании. Улыбаясь, я снова подал ему этот знак.

И улыбнулся шире, когда он положил рюкзак, взял меня за руку, повел в сторону своей спальни и сказал:

— Мы перекусим позже.

Этот секс был лучше любого секса до этого. Внутри меня били электрические разряды еще до того, как Эммет приказал мне раздеться, но, когда он поцеловал меня, и наши тела соприкоснулись, я почувствовал, что полон пузырящейся газировки. Я достиг оргазма быстрее обычного, а затем дрожа лежал и ждал, пока Эммет придет к финалу. Он протер меня влажной теплой салфеткой, а я сонно ему улыбнулся.

— У меня есть что тебе рассказать. — Мне нужно было прикоснуться к нему, и аккуратно притянув его руку к своим губам, я поцеловал кончики его пальцев. — Думаю, я могу получить работу.

— Это хорошо. Позволь мне вытереться, надеть чистое белье, и ты расскажешь мне об этом.

Я наблюдал за тем, как он вытирается и надевает чистые боксеры. Закончив, Эммет лег в постель и взял меня за руки. Теперь, когда мы знали, как прикасаться друг к другу, мы были менее неуклюжими.

— Расскажи мне о своей работе, — попросил он.

Я знал, что ему не нравится Дэвид, но сказал себе, что он все поймет. Я подготавливал его к этому медленно, рассказывая обо всем, ничего не конкретизируя.

— Это произошло случайно. Но, наверное, я буду помогать одному человеку, который живет здесь. С вещами, которые для меня пустяк, а для него это все. Салли тяжело найти что-то, что может меня занять. А это реальная работа. Мне просто нужно составлять ему компанию и все. Думаю, сегодня вечером нужно все обдумать, и завтра я дам им ответ.

Эммет сжал мою руку.

— Это хорошая новость. Кому ты будешь помогать?

Мой живот нервно скрутило, но я сказал себе, что нужно верить в то, что все будет хорошо.

— На самом деле, это самое невероятное. Это Дэвид.

Кто знает, как сложится наше будущее. Когда я начинаю паниковать, то думаю, что все вокруг меня разрушится прежде, чем я попробую что-то сказать или сделать, и в такие моменты у меня все просто валится из рук.

Эммет

Я сидел на кровати, сжимая рукой свою грудь. Мое дыхание стало быстрым, и так же быстро меня накрыл гнев. Внутри стали кружиться темные пятна. Джереми спросил у меня, что случилось, но я не мог ему ответить. Не мог даже написать.

Я поднялся с постели и встал в центре комнаты. Мне хотелось кричать, хлопать и махать руками, плакать, но сделать ничего из этого я не мог.

Джереми работал на Дэвида. Дэвида, моего врага.

Это было так больно, что я едва мог дышать.

Джереми вылез из кровати и встал рядом со мной. На нем тоже не было одежды.

— Не сердись, — твердил он и заламывал руки так, как делал всегда, когда нервничал, и я думал, что он вот-вот начнет ими хлопать. — Прости меня. Пожалуйста, не сердись из-за того, что я работаю на Дэвида.

Я был зол. Вернее, я был в ярости. Мне так хотелось кричать, что мои уши заложило, и они стали болеть.

— Ты не можешь работать на Дэвида, он придурок!

— Неправда, Дэвид не придурок. Он одинок, ему страшно и нужны друзья.

Джереми встал передо мной, и, казалось, собирался заплакать. Мне не хотелось видеть его слезы, но он не может работать на Дэвида.

— Я не хочу быть его другом.

Джереми перестал дергать руками и сложил их у своего живота.

— Но это идеальная для меня работа. Я буду помогать ему подниматься в автобус, чистить зубы, кушать, одеваться...

— Ты не можешь видеть Дэвида голым!

Мой крик напугал Джереми, и он сгорбился. Я думал, что он согласится со мной и откажется работать на Дэвида, чего я собственно и хотел, но Джереми не сдался.

— Дэвид не гей. И, кроме того, он не может двигать большей частью своего тела. А я твой парень. Смысл не в том, чтобы увидеть его голым, а в том, чтобы ему помогать. Мне это нравится.

У меня заболела голова. Заболело сердце. Хотелось кричать, драться, но я не мог. Я чувствовал себя смущенным и расстроенным. Я не хотел обидеть или расстроить Джереми, но был слишком зол и боялся причинить ему боль. Мне нужно было уйти. Это тоже расстроило бы Джереми, но меньше, чем если бы я кричал и крушил все вокруг.

Кроме того, сейчас я не мог находиться в квартире. Да и вообще рядом с Джереми, поэтому я ушел в свою комнату и надел черные штаны, ботинки и футболку с нарисованным на ней роботом. Джереми в мою комнату не зашел, но умолял меня выслушать его через дверь.

Я не мог его слушать, не мог оставаться в квартире, когда я так расстроен.

Я взял свои ключи, рюкзак и вышел за дверь. Джереми окликнул меня, но я не ответил, а он не мог последовать за мной, потому что все еще был не одет. Мое сердце так заколотилось, что я подумал, меня вот-вот накроет приступ паники.

Я не знал, что мне делать, куда идти. Когда меня нашла Салли, я стоял на крыльце и пытался решить, куда направиться: на детскую площадку или в дом к моим родителям.

— Привет. — Она встала передо мной, но чуть в стороне, чтобы не загораживать обзор. — Что случилось, Эммет? Куда собрался?

Я закрыл рукой свое левое ухо. Салли продолжала улыбаться и никуда не уходила, а когда она снова заговорила, тон ее голоса был менторским.

— Прекрасно. Разговаривать не будем. Но я и без твоей футболки могу сказать, что ты расстроен. И моя работа состоит в том, чтобы следить за тем, чтобы с тобой все было в порядке. У тебя есть выбор: я могу отвести тебя в безопасное место, пока ты не успокоишься, могу позвонить твоим маме или папе, или просто посидеть с тобой, если ты скажешь, где хочешь посидеть. Но если ты выберешь последнее, то должен позволить мне поговорить с Тэмми, потому что она знает, что делать в таких случаях.

Меня не устраивал ни один из предложенных ею вариантов. Мне хотелось крушить вещи. Хотелось кричать.

Дверь позади меня открылась.

— Эммет... Эммет... пожалуйста! — Передо мной появился Джереми. Его лицо выражало смесь боли и отчаяния. — Для меня это хорошая возможность. Ты же видел, как тяжело мне задержаться на новом месте. Пожалуйста, мне нужна эта работа.

Салли положила руку на плечо Джереми и тихо что-то ему зашептала. Я не слышал, что она говорит, акцентируя внимание на том, что она знает, как следует к нему прикасаться, чтобы успокоить его, в отличие от меня, который минут пять размышляет, как это сделать, а потом уговаривает себя решиться на это прикосновение.

По крайней мере, Дэвид не сможет прикасаться к Джереми.

Я старался успокоиться. Гудок сказал мне о приближении поезда, и я подошел к краю крыльца, чтобы посмотреть на проезжающие мимо вагоны. Три двигателя, тридцать пассажирских вагонов цвета карамельного сиропа и двадцать товарных вагонов. Никто не прерывал меня, пока я считал вагоны, и, когда поезд прошел, мне стало лучше.

Но лишь слегка.

Я повернулся к Салли и посмотрел на стоящего рядом с ней Джереми, заметив его красные глаза и учащенное дыхание. Я провоцировал начинающийся у него приступ паники, и, несмотря на то, что я жалел об этом, злиться перестать я не мог.

Я должен уйти. Уйти прямо сейчас.

— Чего ты хочешь, Эммет? — спросила Салли.

Мне хотелось, чтобы Дэвид исчез, но этого не произойдет, поэтому уйти придется мне. Я хотел пойти в дом к своим родителям. Он находился всего в полутора кварталах отсюда, и из окна гостиной в «Рузвельте» я мог видеть окна своей старой спальни. Сначала Салли хотела проводить меня, потом позвонить моей маме, но я разозлился.

— Я уже взрослый! Я могу навестить свою мать самостоятельно!

Салли заставила меня позвонить ей, когда я приду к маме, и попросила позвать маму к телефону, чтобы та могла поговорить с ней. Это разозлило меня еще сильнее. Я передал маме мой телефон и поднялся в свою комнату. Пространство не было пустым, но я чувствовал, что моя комната больше мне не нравится. У меня не осталось надувного молотка, которым я бил по кровати.

Все вокруг казалось неправильным. Я чувствовал себя неправильно.

Я не мог перестать думать о том, что Джереми будет работать на Дэвида. Боль крутила все мои внутренности, когда я представлял, как Дэвид будет улыбаться и смеяться вместе с Джереми, как он сможет правильно шутить и флиртовать без подсказок и специальных записок. Чем больше я думал об этом, тем больше мне было, и тем большую панику я чувствовал. Мои чувства становились сильнее и громче; злые, резкие цвета звенели в моей

голове. Мой мозг стал подсовывать мне различные плохие картинки: Дэвид, гуляющий по кампусу с Джереми, они смеются и подначивают друг друга, Дэвид обнимает Джереми и прикасается к нему так, как ему нравится. Дэвид встает со своего кресла и дразнит Джереми своим телом.

Забирает его у меня.

Мир вокруг темный и страшный, и даже в моей старой комнате я не чувствую себя в безопасности. Я забрался в шкаф, мой почти пустой шкаф (ведь часть вещей уже была перевезена в «Рузвельт»), и, закрыв за собой дверь, я сел в углу и заплакал. Я чувствовал себя ужасно напуганным и растерянным, как лет в десять, когда в школе все смеялись надо мной. Я был абсолютно уверен в том, что, когда я вернусь в «Рузвельт», Дэвид уже отберет у меня Джереми, и они станут парой.

Мне не хотелось убивать себя, но темное пространство вокруг меня смыкалось, и, если бы я остался там, я бы умер. Но этого не случилось. Я действительно Супер-Эммет, как Супермен из комиксов, и у меня тоже было свое мощное секретное оружие.

Моя мама.

Я слышал, как она стучит в дверь моей комнаты, и этот стук означал, что она уважает мое личное пространство, но зайдет без разрешения, если я не отвечу ей в ближайшее время. Я ничего не ответил. Просто не мог. Войдя в комнату, она позвала меня по имени, а затем замолчала и подошла к двери шкафа. Сквозь щель в двери я видел ее тень. Несколько минут мы сидели молча, а потом она тихо запела.

— Спи, дитя мое, спи в спокойствии, Всю ночь;

Ангелов-хранителей Бог пошлет тебе, на Всю ночь²⁹.

Я закрыл глаза и прислонил голову к стене. Несколько слезинок все-таки упало, но это была та самая песня, которую мама пела мне в детстве. Она рассказывала, что иногда, когда я был еще ребенком, то не мог успокоиться, пока она не начинала петь. Меня успокаивала и запись этой песни, но голос мамы воздействовал на меня определенно лучше. Сейчас это успокоило меня как никогда, а пока она пела, мой гнев и плохие эмоции ушли. Когда она дошла до последнего куплета, я стал петь вместе с ней. Мой голос не так уж и хорош, но маму это никогда не волновало.

Закончив петь, мы замолчали, но теперь эта тишина была легкой и спокойной. Мне все еще было грустно, когда мыслями я возвращался к Джереми и Дэвиду, но я больше не чувствовал себя одиноким. Я вспомнил, что, что бы ни случилось, со мной всегда будет мама. Даже если у меня ничего не получится с моей независимостью. Я по-прежнему хотел жить в «Рузвельте» и устроиться на работу, но песня напомнила мне, что все еще может быть хорошо.

— Сладкий, я могу открыть дверцы? Мне очень нужно тебя обнять.

Я не хотел обниматься с ней, но, вероятно, она использовала много суперсилы, чтобы подняться сюда и спеть со мной. Поэтому я открыл дверь и впустил ее. Мама крепко обняла меня и стала раскачиваться из стороны в сторону, но не спрашивала о том, что случилось.

Когда она в полной мере насладилась объятием, мы спустились вниз. Мама приготовила мне банановый хлеб с орехами и купила виноградный напиток «Зевия» в «Уистфилде».

Мы сели вместе и перекусили всем этим.

— Я получила сообщение от Салли, — сказала она, когда мы стали убирать посуду и встали у раковин. Я мыл тарелки, а мама вытирала их и убирала в шкафчик. — Джереми все еще расстроен. Хочешь, я помогу тебе поговорить с ним? Или ты думаешь, что вам лучше

побыть пока порознь?

— Я не могу остаться здесь. Джереми расхочет быть моим парнем.

— Почему это он должен расхотеть? Может, ты все-таки объяснишь мне, что происходит?

Я коснулся пальцем мыльного пузыря на грязной тарелке и почувствовал, как он лопается.

— Ему предложили новую работу — помогать Дэвиду.

— И почему ты этому не рад?

Я по-прежнему не мог говорить об этом, но после пения, бананового хлеба и «Зевии» я был уверен, что смогу показать свои переживания на языке жестов.

«Я боюсь, что Джереми станет парнем Дэвида».

Многие люди в ответ на это воскликнули бы «О, дорогой!», например, Салли, но не моя мама.

Она подняла брови и показала:

«Милый, он даже не идет ни в какое сравнение с таким супергероем, как ты. Он никогда не отобьет у тебя Джереми».

«Да, но Джереми будет работать на него и проводить с ним много времени. И он обольстител. Дэвид — очень красивый».

Даже показывая эти слова, я почувствовал жжение в груди.

Мама издала гневное восклицание и перестала показывать.

— Юноша, ты сам можешь все уладить. Если думаешь, что Дэвид опасен, старайся быть лучше, и не будет никакого соперничества. Но я кое-что тебе скажу. Огорчать Джереми и убегать вместо того, чтобы поговорить с ним, не лучший способ справиться.

Она была права. Было умно — пойти и успокоиться, но мне нужно вернуться туда и бороться, показывая Джереми, что я классный парень, а не ревнивый идиот.

Мама взяла кухонное полотенце и скрутила его.

— Нужно чаще заниматься сексом. Это отвлечет его от Дэвида.

Мама поцеловала мои волосы и ударила меня по заднице полотенцем.

Глава 20

Джереми

Пока Эммет был у своих родителей, я пребывал в странном настроении. Я был очень расстроен и нуждался в «Лоразепаме». Вопреки ожиданиям, у меня не началась истерика. На меня напало полное оцепенение. Думаю, если бы я находился в квартире один, то свихнулся бы, но они сидели со мной в гостиной. Тэмми сидела со мной на диване, а Стюарт приклеивал к листку бумаги смайлик из макарон, который хотел подарить мне.

— Счастливый, — сказал он мне, показав свой арт-проект, и включил Фаррелла Уильямса на переносном стереопроекторе.

В данной ситуации слово «счастливый» точно не про меня, но я оценил этот жест.

Дэвид тоже находился в нашей гостиной. Когда он спросил, почему я расстроен, я не смог ответить, и Тэмми сказала ему, что мы с Эмметом поссорились. Забавно, что я не плакал ровно до того момента, пока она не озвучила это вслух. Слава богу, это был не громкий рев, но я не мог прекратить плакать, сколько ты ни утирал льющиеся по моим

щекам слезы. Я не чувствовал в себе беспокойства, и даже грустил как-то отстраненно. Подумал, что это из-за лекарств, но в какое-то мгновение тоненький голосок в моей голове подсказал, что я не слишком волнуюсь, потому что в глубине души знаю — Эммет не бросил меня из-за такого пустяка. Надежда быстро утонула в негативных мыслях, но силы моего духа хватило на то, чтобы признать присутствие надежды, когда произошло нечто подобное — и для меня это огромный прорыв.

Дэвид несколько раз попытался обогнуть стол и, когда это ему удалось, подъехал ближе. — Эй! — Он неуклюже прикоснулся к моему плечу своим. — Что случилось?

Я хотел поговорить с ним. Мне нужно было с ним поговорить. Я был уверен, что мне придется выбирать между ним и Эмметом, и нужно было выбрать Эммета. Несмотря на то, что я сформулировал это предложение в своей голове, произнести его я не мог. Я будто бы снова оказался в больнице, но теперь Эммета рядом не было. Вместо того, чтобы произнести эти слова, я быстро выдохнул.

— Все будет хорошо. Мариетта написала мне, что они скоро придут.

Но лучше мне от этих слов не стало. Наоборот. Я испугался, закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

Тэмми опустила руку и стала массировать мою шею.

— Ш-ш-ш. Все пары ссорятся. Вы все преодолеете. Я в этом уверена.

— Почему они поссорились? — спросил Дэвид.

Тэмми ничего не ответила, но когда я поднял глаза, то увидел, что она смотрит на меня и молчаливо спрашивает разрешения.

Я кивнул. *Да, пожалуйста, расскажи ему, потому что я не могу.*

Тэмми погладила меня по голове и посмотрела на Дэвида.

— Они поссорились из-за тебя, милый.

— Что? Из-за меня? Почему?

Прежде чем что-то сказать, она заколебалась, а я закрыл глаза и прильнул к ее плечу, почувствовав себя слишком утомленным. Мне хотелось вернуться в постель, накрыться одеялом с головой и плакать. Я был не уверен, что хочу сегодня снова увидеться с Эмметом, особенно если он еще на меня злится.

Прежде чем Тэмми смогла ответить, я услышал знакомый голос. Резко открыв глаза, поднял голову и увидел, что в дверях стоят Мариетта и Эммет.

Слишком поздно я понял, что может произойти, когда Эммет увидит Дэвида со мной. И тогда я действительно запаниковал.

Пока Эммет с мамой разувались и проходили в гостиную, Тэмми пыталась успокоить меня. Я чувствовал себя подобно кролику: мое сердце билось слишком быстро, и я готов был убежать при первых признаках неприятностей.

Я не мог взглянуть на Эммета, даже когда он подошел и встал передо мной, а потом его руки показали мне слово «*Прости*».

Мое дыхание прервалось. Конечно, это было не облегчение, но уже что-то похожее на это. Я поднял голову и посмотрел на него. На его красивое, спокойное лицо, на его лоб, губы.

«*И ты меня прости*», — показал ему я.

На секунду я подумал, что он хочет что-то сказать, но он нахмурился и посмотрел в сторону Дэвида.

Эммет стал показывать на языке жестов что-то гораздо более сложное, чем я мог

прочитать, но заметив, что я расстроен, он вытащил из кармана свой телефон и напечатал то, что показывал, а потом передал телефон мне.

«Я могу поговорить с тобой наедине? Пожалуйста».

Когда я занервничал, он забрал свой телефон и добавил:

«Я не буду ругаться, я обещаю».

С трудом сглотнув пересохшим горлом, я протянул руку к телефону.

«Ты уйдешь?»

Он прочитал сообщение и стал напевать, пока набирал ответ.

«Я был слишком расстроен и ушел, чтобы успокоиться. Я не хочу злиться рядом с тобой. Тебе это не понравится. Поэтому, да. Я уйду, если чем-нибудь расстроюсь, и, успокоившись, вернусь. Что я только что и сделал».

Я прочитал сообщение, но еще долго на него пялился. Меня охватило сразу столько чувств, и все они были сильными, несмотря на «Ативан». Надежда, тлевшая во мне, разгорелась сильнее, когда Эммет взял меня за руку и помог подняться. Он не бросил меня. И не уйдет из-за того, что я слишком жалкий и никчемный. Он ушел потому, что хотел защитить меня от самого себя.

Мне хотелось обнять, поцеловать его. Хотелось заняться с ним любовью и прикоснуться к каждому сантиметру его тела. Я хотел танцевать с ним, трогать его, все вместе и сразу, но, когда мы вошли в нашу квартиру, Эммет был очень серьезен, а я слишком застенчив, поэтому не реализовал ни одной из этих вещей.

Он усадил меня на диван и сел в кресло напротив меня. Эммет покачивался и мягко хлопал себя по бокам, пока говорил, а останавливаясь, начинал напевать.

— Джереми, прости меня. Хм-м-м-м. Я не должен был злиться из-за того, что ты стал работать на Дэвида. И я не должен указывать, где тебе работать, а где нет. Это не... хм-м-м... поступок хорошего парня.

— Стой, — перебил я, переживая за него. Я чувствовал, как тяжело ему дается этот разговор, и мне хотелось, чтобы он прекратился. — Нет, это мне нужно было как следует все обдумать. Я был эгоистом. Поэтому скажу Дэвиду, что могу быть его другом, но работать на него не буду.

— Иногда полезно быть эгоистом. Хм-м-м-м. — Он стал хлопать по бокам так сильно, что мне показалось, он может взлететь. — Ты должен начать работать на него. Ты прав. Эта работа для тебя как раз то что надо.

Его голос был грубым, и я запаниковал. Я сжал свои пальцы точно так же, как и мои внутренности мгновенно скрутило в узел.

— Но я не хочу, чтобы ты расстраивался. И не хочу, чтобы ты на меня сердился.

— Я на тебя не сержусь. Хм-м-м-м.

— Ты сердишься. Ты расстроен и не можешь перестать напевать. — Я положил руки на свои бедра и сжал кулаки, впиваясь ногтями в кожу почти до боли. — Все в порядке. Есть и другая работа. Я могу ее найти. Просто никакая работа не стоит того, чтобы потерять тебя.

Эммет перевел взгляд на мое лицо, на секунду заглянув в мои глаза, прежде чем снова стал смотреть на куку-то точку рядом с моим лицом. Он стал качаться быстрее, а потом остановился, будто бы споткнувшись.

— Я был неправ, когда сказал тебе найти другую работу, потому что эта мне не нравится. Это... оскорбительное поведение.

Когда он сказал это, я понял, что об этом с ним говорила его мама. Теперь паника была

похожа на белку, которая ползла по моей голове, готовая кинуться на мое лицо.

— Меня это не волнует. — Я помолчал, понимая, как это прозвучало. — Я имею в виду, что ничего страшного не произошло. Я больше не хочу на него работать.

— Нет, хочешь. Не лги мне, Джереми. Ты этого не умеешь.

Слезы, которые я так упорно сдерживал, все-таки хлынули.

— Пожалуйста, Эммет! Пожалуйста. Я не хочу его. Я хочу тебя. Я люблю тебя.

Он прекратил качаться. Перестал напевать. Он смотрел на мой подбородок и стоял неподвижно, как статуя. Эммет был... в шоке. Да, я понял это, потому что наловчился разглядывать выражение шока на лицах людей.

«Я люблю тебя, Эммет», — показал я на языке жестов. И шепотом добавил:

— Всегда любил.

Он глубоко вздохнул и неспешно качнулся.

— Но Дэвид красавчик. Он флиртует с тобой.

Я заморгал. *Что... так вот в чем дело?*

— Ты ревнуешь?

Все еще глядя на мой подбородок, Эммет кивнул.

Я не мог поверить в это.

— Но, Эммет... Он не гей.

— И что? Он может понравиться тебе. И он хулиган. Он может развлечься с тобой ради забавы.

Я не мог представить себе вселенную, где Дэвид захотел бы попробовать развлечься со мной, или я пошел бы на это.

— Но я не люблю его.

— Ты можешь узнать его поближе и передумать.

— Ну, если он не превратится в тебя, мне он интересен не станет. Он слишком грязный и громкий для меня. Для моего бойфренда.

Эммет стал качаться сильнее.

— Он дерзок.

— Меня это не привлекает. — Взгляд Эммета перешел на мои колени, и он застыл.

— У него нет аутизма. Его позвоночник сломан, но с его мозгом все нормально.

— Как и с твоим, — прошептал я.

Эммет закрыл глаза и положил руку на свою грудь, у сердца. Он возобновил движения, но теперь качался мягче.

— Скажи это еще раз.

Я улыбнулся, потому что был доволен: я знал его настолько хорошо, что понимал, о чем он просил.

— Я люблю тебя Эммет. Всегда буду любить. И буду любить еще сильнее.

Глаза Эммета были все еще закрыты, но он улыбнулся так широко, как будто в комнату ворвалось солнце.

«Я тоже тебя люблю», — показал он.

Я тихо подкрался к нему и, стоя на коленях, поцеловал руку, которую он держал у своего сердца.

После этого разговора у нас с Эмметом все наладилось, но Дэвида он не любил еще больше, чем раньше. Это меня не удивило, в отличие от реакции Дэвида.

— Я и вправду не нравлюсь ему? Почему? Что, черт возьми, я сделал? — спросил у меня

Дэвид, когда на пятый день нашего сотрудничества мы с ним пошли в «Уистфилд».

Я не вел никакого расписания, потому что Дэвид не знал, когда я могу ему понадобиться, да и я слишком боялся всех подвести. Теперь я был официально доступен весь день, пока Эммет был на учебе. Дэвид писал мне смс, если я был нужен ему, и я приходил, как только мне это удавалось. До сих пор я откликался на каждый его зов, но Дэвид предупреждал, что, если я занят, я просто должен говорить ему «нет».

Я не ответил на вопрос Дэвида, ведь просто не знал, как это сделать. Несколько раз я пробовал объяснить ему, но он меня не понимал.

— Он называет тебя хулиганом.

Дэвид фыркнул.

— Ну... не совсем. Я собирался перестать им быть, но въехал в дерево. И вообще, какое это имеет значение? Сейчас я разве хулиганю? Я даже не пытался его задирать.

Я думал о том, что как раз это он и делал, но он не видел очевидных вещей, и этот разговор заставлял меня нервничать.

— Спроси об этом у него. — Я стал отвечать так на каждый вопрос, касающийся Эммета, но спрашивать он не прекратил.

Несколько раз я замечал, что Дэвид пытается сблизиться с Эмметом, но они были полными противоположностями, как нефть и вода. Иногда я сидел с Тэмми на другой стороне комнаты и наблюдал за ними. Я думал, они воплощение крушения поездов, и только авария сможет заставить их столкнуться друг с другом. Эммет был уверен в том, что знает, кто такой Дэвид, а Дэвид же напротив — совсем не знал Эммета.

— Думаю, ты должен понять, что такое аутизм, — посоветовал я ему однажды, когда Эммет уехал в университет, а мы с Дэвидом сидели в его комнате. Дэвид все еще расстраивался из-за того, как к нему относится Эммет. — Аутизм — это не весь Эммет, но эта болезнь его неотъемлемая часть. Если ты изучишь аутизм — это позволит тебе лучше понять Эммета.

— Мне нужно будет что-то прочитать? — Дэвид ненавидел учиться.

Я вспомнил про видео «Кафе Карли» и нашел его на «Ютубе».

Реакция Дэвида на это видео была даже сильнее, чем у меня. Посмотрев его в первый раз, он ничего не сказал мне, лишь нажал на экран, чтобы проиграть это видео снова. После второго просмотра у меня появилось ощущение, что его лицо как будто треснуло, и наружу вырвалась боль, скрывавшаяся внутри Дэвида. Я не позволил ему смотреть видео в третий раз и просто выключил ноутбук.

Я не удивился, когда увидел, что по лицу Дэвида текут слезы. Он закрыл глаза и, прежде чем начать говорить, просидел так несколько минут.

— Ладно, черт. — Он слегка приподнял свою рабочую руку, чтобы утереть слезы рукавом, а я понял, что, если бы его руки работали в полной мере, он зажал бы пальцами свою переносицу. Вместо этого он снова прикрыл глаза, пока его губы не перестали дрожать, и с тяжелым вздохом опустил свою руку. — Что такое аутизм? Она больше похожа на меня, чем на Эммета. Люди смотрят на нас, как на ебанных домашних питомцев. Со мной тоже происходит какое-то странное дерьмо. Все стало слишком на меня давить. Я не могу делать то, что мне хочется, или хотя бы объяснить, что я хочу. И вроде бы я говорю на английском, но, клянусь, как только люди видят мое кресло, они перестают меня понимать.

Я вспомнил, что, когда я сам в первый раз смотрел это видео, у меня тоже возникло чувство, что Карли больше похожа на меня, чем на Эммета. Но теперь, когда я узнал Эммета

лучше, знал, что он прочитал книгу, написанную отцом Карли, смотрел другие ее видео, я понимал, насколько они с ней похожи. Тем не менее, было интересно то, что каждый из нас троих воспринимал ее жизненный опыт, как свой собственный.

После того, как я показал ему это видео, мы скачали аудиокнигу «Голос Карли». Несколько следующих дней, после прослушивания пары очередных глав, Дэвид задавал мне вопросы. Я также показал ему другие книги об аутизме и несколько сайтов по этой теме. Это сподвигло его задать еще большее количество вопросов, особенно его интересовала эмоциональная часть аутистов.

— В этих книгах говорится о том, что аутисту сложно выражать свои эмоции, но Эммету не составляет труда показывать, как он меня ненавидит.

Я не знал, почему Дэвида так расстраивает то, что он не нравится Эммету. Мне Дэвид как раз таки нравился. Он был властным и решительным, но более всего я был впечатлен тем, как он старался не позволять своей недееспособности ограничивать его жизнь.

Мы гуляли с ним все дольше, углубляясь все глубже в Эймс, в ту его часть, куда автобусы не ходят. Мы дошли до западной части Эймса, где располагался клуб с боулингом. В первый раз Дэвид захотел туда пойти, но я был уверен, что эта идея обернется катастрофой, и он уговорил меня просто помочь ему катить шар для боулинга по переулку. Шар всегда падал в сточную канаву, но Дэвид катил его снова и снова, видимо, чувствуя гордость за то, что может катить его, если не рукой, то хоть привязанной к его запястью палкой.

Иногда мы проходили по кампусу или мимо него, но не часто. Дэвида расстраивало то, как на него смотрели люди. То, что испытывал Дэвид, очень походило на то, что испытывали мы с Эмметом, но я промолчал и не стал делиться с ним своими наблюдениями. Весь сентябрь я следил за тем, как они ходят вокруг да около, но не сближаются друг с другом. Вернее, за этим следили все. Дэвид пытался понравиться Эммету, но слишком старался, все работало совсем в другую сторону, и Эммет ненавидел его еще больше.

— Однажды ярость, которую он испытывает к Дэвиду, исчезнет сама, — сказала Тэмми. И в первую неделю октября это, наконец, произошло.

Глава 21

Эммет

Из всех времен года осень я люблю больше всего. Мне нравится ее прохладный воздух, теплая, но не влажная погода и шум гонимых ветром листьев, которые кружатся под моими ногами, когда я иду по тротуару от остановки до дома. На улице, на которой живут мои родители, тоже много деревьев и опадающих с них листьев, но деревья у «Рузвельта» более старые и крупные, поэтому они мне нравятся больше. В основном это дубы. Они рано сбросили свою листву и уже стояли голыми. На детской площадке рядом с нашим домом росло дерево, листья на котором еще не поменяли цвет и не опали. Я наблюдал за ним каждый день, гадая, смогу ли уловить это прекрасное превращение.

Обычно я проверял это дерево, а потом шел домой, чтобы снять свой рюкзак. Я всегда заходил в квартиру первым, даже если видел Джереми на улице. Если он тоже видел меня, то я подавал ему знак рукой, чтобы он следовал за мной.

Пятого октября все шло как всегда, за исключением того, что я столкнулся с Дэвидом,

прежде чем зашёл в квартиру. Он ехал по коридору первого этажа в сторону прачечной. Дэвид слегка кивнул мне, поскольку ему было тяжело использовать для приветствия свои руки.

— Эм, привет. Пойдем на улицу. Мы вырезаем тыквы, и Джереми уже там.

Я старался не злиться во время разговоров с Дэвидом, но мои зубы сами собой скрежетали от злости. Особенно от того, что он все время коверкал мое имя.

— Сейчас мне нужно домой. — Я направился к лестнице, но он снова заговорил со мной.

— Эй, ну серьезно! Ты должен пойти. Они сказали, что прикрепят нож к моему запястью с помощью ремня. И, скорее всего, я отрежу себе руку по плечо. Будет очень увлекательно.

Я не знаю, почему Дэвид думал, что я хочу увидеть, как он поранится. Я стал волноваться и не хотел продолжать этот разговор. Он всегда давил на меня, когда я от чего-нибудь отказывался. Обычно кто-нибудь помогал мне уйти, но сегодня рядом никого не было. Наверное, все гуляли снаружи.

Я прикрыл уши руками. Это означало, что сейчас я не могу говорить, но Дэвид был туп и этого не понимал. Поэтому я должен был показать это более явно. Я попытался обойти его кресло и пройти к лестнице, но Дэвид последовал за мной. Его лицо выражало злость, и его голос был настолько громким, что даже прижатые к ушам руки меня не спасли.

— Эй! Слушай, я пытаюсь быть милым. Приглашаю тебя прийти и потусоваться с нами. Я пытаюсь быть дружелюбным.

Он не был дружелюбным! Он был мудаком!

Я закрыл глаза и плотнее прижал руки к ушам.

— Уходи! Ты придурок, и ты мне не нравишься. Я не хочу с тобой тусоваться.

Мне хотелось вырезать тыквы для Хэллоуина, но я не могу стоять там рядом с Дэвидом. Даже ради Джереми.

— Господи, это я веду себя как придурок? В чем, блядь, твоя проблема?

Я плотнее зажмурил глаза и стал напевать. Он, наверное, думал, что я дебил, но меня это не волновало.

Из-за того, что его голос был слишком громким, я не мог не слышать то, что он мне сказал.

— Окей. Тогда я буду заигрывать с твоим парнем. Посмотрим, как тебе понравится это, дебил...

Он перестал говорить только потому, что я убрал руки от ушей, открыл глаза и ударил его кулаком в лицо. Моя рука заныла, но мне было все равно. Я сжал кулак и прицелился в его лицо, готовый ударить во второй раз, и закричал. Я не поступал так очень давно, наверное, лет с четырнадцати, и уже забыл, как здорово чувствовать, как твоя агрессия выходит из тебя, сжигая твой рот и горло. Дэвид выругался и попытался взмахнуть руками, но не смог меня ударить. Во-первых, я двигался слишком быстро, во-вторых, его руки все равно его не слушались.

— Козел! — Он пытался нашарить свой пульт управления, чтобы уехать. — Отвали от меня, на хрен!

Я погнался за ним, еще более рассерженный, чем до этого.

— Почему ты не оставляешь меня в покое? Я сказал тебе, что хочу уйти к себе, что ты мне не нравишься, но ты не успокаиваешься. Ты никогда не перестанешь меня доставать!

Потом он нажал кнопку вызова помощи на своем кресле, и я практически попал в беду, но мой гнев уже испарился.

— Я хороший парень для Джереми. Он сказал, что любит меня, а не тебя, мудака, но ты все равно пытаешься его отбить. Меня не волнует, что ты прикован к инвалидному креслу и не можешь двигаться. Мне тебя не жаль. Я ненавижу тебя! Ты прям как те сопляки в школе, которые издевались надо мной и обзывали дауном. Ты, наверное, тоже так называешь меня и смеешься за моей спиной. Думаешь, что можешь забрать у меня Джереми? Хм-м-м-м... — Я так разозлился, что позволил своему гневу перейти в напевание. — Ты его не забереешь. Я пытаюсь быть для него хорошим парнем. Ты не сможешь забрать у меня Джереми. Я никогда этого не позволю!

Дэвид собирался что-то мне сказать. Он открыл рот и поднял свою неуклюжую руку, призывая меня остановиться, но я этого не сделал. Он отошел от лестницы, и я поднялся на свой этаж так быстро, как только смог. Я запер дверь в квартиру, зашел в свою комнату и закрыл и эту дверь. Схватив надувную кувалду, я стал молотить ею по кровати снова, и снова, и снова, но этого было недостаточно. Все, что я видел в своей голове — это образ Джереми, держащего Дэвида за руку. Джереми признался мне в любви, но теперь я знал, что Дэвид хочет у меня его забрать.

Дэвид солгал. Он был геем и хотел отбить у меня Джереми. Джереми же нравилось разговаривать с Дэвидом, нравилось, как тот выглядит. Уже не имело значения, что я почти был готов к анальному сексу, и то, что Дэвид сидел в кресле. Дэвид сделал это все неважным.

Дэвид с Джереми не были аутистами, и если Дэвид хотел найти способ заставить Джереми передумать, то я не смогу с этим бороться. Поскольку я аутист, а их отношения, в отличие от нас с Джереми, были бы нормальными. *Я никогда не смогу ему это дать.*

Я обрушил свою кувалду на мои книжные полки и снова закричал. Потом пришла очередь моей постели — я стал разрывать и раскидывать лоскуты от простыни по всей комнате. Мою подушку постигла та же участь. Я молотил ею по двери, пока она не разорвалась, и перья разлетелись по всей комнате.

Гнев и печаль были моим океаном, держать который я был больше не в силах.

Никто не сможет меня полюбить. Не тогда, когда у них есть выбор полюбить кого-то другого.

Вот вам еще один пример, когда высказывание людей о том, что аутисты не способны испытывать эмоции, ошибочно. Я чувствовал огромные всплески эмоций, когда речь заходила о Дэвиде, но обычно не позволял эмоциям взять надо мною верх. Хотя я и кричал на него, ударил, я все равно затолкал большинство эмоций поглубже в себя и выпустил их, только когда поднялся к себе. Нехорошо, когда люди говорят, что я безэмоционален, я просто лучше контролирую свои эмоции.

Хотя в тот день я не чувствовал себя способным ими управлять. Даже после того, как разозлился и разгромил свою комнату, эмоции все равно били через край. Слишком сильные, слишком громкие. Мне хотелось закрыться ото всех, залезть в мой шкаф и сидеть в темноте и тишине, пока все не успокоится, но я все равно слышал бы людей в квартире за стеной.

Ногой я почувствовал вибрацию телефона — Джереми написал мне сообщение. Скорее всего, они уже знали о том, что я вышел из себя и ударил Дэвида. Я никогда не терял самообладание перед ними, поэтому не знал, как они меня накажут. Иногда хорошим людям

неприятна злость аутистов.

Я не знаю, что Джереми почувствовал, когда узнал, что я ударил Дэвида. Конечно, я подумал, что он, возможно, меня больше не любит, поэтому я хотел спрятаться в своем шкафу. Раскачиваясь, я сидел на краю своей кровати с закрытыми глазами, ожидая, что же произойдет дальше. Тэмми попробует поговорить со мной? Или Салли? Может быть, мама? Захочет ли Джереми со мной поговорить или он уже настолько зол, что разговаривает с Бобом по поводу моего переезда? Они хотят выгнать и отправить меня домой, потому что я плохой? Это несправедливо, ведь я попытался уйти от Дэвида. За стеной все смолкли. И как только я подумал, что, возможно, моих соседей напугал мой шум, в мою дверь постучали.

Тук. Тук. Тук.

Это был странный стук, непохожий ни на один из установленных мной сигналов. Стук был грубым и нервным.

— Эммет? Это Дэвид. Можешь не впускать меня, если не хочешь, но я хочу с тобой поговорить.

Я замер, но ничего не ответил. Мне не хотелось разговаривать с ним и тем более его слушать. Но я не знал, кто еще может сейчас нас слышать, а неприятностей больше не хотелось. Поэтому просто ждал, что будет дальше.

А дальше Дэвид продолжал говорить. Его голос был более мягким и печальным, чем обычно. Как будто со мной разговаривал совсем другой человек.

— Я... Допустим, ты меня слушаешь... Наверное, я разговариваю сам с собой, но как бы то ни было... — Оон вздохнул, — Прости, ты был прав. Я придурок и не стал слушать тебя, когда ты отказался идти на улицу. Я был эгоистом. Мне хотелось отвести тебя к Джереми и показать, какую тыкву он сделал. Это особенная тыква. Ты должен на нее взглянуть.

Я сидел, закрыв глаза и мягко покачиваясь. Мне хотелось напевать, но я не хотел, чтобы он понял, что я слушаю его, поэтому я молчал.

— В общем... Я не хочу быть придурком. Я пытаюсь поладить с тобой, но все время делаю что-то не так. Прости. Я думал, что делаю это, потому что не нравлюсь тебе. Хотя ты один из очень немногих людей, которым наплевать на то, что я в кресле. Знаешь, Джереми очень хороший, но ты все равно единственный, кто сначала видит меня, а потом мои травмы. Тебе не нравится то, что ты видишь, но... Сейчас это прозвучит пафосно... Ты не жалеешь меня. Ты думаешь, что я придурок, и не хочешь иметь со мной ничего общего. Думаю, что часть меня мечтает завоевать твое расположение, убедить... хм-м-м... единственного человека, не обращающего внимания на мою инвалидность, встать на мою сторону. Пускай это тупо. И эгоистично. Наверное, я такой и есть. Тупой, эгоистичный придурок.

Теперь я немного напевал. Я не знал, что мне думать. Он не врал, когда сказал, что хочет мне понравиться? Это было похоже на кукуую-то уловку, но, кажется, он не шутил.

Дэвид продолжал говорить:

— А что касается Джереми — я врал, что собираюсь флиртовать с ним или отбить его у тебя. Я говорил не серьезно, но должен был понимать, что этим тебя лучше не дразнить. Как ты сам это не понял? Очевидно же, что я врал. Я не могу никого ни у кого украсть. Даже если бы я был геем или он был бы девушкой. Как бы я это сделал, а? Забудь про секс, этим я, наверное, никогда больше не буду заниматься. Как я вообще могу дотронуться до кого-то? Ударить его моей более-менее рабочей рукой? Или мне стоит привязать ремень к моему запястью и играть роль зверушки?

Он засмеялся, но это был не веселый, а скорее печальный смех.

— Чувак! Даже если бы я смог его отбить, он бы все равно тебя не бросил. Он любит тебя. Джереми сказал, что ты ревнуешь его ко мне. Господи, это такая хрень! Я завидую тебе. И не только потому, что у тебя есть такой человек, как Джереми, который заботится о тебе. Я завидую тому, что твоя инвалидность всегда была с тобой. Она всегда была частью тебя, поэтому ты не думаешь о том, каким ты был раньше, до того, как превысил скорость, и на трассу перед твоей машиной выбежал олень. Тебе легче, потому что аутизм часть тебя. Ты не знаешь другой жизни, а я каждый день думаю о том, как бы все могло сложиться. Как должно было сложиться. Каждый день я думаю о том, сколько я прожил здоровым человеком, и эти девятнадцать лет висят на моей шее как хомут, не давая мне двигаться дальше.

Злость на Дэвида прошла, но я боялся того, что он меня обманывает.

— Ты все еще придурок, — сказал я, но уже без злобы. Я перестал напевать и качаться.

Он снова горько засмеялся, но уже более громко.

— Вот почему, Эм, я хочу с тобой дружить. Я рассказал тебе все, о чем думаю, и ты не стал меня жалеть. Ты думаешь, что я флиртовал с Джереми. Выкинь из головы это дерьмо. Я флиртую с тобой. Ты тот, кого я хочу завоевать.

Это прозвучало гораздо лучше тех слов о том, что он хочет отбить у меня Джереми, но я все равно не мог ему доверять. Хотя сейчас меня даже не волновало, что он называет меня «Эм».

— Я не хочу быть твоим парнем. Джереми лучше тебя.

— Как насчет обыкновенной дружбы? Будем иногда тусить вместе. Ты можешь обзывать меня придурком или вмазать мне, если я перейду черту, но все будут знать, что мы на одной стороне.

Я открыл глаза и, покачиваясь, устался на дверь.

— Это какая-то шутка. У таких ребят, как ты, нет друзей аутистов.

— Это никакая не шутка. Если ты не заметил, я сижу возле твоей двери и выпрашиваю твою дружбу, как собачка. — Он помолчал. — Хотя да. До аварии я бы не просил тебя о дружбе. Возможно, я даже дразнил бы тебя, как ты и говорил, но авария произошла, и я больше не тот парень. Давай попробуем, если не ради меня, то хотя бы ради Джереми. Я думаю, он будет меньше нервничать, если будет знать, что мы больше не ссоримся каждый день.

Я забеспокоился о Джереми.

— Где он? Он расстроен?

— Он был вместе с остальными снаружи, но уверен, что они в фойе. Они хотели помешать мне поговорить с тобой. Они боятся, что я еще больше все испорчу.

Их беспокоило, что ОН может еще больше все испортить?

— Они не рассердились на то, что я тебя ударил?

— Я не сказал им.

Я перестал раскачиваться и посмотрел на дверь.

— Я не сказал им, — повторил он снова. — У меня большое красное пятно на лбу, но я сказал, что грохнулся об дверь, когда пытался тебя догнать. Думаю, Джереми мне поверил. Но если он догадается, то я признаюсь, что заслужил, и это не твоя вина. Правда. Честно говоря, мне это было необходимо.

— Никто не должен драться. Это плохо.

— Иногда придуркам требуется подзатыльник, чтобы держать нас в узде. Спасибо за

поддержку.

Я ничего не сказал, только уставился на дверь, снова покачиваясь и напевая. Дэвид тоже замолчал, но я не слышал, чтобы он уехал.

Что теперь делать, я не знал. Я был уверен в том, что он не обманывает меня, но чувствовал себя странно, представляя нас с ним друзьями. Я решил, что если мы собираемся ими стать, то должны узнать друг друга лучше.

— Мое второе имя — Дэвид, — наконец-то произнес я.

— Да? Приятно познакомиться, Эммет Дэвид Вашингтон. Хорошо звучит. Мое второе имя Самюэль. Так звали моего прадедушку.

— Дэвидом звали брата моей мамы. Он умер, когда она училась в школе. А Эмметом звали ее дедушку.

Дэвид ответил не сразу, но это была очень приятная пауза.

— Джереми показал мне сайты и книги про аутизм. Я подписался на «Твиттер» этой девушки, Карли. Пытаюсь придумать, что ей написать, но ничего не приходит в голову.

— Она никому не отвечает. Ни в «Твиттере», ни в «Фейсбуке».

— О, правда? Вот облом.

Я перестал качаться и просто напевал, размышляя над тем, что бы еще ему сказать. Я прокрутил в голове весь разговор, останавливаясь на той части, где он говорил о сексе.

— В интернете ты можешь посмотреть, как занимаются сексом парализтики. Там есть все.

Он хрюкнул и захихикал.

— Да, но в основном это выглядит жалко и раздражает меня. Я не осмелюсь искать такое.

— Я мог бы найти что-нибудь сам. Для тебя. У меня хорошо получается искать информацию. Особенно про секс.

Прежде чем он ответил, повисло молчание.

— Меня правда не интересует однополый секс. Я не сомневаюсь в том, что вам с Джереми это нравится, но я говорю о сексе с девушками.

— В интернете есть информация обо всем. Даже о сексе с животными, но я не читал этих статей.

Он засмеялся, но на этот раз совсем не грустным смехом.

— Хорошо. Если ты найдешь что-нибудь не удручающее о сексе для инвалидов, я хочу об этом услышать. Спасибо.

— Ну, если ты больше не будешь придурком, то мы можем стать друзьями.

— Пожалуйста, будь моим другом, даже если я останусь придурком. И если меня снова занесет — просто ударь меня. Это точно поставит меня на место.

— Я больше не могу тебя бить. Драться — неправильно. Я мог бы придумать знаки и научить им тебя. Знаки, увидев которые, ты поймешь, что ведешь себя как придурок, и тебе нужно остановиться.

— Один такой уже создали. Средний палец.

Показывать средний палец было неприлично, и я не должен так делать, но решил, что такой грубый жест именно то, что Дэвиду нужно.

— Великолепно! А теперь, может, ты откроешь эту дверь и выйдешь?

Я открыл дверь, и Дэвид попятился, чтобы я мог пройти мимо него. Я попытался понять выражение его лица и, думаю, оно выражало облегчение.

Джереми вместе со всеми уже стоял в фойе и был взволнован. На языке жестов я показал ему, что со мной все в порядке, но он все равно казался нервным, и, подойдя, я взял его за руку.

— Пожалуйста, Джереми, покажи мне твой тыквенный сюрприз.

Он повел меня на улицу, а остальные последовали за нами. Сюрпризом оказался поезд, вырезанный Джереми из тыквы. Наверное, у него ушло на него много времени, потому что поезд был очень красивым. Джереми улыбнулся, когда я поблагодарил и поцеловал его. К нам подошёл Дэвид, который снова стал сам собой

— Что я говорил? Это идеально тебе подходит. Тыквенный поезд любителю поездов.

Стоило ему произнести эти слова, как Тэмми и Салли изменились в лице, а Джереми занервничал. Но Дэвид улыбнулся мне совершенно искренне. Мне понравилось, что он назвал меня «Любителем поездов», и я улыбнулся своему другу.

А потом я улыбнулся шире, потому что поднявшийся ветер обратил мое внимание на деревья. У моего большого клена наконец-то пожелтели листья, хотя утром я этого не заметил. Дерево поддавалось удивительной метаморфозе осени.

Я знал, что в конечном итоге это случается со всеми. Все меняется.

Глава 22

Джереми

Не знаю, о чем именно говорили Эммет и Дэвид через дверь, но с того дня все изменилось. Они всего за один день прошли путь от зачинщиков ядерной войны друг против друга до союзников. Конечно, они еще воевали, но это уже была борьба иного рода. Мне это напоминало столкновение Эммета с Алтеей за право быть понятыми, а Дэвид наблюдал и, казалось, наслаждался их конфликтами, выслушивая хорошие, четкие аргументы. Я не был уверен, нравятся ли они Эммету, но, каков бы ни был спор, общались они на равных. Эммет, в свою очередь, посвятил Дэвида в наши тайные коды и знаки, и мы стали тусоваться вместе. Как когда-то для меня, Эммет решал и для Дэвида некоторые вопросы, модифицировал какие-то вещи, например, инвалидную коляску или поднос. Эммет старался переделать его инвалидное кресло в кресло-танк³⁰, так как Дэвиду было тяжело передвигаться на нем по улице. Я не был уверен, что идеи Эммета сработают, но Дэвид высоко ценил его усилия, ведь тот старался помочь не зависеть от окружающих. Эммет был очарован квадриплегией³¹ Дэвида и изучал ее так усердно, что однажды сайт «Клуб безумных калек», на котором он зависал целыми вечерами, стал любимым веб-сервисом Дэвида. Это был ресурс с форумом для общения парализованных и с разного рода полезными материалами. Помимо всего прочего, там рассказывалось, как и каким видом секса могут заниматься люди с подобными травмами. Эту колонку Дэвид читал каждый день.

Мы начали тусоваться вместе по вечерам, и вот однажды Эммет решил показать Дэвиду «Братьев Блюз». Дэвид уже смотрел этот фильм, и он ему нравился, но цитирование Эммета поразило его. Когда он был здоров, ему нравилось танцевать, и теперь почти каждый день он просил Эммета станцевать под его песни.

— Станцуй для меня, чувак. Я больше не могу этого делать, так что буду танцевать и жить через тебя.

— Ты можешь танцевать, — ответил Эммет. — Ты можешь танцевать плечами и

головой.

Теперь перед ужином они устраивали что-то вроде караоке: Эммет танцевал, а Дэвид пел и подтанцовывал головой и плечами. Иногда они просили присоединиться к ним и меня. Остальные жители «Рузвелта» любили их вечерние танцы, а Стюарт признался, что это делает его счастливым.

Однажды Эммет, Дэвид и я обнаружили, что мы все становимся слишком возбужденными в общественных, людных местах. Своего рода непереносимость.

— Это не конец света, — сказал мне Дэвид, когда увидел мое изумление на его признание. — Фишка в том, что, когда ты теряешься, другие должны тебя поддержать. Люди думают, что в аварии у меня повредился еще и мозг, но я продолжаю хорошо видеть и слышать. Мне жаль, что я больше не могу участвовать в гонках. Мне очень нравились спортивные автомобили. А сейчас даже рядом находиться не могу. Запахи меня убивают больше звуков. — Он пожал плечами. — Еще я часто чувствую себя плохо в общественных местах, и, чтобы съездить в магазин, нужно заранее подготовиться. Жду времени, когда там будет меньше всего народу. Наверное, из-за коляски.

— Я не могу ходить в магазины крупнее «Уистфилда», — признался я, как всегда стыдясь и обнимая Эммета. — Пытаюсь над этим работать, но каждый раз меня накрывают панические атаки.

Эммет не оттолкнул меня, но постучал двумя пальцами по моей ноге, что означало: «Люблю тебя, но мне необходимо личное пространство».

Я отстранился, а Эммет, поблагодарив, стал слегка раскачиваться, явно намереваясь что-то сказать.

— Магазины меня, конечно, беспокоят, но отвлекает подсчет. В любом месте можно найти то, что тебя расстроит, поэтому я хожу и что-нибудь считаю. Когда мне нужно куда-то отправиться с вокзала или лететь из аэропорта, я надеваю наушники и солнцезащитные очки. Они делают меня похожим на Элвуда Блюза.

— Наушники? — Я задумался над тем, поможет ли это мне, но не мог такое представить. — Разве они не способствуют шуму и не делают тебя более нервным?

Дэвид задумался.

— Нет! Ты же можешь контролировать звук. Хорошая идея, Эм. Нужно как-нибудь попробовать. По крайней мере, не будет слышно этого жалостливого шепота вокруг. «Ути-пути, бедненький». Тьфу! Если бы я еще мог заставить их перестать смотреть этими грустными глазами, было бы вообще прекрасно.

Эммет усмехнулся и стал что-то напевать, раскачиваясь.

— Мы должны сделать твое кресло круче. Найти какие-нибудь наклейки.

Смех Дэвида заставил меня вздрогнуть, но я тоже улыбнулся, когда увидел, как он неуклюже дает пять Эммету.

— Наш чувак!

Рука Эммета встретила ладонь Дэвида в более мягком хлопке, нежели это сделали бы обычные люди, но на то и был расчет.

Всю следующую неделю мы провели в интернет-магазинах, разыскивая наклейки на инвалидную коляску, и в итоге заказали столько, что хватило бы обклеить кресел пять. Любимыми наклейками Дэвида стали: силуэт грудастой женщины в инвалидной коляске, сидящей с выгнутой спиной, как в стриптизе, и наклейка с надписью: «Если вы будете пялиться, я сделаю колесо прямо в этом кресле!» Еще он не мог определиться, что

изображено на одной из наклеек: инвалид, держащий в руках пулемет или человек, свалившийся с кресла в пьяном угаре, но у Дэвида был любимый рюкзак с изображением человека в инвалидной коляске, который двигался так быстро, что из-под колес вырывалось пламя. Я видел еще штук восемь различных наклеек, но все они выдавали только одну мысль: «Прекратите, черт возьми, меня жалеть», а одна из них повторяла эту мысль слово в слово.

Я с удовольствием наблюдал за тем, как они строили планы по разрушению общественного мнения об инвалидах, и за тем, как они решили вызвать ненависть у тех, кто жалел Дэвида, но, когда узнал, что они хотят взять меня с собой на эту вылазку, заартачился.

— Нет. Я не хочу идти! Я буду выглядеть идиотом.

Дэвид не сдавался.

— Давай же! Ты будешь с нами, и мы тебя поддержим. Без тебя это не будет так забавно.

Снова и снова я пробовал убедить их в том, что это плохая идея, но все попытки не увенчались успехом. Ребятам было весело, и они уверяли, что я смогу это сделать. Когда уже оба увидели, что я дал слабинку, решили ковать железо, пока горячо, и серьезно на меня напали.

— Мы выйдем из дома рано утром, в воскресенье, пока на улице мало народа. — Эммет улыбнулся. — Я дам тебе свои наушники и очки. Можем даже создать твой собственный плейлист или поставить хорошую песню на повтор.

— Я голосую за повтор! — сказал Дэвид. — Честно говоря, не стал бы слушать попсу, а выбрал бы что-то из старого рока, но не думаю, что тебе понравится такая музыка. В любом случае нужно что-то зажигательное.

Все это мы обсуждали в комнате Дэвида, но дверь была открыта, и нас слышал Стюарт.

— Думаю, ему нужно включить Фарелла Уильямса «Нарру»³², — сказал он.

Засмеявшись, Эммет захлопал в ладоши.

— Да, отличная идея! Поставим ее на повтор.

— Я, наверное, возненавижу эту песню. Стюарт слишком часто ее слушает.

— Ты же знаешь, что это сработает? — ухмыльнулся Дэвид. — В «Рузвельте» ты чувствуешь себя в безопасности, а эта песня напомнит о доме. Это поможет, когда ты почувствуешь приближение паники.

Все это казалось прекрасным. В теории. А на деле, как только я представлял конечную цель нашей вылазки — магазин, чувствовал, как страх берет верх. Эммет утешал меня, как мог, но периодически мои страхи и стресс так пугали его, что он отсиживался у себя в комнате, в одиночестве. Правда, со мной оставался Дэвид, но он выводил меня из себя.

— Ты не можешь ничего решать, пока не попробуешь. Ничего сверхмасштабного. Просто попробуй. Не закливайся слишком на своем страхе. Нужно разбить его в хлам! Например, зайти в Старбакс, заказать кофе и уйти. Потом зайти в магазин просто за туалетной бумагой. И так каждый день прибавляй что-нибудь к этому списку, пока в итоге ты не пройдешь через весь магазин.

Мы сидели на детской площадке недалеко от «Рузвельта». Несмотря на то, что было прохладно, мы с Дэвидом, как обычно, наслаждались тишиной и спокойствием этого места.

Я сел на любимую скамью с отпечатками ладоней по всей длине, подтянув колени к груди и сгорбившись.

— Боюсь, что никогда не смогу сделать это. И еще, вдруг моя паника пойдет по

нарастающей, и скоро я совсем не смогу выходить с тобой на улицу в качестве помощника?

— Как, черт возьми, ты можешь быть уверен в том, чего даже не попробовал? — Когда я ничего ему не ответил, а лишь сильнее сжал свои ноги, Дэвид вздохнул. — Смотри! Я понимаю, какой ужас ты испытываешь, думая о возможном провале. Добиться положительного результата очень непросто, но уверен, что люди, у которых работают руки и ноги, вполне могут излечиться от всего остального. За первый год моей полной парализации мы испробовали кучу операций и процедур, надеясь на чудо. В конце концов, я добился хоть каких-то положительных результатов. Иногда нужно пробовать то, чего боишься, иначе никогда не добьешься успеха. Но ты должен перестать думать о том, что, если будешь сидеть сложа руки, сохранишь свое душевное равновесие. Не пытайся что-то делать — единственный гарантированный путь к провалу.

— Дэвид, если я провалюсь, то буду чувствовать себя идиотом. Причем полным!

— Ты же знаешь, что я так не думаю. Ни я, ни Эммет. Так считает твоя мать?

Я пожал плечами и отвел взгляд, и, конечно же, он все понял.

— Ты единственный, кто решает, какой будет твоя жизнь. Нужно пытаться. Нужно быть счастливым.

Я уперся подбородком в свои колени и уставился в сторону, где находился дом моей семьи. Конечно, отсюда мне не было ничего видно, но я кристально четко представлял его в своей голове.

— Я очень боюсь того, что она права. Если бы я начал пытаться изменить все раньше, то, возможно, уже был бы в порядке.

— Не бывает так, чтобы у человека все было в порядке. Просто об одних проблемах некоторых людей тебе известно, а о других — нет.

Дэвид подкатился ближе и ткнул пальцы моих ног своим локтем.

— Мы ни в чем не будем спешить. И попробуем только тогда, когда ты будешь готов. Просто не пытайся замкнуться в себе из-за того, что боишься провала. И помни — Эммет и я будем рядом, когда захочешь попробовать, в любой момент.

Я не был готов. Ни на следующей неделе. Ни через неделю, но думал об этом постоянно.

Озвучив план Эммета и Дэвида доктору Норту, я надеялся, что он не одобрит эту идею, но все произошло как раз наоборот.

— Если ты чувствуешь, что готов к этому, то, думаю, план просто фантастический! Но прежде чем решишь это сделать, хотелось бы обсудить «Пошаговую стратегию». Не хочу этого касаться, пока не удостоверюсь, что ты готов. Думаю, мы подошли к тому, что тебе самому нужно выбрать, хочешь ли ты попробовать.

— Что такое «Пошаговая стратегия»?

— Это сокращенное название метода, с помощью которого человек может самостоятельно подавлять приступы паники.

Услышав это, я оживился.

— Я могу избавиться от них? Что же вы сразу об этом не сказали?

— Нет, избавиться от приступов нельзя, но можно научиться их контролировать. Эти атаки — часть тебя. Естественная реакция мозга на слишком подавляющие внешние раздражители. Нужно принять эти атаки вместо того, чтобы пытаться от них избавиться.

Меня не волновали последние слова доктора. Я думал лишь о том, почему он ничего не говорил об этой «стратегии» раньше.

Первый пункт в этой «стратегии» мне совсем не понравился. Когда в следующий раз я словлю приступ паники, то должен буду это осознать. Не пытайтесь его остановить, а просто ОСОЗНАТЬ, что происходит, и принять это как нечто нормальное. Вот так вот. Дальше необходимо сохранять бдительность и оценить обстановку, но самым страшным был следующий шаг. Нерушимый закон гласил: «Продолжай делать то, что делал!»

— Значит, по вашим словам, где бы я ни находился, я должен продолжать торчать там и быть посмешищем для тех, кто за мной наблюдает? Это что, цирк уродов?

Доктор Норт поднял бровь и поправил очки.

— Метод требует оставаться там, где накрыл приступ паники, как можно дольше, чтобы попытаться взять его под контроль. Невозможно остановить паническую атаку, но можно помешать ей поглотить тебя. Это похоже на то, как вы с Эмметом ходили по магазинам.

— Я не смог даже полмагазина пройти. Никогда этого не смогу.

— Ну, просто требуется практика.

Я уже ненавидел эту ситуацию.

— Каковы следующие пункты?

— Следующий пункт состоит в том, что, продолжая заниматься теми делами, которые вызвали этот приступ, ты попытаешься начать делать что-то другое. Например, стоишь посередине магазина, тебя накрывает приступ, и вместо того, чтобы паниковать, ты начинаешь глубоко дышать и заставляешь себя уйти к ресторанному дворику, чтобы сесть за стол. Сидишь там, пока не почувствуешь, что ситуация снова находится под контролем. И, Джереми, помни, нужно надеяться на лучшее, потому что, ожидая краха, ты делаешь атаку еще более мощной. Представь, что атака — это доска для серфинга. На ней катаются и ей управляют, а не наоборот. И, прежде всего, запомни, успех — это не ликвидация чего-либо, а управление этим.

— Я никогда не смогу этого сделать.

— Сможешь. Верь в лучшее. Мозг может изменить всю твою жизнь в лучшую или в худшую сторону, а ты можешь изменить свой мозг. Можешь его как бы переписать. Перестроить.

Звучало это все великолепно, но должен признать — я не был готов к этому «осознанию».

На этот Хэллоуин, впервые за десять лет, я вместе с Дэвидом, Эмметом и некоторыми другими жителями «Рузвельта» пошел на охоту за сладостями в сопровождении Тэмми и Салли. Мы зашли к Вашингтонам, к нескольким их соседям дальше по улице и в другие дома, стоящие через дорогу от детской площадки. Некоторые из нашей странной компании слишком перенервничали и стали проситься домой, но я, Дэвид и Эммет получили разрешение продолжить наше мероприятие. Мы трое были одеты, как братья Блюз, что было странно, так как на самом деле их было двое, но Дэвид велел не заикливаться на мелочах и получать удовольствие.

Обсуждая это вслух, наша компания, уже без сопровождающих, направилась в сторону улицы, на которой жила моя семья. Со словами «Розыгрыш или угощение», мы стали заходить в дома моих бывших соседей. Все были мне рады, а женщина, которая нянчила меня в детстве, даже обняла, поцеловав в щеку. В доме родителей не было света, поэтому мы не стали звонить или стучать в дверь, а просто постояли на тротуаре, глядя на темный дверной проем.

— Ты счастливей, чем они. И знаешь это! — произнес наконец Дэвид.

— Теперь у тебя другая семья, — добавил Эммет, раскачиваясь взад и вперед. — Лучшая семья.

Вернувшись в «Рузвельт», Дэвид отправился в свою комнату, а мы с Эмметом пошли в свою квартиру. После секса Эммет не ушел, а остался лежать рядом, обнимая меня. Я был счастливым и сонным, но, несмотря на множество съеденных конфет и отличный секс, не прекращал думать о родителях. Думал о том, сколько людей сегодня засыпают счастливыми, раздав сладости детям, которых, возможно, у них самих не было. Думал о том, что сегодня люди были счастливы просто так, без причины, и задался вопросом: «Мой страх перед магазинами принадлежит мне самому или это влияние родителей?»

— Хочу попробовать завтра, — прошептал я Эммету. — Боюсь, но хочу попробовать.

Эммет стал что-то напевать, а потом неловко поцеловал меня в шею.

— Я буду рядом.

Я повернулся и крепко его обнял, надеясь, что этот безумно любимый мной человек всегда будет частью моей семьи.

Озвучив свою идею еще и Дэвиду, я попросил ребят не дать мне передумать, но Эммет заставил меня сначала сходить к доктору Норту, чтобы составить план.

— Тебе нужна моя помощь в воплощении этой идеи, или ты здесь потому, что так сказал Эммет? — спросил доктор Норт, скрестив ноги.

Я сразу же задумался о том, какой ответ является правильным, а доктор поднял бровь, напоминая, что правильных ответов не существует. Только правда.

Беда в том, что я не знаю, что было правдой.

Я сложил руки на коленях и стал ковырять кутикулу на большом пальце правой руки, не смея поднять глаз.

— Наверное, потому что так сказал Эммет, но, если у вас есть хорошие идеи, я с удовольствием их выслушаю. Просто я не думал, что нужен какой-то план. Хотелось всего лишь сосредоточиться на нашей предыдущей беседе и посмотреть, что из этого получится.

— Не знаю, нужен ли какой-то план, но стратегию поведения рассмотреть можно. Расскажи мне, как ты действовал раньше и как хочешь действовать сейчас. Я хочу поговорить о «Пошаговой стратегии», ведь вижу, что ты не очень готов.

Как действовал?

— В основном, раньше мама заставляла ходить с ней, и, когда я паниковал, она злилась. Когда мы ходили в магазин с родными Эммета, у нас не было никакого плана. Просто старался не нервничать. С ними это проходило лучше и легче, чем с матерью, но мне было так же стыдно. — Я стал сгибать и разгибать свои пальцы. — Эммет с Дэвидом думают, что я должен использовать наушники. Слушать веселую музыку. Дэвид советует мне не распалиться сразу, а пройти всего несколько шагов, постепенно увеличивая время пребывания в магазине. — Я нахмурился. — Думаю, у меня уже есть план.

— И что ты чувствуешь, думая о нем?

— Нервничаю. Боюсь, что все испорчу.

— Что же, по твоему мнению, может все испортить?

— Приступ паники. Опозорюсь на глазах у всех.

— Помни, что панические атаки не делают твою жизнь неудачной, а их отсутствие — наоборот. Ты добьешься успеха, только если не дашь этим приступам контролировать свою жизнь. — Прежде чем продолжить, он дал мне минуту подумать над его словами. — Верись, что Эммет и Дэвид не станут реагировать, как твоя мать?

Я зажал палец в кулак, так как из-за сорванной кутикулы он стал кровоточить.

— Возможно, не сразу, а когда они поймут, что не получается справиться с этим.

Я похолодел, когда представил Дэвида, закатывающего глаза от отвращения, и Эммета, бросающего меня.

— Что в их поведении заставляет думать, что они могут так поступить? Осудить тебя?

Я пожал плечами, не поднимая глаз.

— Позволь задать еще один вопрос. — Его голос был нежен и утешителен, мне иногда хотелось встречаться с ним каждый день. — Как ты думаешь, почему Эммет, когда ты сказал ему, что готов, предложил поговорить со мной?

Забавно, но теперь ситуация виделась под другим углом. Я взглянул на доктора Норта, желая рассказать, о чем думаю, но не смог сформулировать. Даже в моей голове это едва преобразовалось в осознанную мысль. В странное маленькое сокровище, в искру, ведущую меня сквозь туман: Эммет не хотел меня исправить. Он не осуждал, а наоборот, хотел помочь. Они с Дэвидом, Салли, Тэмми, доктором Нортом и Вашингтонами желали мне добиться успеха, а не вылечить.

В течении пары минут я очень ярко это чувствовал, и это чувство дарило уверенность в себе, но потом в душу снова закрались сомнения, и свет уверенности погас.

Доктор Норт мягко улыбнулся, скорее всего, понимая, что творится в моей голове.

— Иногда очень трудно отказаться от привычки полагать, что все окружающее тебе дано для испытания, что ты являешься проблемой для близких людей. Трудно поверить в то, что эти люди находятся рядом, потому что любят тебя.

Кровь прилила к моим щекам, и я почувствовал себя не в своей тарелке.

— Я не хочу не доверять Эммету, Дэвиду или вам.

— Понимаешь, я думаю, главное не в том, чтобы научиться доверять другим, а в том, чтобы научиться доверять себе. Ты говоришь, что хочешь побороть свой страх, и это повод гордиться собой. То, что вы задумали с Дэвидом — великолепно. Ведь всего за пару месяцев вашей дружбы ты превзошел сам себя. Тебе не нужно конкурировать с другими людьми и бояться не оправдать их ожидания. Ты, в первую очередь, должен стремиться к жизни, которая тебя удовлетворяет. Ведь не каждый сталкивается с такой же ежедневной борьбой с самим собой.

От его слов в моей голове сквозь вездесущий туман стали пробиваться лучи света. Я глубоко и медленно вздохнул, чувствуя, как моя решимость укрепилась и пустила корни. В этот раз, взглянув на доктора, поднял брови уже я.

— Таким образом, я не должен расстраиваться, даже если провалюсь в своих попытках чего-то добиться, потому что мои попытки — это уже победа? И это не глупо, и не вызывает жалость, несмотря на то, что другие люди сталкиваются с этим ежедневно?

— Ты — это ты, а не другие люди. Поверь мне, очень многие люди сникли бы перед проблемами, с которыми тебе пришлось столкнуться, если бы твои депрессия и тревога были так же видны, как и инвалидность Дэвида. — Он выпрямил ноги и подался вперед. — Я знаю тебя, Джереми Сэмсон. Я не вижу всего этого, но знаю больше многих, и я впечатлен!

Вскоре наш сеанс закончился, и, что было самым забавным, несмотря на то, что мы так и не наметили какой-нибудь план, я еще никогда не был так готов, как сейчас.

Свою первую вылазку в кафе мы решили предпринять в дождливое ноябрьское воскресное утро. Эммет и Дэвид, как всегда, были рядом со мной, а Салли предложила подбросить нас до кафе на фургоне, из которого кресло Дэвида можно было легко подвезти

к пандусу. Моя цель состояла в том, чтобы зайти в кафе и заказать кофе.

— Раньше я часто ходил в «Старбакс», — вспомнил я.

— Правильно, — ответила Салли. — Но в первый раз мы хотим гарантированно получить положительный результат! — Она погладила мое плечо. — Идем, дорогой. Хочу кофе.

Я чувствовал себя немного глупо, надевая наушники, чтобы пройти несколько метров от дверей до прилавка. Дэвиду было бы не комфортно передвигаться по этому кафе в своем инвалидном кресле: стулья и столы были расположены слишком близко друг к другу, поэтому со мной пошел Эммет.

Когда бариста улыбнулся и спросил, что я хочу заказать, я снял наушники.

— Большой ванильный латте с обезжиренным молоком, пожалуйста. — Я протянул ей карточку Салли, а затем, когда девушка провела ею по считывающему устройству, убрал пластик обратно в карман.

Ожидая кофе, я снова вставил в уши наушники, а Эммет стоял в дальнем конце прилавка

Я не стал слушать «Нарру», заменил ее на «Welcome Home, son»³³ и поставил на повтор. Это казалось мне правильным. Все прошло хорошо, несмотря на то, что я и раньше заказывал себе кофе. Друзья зааплодировали, когда мы с Эмметом вернулись в фургон.

— Мы ходим сюда еще завтра утром, перед занятиями Эммета, — заявил Дэвид.

Я нахмурился.

— Это я уж точно смогу повторить. Может, перейдем к чему-то посложнее.

— Не торопись. Все будет, но постепенно. — Взгляд Эммета был сосредоточен на какой-то точке выше меня, но он улыбался. — Сегодня ты справился. Наслаждайся.

Хоть я и думал, что меня жалеют, они продолжали сыпать комплиментами, и, признаюсь, это было приятно.

На следующее утро мы повторили наш поход. Я хотел пройти по магазину, но Эммет вспомнил, в каком отделе мне стало плохо и предложил:

— Давай пройдем до конца первого прохода? Дойдем до отдела с мужским нижним бельем и развернемся.

Я занервничал, когда мы проходили мимо отдела с женским ночным бельем, хотя это было всего на полпути к нашей цели. Видя мое тяжелое дыхание, Дэвид подтолкнул Эммета, чтобы тот взял меня за руку. Эммет протянул мне ладонь, попросив смотреть вперед и слушать музыку. Кивнув, я посмотрел вперед на табличку с указанием нужного нам отдела и растворился в музыке. В наушниках играла та же самая песня, что и вчера. Когда я дошел до отдела с нижним мужским бельем, мое дыхание снова стало быстрым и тяжелым. Я попробовал применить на практике один шаг из стратегии и подумать о чем-нибудь другом (в основном, как бы не потерять сознание). Салли настояла на том, чтобы присесть на корточки и посидеть пару минут с закрытыми глазами. Я постарался оставаться в этом отделе как можно дольше, но, в конце концов, подал всем знак, что пора идти. Я был рад смотреться оттуда ко всем чертям. Когда мы добрались до фургона, все приободрились, а я чувствовал себя, будто побывал в мясорубке.

— Ты молодец! — воскликнула Салли. — Не раскис, был спокоен и выполнил все, что запланировал. Это огромный прогресс! Думаю, ты заслужил мороженое!

Мы пошли к стоящей недалеко от нас машине «Молочная королева» и заказали все, что хотели. Дэвид взял солодовый напиток, мы закрепили его на специальной подставке,

которая привязывалась к запястью, чтобы не разлить то, что он пьет. Дэвид улыбнулся, когда увидел, что я верчу свое мороженое в руках, слишком потрясенный для того, чтобы есть.

— Это было круто, дружище! Дай себе пару дней, чтобы восстановиться и попробуем еще раз.

Именно так мы и сделали. Пробовали снова. И снова. И снова. Каждый раз Эммет Дэвид, Салли или Тэмми были со мной. Мы ходили в отдел с мужским бельем четыре раза, пока я не смог ходить туда так же легко, как заказывать себе кофе, и каждый раз, даже если не было паники, мы ели мороженое, и я слушал одну и ту же песню.

— Мне по-прежнему кажется, что тебе стоит послушать Фарелла, — сказал Дэвид, когда мы однажды возвращались на автобусе из кампуса домой.

— Хочу послушать его в момент моего триумфа, — признался я.

Он ухмыльнулся.

— Мне нравится, что ты думаешь о своем триумфе.

Об успехе думалось нелегко, но Эммет прав, и когда-нибудь я дойду и до отдела почтовых отсылок. Эммет оставался неизменно спокойным при каждой моей попытке, а я нервничал.

— Думаю, тебе нужно выбрать другую песню и все-таки надеть солнцезащитные очки.

— Прости, я продолжаю все портить, — сказал я.

Эммет стал качаться, сидя на диване, рядом со мной.

— Ты ничего не портишь. Ты испытываешь свои возможности. Ты же пробуешь использовать стратегию доктора Норта?

Иногда мне казалось, что я зря рассказал об этой стратегии, потому что теперь Эммет постоянно спрашивал о моих попытках ее применения.

— Да. Пробую.

— Ты должен надеяться на лучшее и не расстраиваться, если все идет не так идеально. Но все равно, думаю, тебе стоит сменить песню.

Той ночью мы с Эмметом пытались найти еще одну песню, чтобы я мог слушать ее во время вылазок в магазины. После того, как мы прослушали сотни популярных композиций, Эммет решил показать мне певца, который ему нравится на «Спотифай»³⁴.

— Это Дерек Паравичини, — сообщил Эммет. — У него аутизм, как и у меня, а еще глубокая умственная отсталость, но он один из величайших музыкантов современности. Дерек слеп от рождения, но это не мешает ему распознавать двадцать нот в аккорде и играть на фортепиано подобно Богу. — Он протянул мне наушники. — Послушай эту мелодию.

Это была незнакомая мне мелодия фортепиано, но потом тихий, простой голос произнес: «Это всего лишь "Бумажная луна"».

Паравичини был удивительным. Посмотрев его конференцию, я понял, сколько всего ему пришлось преодолеть. Красавчик! Слова его песен были похожи и несли мысль о том, что все фальшиво, кроме веры.

Теперь я слушал Дерекка постоянно, лежа на диване, на кровати, свернувшись калачиком рядом с Эмметом, и представлял, как прохожу мимо отдела с открытками. «Просто прохожу мимо, — повторял я сам себе. — Просто мимо этого отдела к отделу с упаковочной бумагой. Прохожу с моими друзьями, без них, один, в наушниках, без наушников».

Я представлял себе это снова и снова.

И в конце концов сделал это.

В моих наушниках играла песня Паравичини «Бумажная Луна», а я прошел мимо отдела

с открытками. Первые несколько раз, достигнув цели, я мчался обратно в фургон так быстро, словно был закрученным футбольным мячом, и мною отдали пас. Салли, Дэвид и Эммет сразу бросались заверять меня, что все идет хорошо. Но, несмотря на то, что меня потряхивало, их увещевания не требовались. Я знал, что все уже ХОРОШО. И шел дальше. И дальше. И дальше.

Никогда никому не говорил об этом, но в мои воспоминания стали приходить худшие места моего пребывания. Там, где бывал с родителями, и они скандалили из-за моих панических атак. Иногда в моей голове всплывали образы: во время моих вылазок родители стояли недалеко от меня и хмурились. Надевая солнцезащитные очки, пытался притуплять эти образы. Я признал, что они находились там со мной, вне зависимости от моего желания. Я слушал Дерека Паравиничи и думал о том, как он изучал музыку, не имея возможности что-либо увидеть, в отличии от меня, не в состоянии понять мир, который его окружает. Временами мне представлялось, что это он, а не Эммет держит меня за руку.

Дэвид и Салли всегда подбадривали меня и много-много говорили, а Эммету было достаточно сказать мне «Молодец», и я уже чувствовал себя лучше.

Мне пришлось взять паузу в «Покорении моей стратегии», как любил называть ее Дэвид: начался сезон Рождественских покупок, магазины были слишком переполнены людьми, что отбросило бы меня назад в части моих успехов. Одновременно у меня были небольшие ссоры с родителями, которые надеялись, что я проведу этот праздник дома, но я хотел остаться в «Рузвельте» или пойти домой к Эммету. Или Дэvidу. Да в любое другое место, которое считал своим настоящим домом.

Большую часть декабря я практиковался, чтобы, отказав родителям, не чувствовать себя виноватым, а поступить наконец так, как хочу. Это Рождество многое изменило. Помог мне в этом отличный отдых в компании моего парня, лучшего друга и других жителей «Рузвельта». Я пек печенье, пел рождественские песни, помогал Дэvidу сначала выбрать подарки его близким через интернет-магазин, а потом, после их доставки, упаковать. На деньги, полученные от работы с Дэvidом, я купил Эммету подарок. Это было угловатое произведение искусства, которое я впервые увидел в витрине какой-то галереи. Оно было очень необычным, красивым и напоминало мне об Эммете. Дэвид убедил продавца сделать нам скидку, и я сразу же его купил. Эммету подарок понравился. Взамен он подарил мне созданную им компьютерную программу, в которой парень, олицетворяющий меня, ходил по магазинам на фоне играющей песни «Нарру».

Во второй половине января я именно этим и занимался. Включал песню из программы и ходил по магазинам. Дэвид оказался прав. Эта песня напоминала мне о «Рузвельте», и со временем на наших прогулках я даже стал под нее пританцовывать, как делал это дома, в гостиной.

Однажды Дэвид увидел, как я танцую, и на его лице отобразился, я бы сказал, зловещий план, о котором он впоследствии рассказал мне.

— Нам нужно завтра снова сходить в тот супермаркет. Ты, я, Эммет и Салли или Тэмми. Мы собираемся снять видео. Небольшой флешмоб. Мы врубим «Нарру» на моем айпаде через блютуз-динамик и, подпевая, будем танцевать в проходах, а потом выложим это дерьмо на «Ютуб».

Я, честно говоря, удивился и заартачился, но не успел сказать, что это плохая идея, как Эммет с улыбкой внес свои коррективы:

— Мы просто обязаны надеть наши костюмы братьев Блюз.

Дэвид засмеялся и, неуклюже приподняв руку, дал пять Эммету.

— Бля! Мы очень быстро наберем эти гребаные просмотры. Ну, что скажешь, Джей?

Я уже хотел отказаться, но они выглядели такими взволнованными.

— А что, если я не смогу ничего сделать без наушников?

— Ты наденешь наушники, — успокоил меня Дэвид. — А динамик — для всех остальных.

— Но если это будет не синхронизировано, не одновременно?

— Я без проблем синхронизирую наши устройства, — сказал Эммет. — Хотелось бы набрать столько же просмотров, как и в вырезанной сцене с танцем Элвуда Блюза. Жаль, мы не сможем спеть «Всем нам кто-то нужен».

— «Нарру» сейчас хит сезона. А та песня немного устарела. Плюс, под нее будет намного прикольнее танцевать и петь, когда мы будем гулять по магазинам. — Дэвид поднял бровь. — Правда же, Джей?

Конечно, они меня убедили.

Мы не пошли туда прямо на следующий день, поскольку отработывали с Тэмми танцы на практике. Дэвид учился кататься между мной и Эмметом, не задевая, и старался, чтобы это выглядело как танец. Эммет повторял уже привычные ему движения Элвуда, а мне требовалась помощь, я чувствовал себя неловко. Мне хотелось попробовать, но было волнительно, ведь придется находиться под пристальным вниманием. Ради Дэвида, Эммета и ради себя. Я прокручивал мысли об этом дне в своей голове и думал, если я смогу это сделать, будет удивительно.

Наступил день, в который мы решили устроить свой флешмоб. В магазин мы отправились втроем. До остановки перед магазином доехали на автобусе, весело шутя и поддразнивая друг друга. Я пообещал себе, что все пройдет хорошо, а если даже возникнут сбои — расстраиваться не буду.

В магазине нас уже ждали Тэмми, Салли, Боб, Мариетта, Даг и Алтея. Они были возбуждены не меньше нас и стали махать нам руками, когда мы прошли мимо ювелирного отдела. Сотрудники магазина смотрели на нас с любопытством, но, когда Дэвид стал флиртовать и зазывать продавщиц к нам присоединиться, они улыбнулись и пошли вместе с нами. Мы дошли до отдела с открытками, Эммет включил музыку, и наш танец начался. Дэвид стал поднимать плечи в такт музыке и проехался на своем кресле так, как мы практиковались раньше. Я слышал только музыку, играющую в моих наушниках, но видел, как ребята шевелят губами, подпевая песне. Потом Эммет вышел вперед, парадирюя танец Элвуда Блюза.

Засмеявшись, я стал двигать попой синхронно с Дэвидом и Эмметом, как мы учились у Тэмми. Салли и Даг шли впереди спиной к проходу и снимали все на камеру. Парень, которого я видел впервые, тоже улыбался и снимал нас на свой телефон.

Продавщицы шли рядом и улыбались. Дэвид прошептал что-то на ухо одной из девушек, она засмеялась и начала танцевать вместе с ним по пути к продуктовой секции. Сначала к нам присоединилась эта девушка, потом какая-то женщина, следующими были дедушка с внуком, потом еще четверо сотрудников магазина, и тут я понял, что Эммет, Дэвид и я возглавляем целое музыкальное шествие, движущееся по рядам супермаркета, как в каком-то кино. У нас получился настоящий флешмоб. Мы были спокойны и радовали всех вокруг, включая самих себя.

Признаюсь, всю дорогу я очень нервничал, потому что знал, если буду неосторожен,

меня накроет паника, пришлось быть крайне внимательным с нашими танцами в публичном месте. С одной стороны, сегодня было намного легче держать все под контролем, потому что мы сами были возмутителями, раздражителями моего спокойствия. Ну а когда мои нервы достигали своего апогея, я прятался за спинкой кресла Дэвида, как мы и договаривались в начале. Каждый раз, когда я так делал, Дэвид двигал кресло, чтобы полностью скрыть меня от посторонних глаз, и они с Эмметом танцевали еще интересней. Конечно, они просто отвлекали внимание, чтобы дать мне время прийти в норму.

Возможно, я никогда не смогу петь так, как они, но тот факт, что у меня получилось переодеться и танцевать перед толпой в магазине, еще пару месяцев назад казался чудом. Я набрался смелости и станцевал буги-вуги, как делал это в своей комнате или перед Дэвидом.

Я был счастлив. Это было прекрасно и удивительно. Я переборол свой страх или, по крайней мере, смог его контролировать лучше, чем обычно.

Песня закончилась, и толпа собравшихся вокруг нас людей стала аплодировать. Люди фотографировали нас и фотографировались с нами. Мы были братьями Блюз. Мы были крутыми ребятами.

Когда бариста принесла нам бесплатный кофе, улыбаясь мне так, будто я сделал ее день, я понял, что всегда был крутым.

Просто мне понадобилось время, чтобы это понять.

Глава 23

Эммет

С приходом второго семестра Джереми уже неплохо себя чувствовал в общественных местах. Дэвид посещал занятия в бизнес-академии, и Джереми ходил туда вместе с ним. Летом Джереми хотел начать учебу в муниципальном колледже³⁵ Де-Мойне, чтобы не отстать от друга. Однажды вечером, когда мы сидели на диване в гостиной, Джереми признался, что хотел бы всегда работать помощником Дэвида, а для этого ему необходимо отучиться и получить Сертификат по уходу за пациентами. Это будет похоже на обучение в школе, а школа до сих пор его нервировала. Я думал о том, как еще недавно он шел к поставленной цели, учась управлять своими паническими атаками, и предложил ему попробовать с одного года обучения, чтобы посмотреть, как все пройдет.

Мне нравилось находиться в кампусе с Дэвидом и Джереми. У нас не было совместных лекций, а Дэвид большую часть времени учился дома, но по средам мы вместе обедали у здания Мемориального Союза или в каком-нибудь кафе в центре, если там подавали что-то вкусное. Мне нравилось с ними обедать, потому что, если они не могли меня навестить, я оставался в кампусе один. Хотя я знал всех своих однокурсников, друзей среди них у меня не было. Когда Джереми и Дэвид были рядом, мы были братьями Блюз, даже без солнцезащитных очков.

Как-то, направляясь домой в начале февраля, мы шли к автобусной остановке и что-то напевали, а по дороге нам встретились несколько парней из университетского братства. Увидев нас, они стали о чем-то тихо переговариваться и смеяться над нами. Тогда я узнал, что был прав относительно Дэвида и его бывшей принадлежности к рядам такого же братства, но единственное, что я предельно точно осознал именно в тот момент, что Дэвид был на моей стороне.

Он остановил свое кресло и крутанулся на нем так, что опередил одного из ребят и встал прямо перед ним.

— Прости, умник. Ты что-то сказал?

Парни переглянулись и, обойдя его, ускорили шаг, выражения на их лицах были слишком сложны для моего восприятия. Они, наверное, не знали, что кресло Дэвида может набирать до пятнадцати километров в час, и, естественно, он снова их обогнал, чуть не сбив того же самого парня.

— Эй! Мелкий член! Я с тобой говорю! Ты хотел чем-то с нами поделиться или тебе нравится сплетничать со своими дружками-слабаками?

Дэвид говорил очень громко, и люди, стоявшие на тротуаре, шептались и указывали на нас. Джереми стал нервничать, но я был спокойным. Дэвид же часто бывал злым и был действительно хорош в этом. Он всегда стоял на своем, и я улыбался, наблюдая за его наездами. Продолжение не заставило себя ждать.

Дэвид ехал за ними почти до озера Лаверн, не переставая говорить.

— Давай же! Мы хотим тебя послушать! Ну-ка, расскажи нам свою лучшую шутку. Она должна быть очень веселой, раз вы так ржали. Мы все — внимание. А эти четыре симпатичные девушки хотят послушать, как стая таких придурков смеется над аутистом, паралитиком и их другом с клинической депрессией. Ошеломите их шуткой, что они как из «Человека дождя»³⁶.

— А я — Любитель поездов, — сказал я Дэвиду.

— Да, — ответил Дэвид. — Эммет вообще вас за пояс заткнет. Он аутист и любит поезда. Любитель поездов. Можете называть его так. Ой, подождите! Ему нравится, когда его так называют. Так что, если вы хотите над ним поиздеваться, вам придется придумать что-то другое.

— Валим отсюда, — пробормотал один из парней.

Они поспешили уйти, но Дэвид снова погнался за ними.

— Ну и валите, придурки! Чтобы надрать вам задницы, мне не нужен здоровый позвоночник.

Он остановился и стал смотреть, как мальчишки сматываются. Когда Дэвид повернулся обратно к нам, выражение его лица было очень злым, а щеки покраснели.

— Вы как?

Я засмеялся и захолопал.

— Дэвид, ты мой любимый хулиган.

— Черт, так точно! — Он повернул голову, а потом тихо проговорил. — Только не смотрите сразу, но те девушки, кажется, пялятся на нас.

— Мы с Джереми — геи, — напомнил я ему.

— Черт, верно, — ухмыльнулся Дэвид. — Тогда это все достанется одному мне.

Он подъехал к девушкам и, недолго с ними поговорив, оглянулся через плечо, позвав Джереми и меня. Разговор был скучным, поэтому я считал проезжающие мимо машины и запоминал автомобильные номерные знаки. В конце концов Джереми похлопал меня по плечу.

— Эммет, Дэвид спрашивает, пойдём ли мы в бар с ним и девушками.

Я нахмурился.

— Нам еще нет двадцати одного.

— Дэвид говорит, что знает бар, где в такое время зависает не так много народа, и там

могут пустить несовершеннолетних. Что думаешь? Пойдем?

Мне не хотелось идти ни в какой бар, но Джереми добавил: «*Пожалуйста*» на языке жестов, а потом: «*Эммет, прошу тебя. Дэвид хочет пойти, и я не могу ему отказать*».

Поэтому я кивнул, и мы направились в бар.

Этот бар располагался на Уэст-Стрит и назывался «Богемия». Погода была хорошей, и прогулка, во время которой я насчитал пятьсот шесть трещин на тротуаре, выдалась неплохой. Девушки обступили Дэвида со всех сторон, и он наслаждался их обществом, все пятеро постоянно смеялись. Мы с Джереми шли позади, и он постоянно притормаживал, чтобы увеличить расстояние между нами.

— Дэвид развлекается, — прошептал мне Джереми. — Он всегда мечтал быть в центре женского внимания.

Но, когда мы добрались до бара, Дэвид, вместо того чтобы тусоваться с девушками, отослал их за выбранный столик и стоял с нами на улице.

— Парни, вы как? Если вам тяжело с этим справиться, просто скажите, и мы сразу же уйдем.

В баре было слишком темно, но меня это нисколько не нервировало. Я не был уверен насчет Джереми, но он сказал, что с ним все в порядке.

— Если недолго, то все будет хорошо. Главное, чтобы они не включили громкую музыку.

— Вроде там звучит какая-то музыка, насколько я слышал, но она совсем тихая. — лицо Дэвида было красным, а глаза лучились радостью. — Я ценю это. Несмотря на все, что написано на тех сайтах, не думаю, что мне сегодня настолько повезет, что я смогу пригласить кого-нибудь из них домой, но это же не мешает мне немного пофлиртовать? Почувствовать себя живым, понимаете?

— Давайте будем нормальными, — сказал Джереми, улыбаясь.

— О'кей. — Дэвид развернул свое инвалидное кресло к входу в бар и вздохнул. — Паралитик, аутист и парень в депрессии заходят в бар. Это прямо как начало анекдота.

Джереми засмеялся, а я не понял, что имел в виду Дэвид. Они попытались объяснить, но я лишь отмахнулся. Мне было все равно. Дэвид прав. Иногда быть нормальным приятно. Просто втроем потусоваться в баре. Просто провести время со своим парнем, держась за руки, и позволить ему обнимать себя, даже если это нарушает личное пространство.

Нет нормальных и ненормальных людей. Но есть правильные и неправильные поступки. Есть такое понятие, как «быть частью чего-то», «быть связанным с кем-то». В этот день в этом баре я был частью компании Джереми, Дэвида и этих девушек. Я был связан со своими друзьями больше, чем когда-либо.

Когда мы вернулись из бара домой, меня не покидало желание быть соединенным с Джереми еще больше, и на мой вопрос, хотел бы он попробовать анальный секс, Джереми ответил согласием.

Я не был удивлен, потому что Джереми всегда был за эксперименты в сексе. И сейчас это не было его первым анальным проникновением, ведь ранее мы заказали небольшой фаллоимитатор в проверенном интим-магазине, и Джереми, в отличие от меня, понравился этот опыт, но сейчас я сам хотел быть в нем.

Сначала было странно, мы впервые принимали душ вместе, но потом совместные водные процедуры показались мне забавными и возбуждающими. Мы стали целоваться под струями прохладной воды, и количество ощущений взволновало меня. Я хотел заняться с

ним любовью. Хотел войти в него своим членом. Ощутить, какой он горячий внутри.

Мы не стали пользоваться презервативами, потому что были, во-первых, моногамны, а во-вторых, абсолютно здоровы, и мне не нравилось, что они снижают чувствительность. Я хотел почувствовать свой член внутри Джереми, кожа к коже, но сначала должен был его подготовить. Используя латексные медицинские перчатки и немного лубриканта, я вошел в него указательным пальцем, возбуждаясь от его тихого стога. Для меня все еще было странно то, что я собирался сделать, но, когда я смотрел на лицо Джереми, анальный секс уже не казался мне мерзким. Это не сильно отличается от поцелуев, когда мы забираем в себя порцию чьих-то микробов, но, даже зная об этом, не прекращаем целоваться. Если вы все делаете правильно, то и фекалии вам не помеха. Ведь люди так часто забывают мыть руки после туалета, и, как говорит моя мама, распространяют свои фекалии повсюду.

Я смотрел порно и всякие учебные пособия для анального секса и был хорош, когда расслаблял анальное кольцо Джереми для дилдо, но я в первый раз делал это для себя. Для того, чтобы самому в него войти.

Эта мысль подстегнула меня к действию. Когда я вошел в него, меня будто потрянуло током. Это не описать. Удовольствие пронзило всю мою суть. Он был узким и очень горячим, жгучим, как острый перец. Джереми лежал лицом вниз, а его крики и стоны заставляли меня дрожать от возбуждения. Я протолкнулся еще глубже, а Джереми в ответ застонал сильнее, и, смяв руками простынь, выгнул спину.

— О, Боже, Эммет! Быстрее.

Я сделал так, как он просил. Мои бедра стали двигаться в быстром рваном темпе, я входил в него снова, и снова, и снова, но это не было похоже на порно. Это была любовь. Я любил его, и мы занимались любовью. Да, мы геи. Я был активом. Он пассивом. Люди любят вешать на других такие ярлыки. Мне на них плевать, но я люблю быть сверху и знаю, что Джереми нравится быть снизу.

Я кончил намного быстрее, чем обычно, это был мой первый опыт анального секса. Возбуждение было таким сильным, что пришлось показать Джереми знак, который означал: «Пару минут меня не стоит тревожить. Нужно успокоиться».

Джереми не возражал и сам довел себя до оргазма, а потом, закрыв глаза, тихо лежал, наверное, засыпая.

Успокоившись, я притянул его к себе. Джереми лег головой на мое плечо и поцеловал меня в грудь.

— Тебе понравилось? — спросил я.

— Очень, Эммет. — Джереми поцеловал меня в щеку. — Я люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Мы вытерлись влажными салфетками и обнимались, пока Джереми не уснул.

Сегодня я нормальный. Я принадлежу молодому мужчине, лежавшему рядом со мной в постели. У меня есть друг, способный надрать задницу кому угодно, несмотря на свой паралич и инвалидное кресло. Я живу отдельно от родителей самостоятельной жизнью, получаю хорошие отметки. Да, и я отличный любовник.

Я — Эммет Дэвид Вашингтон. Любитель поездов. Лучший пародист братьев Блюз в районе.

Джерми

Спустя ровно год после моей истерики в школе состоялась семейная встреча с родителями. Это произошло на сеансе психотерапии в присутствии доктора Норта, хотя я был почти уверен, что справился бы и сам. Доктор Норт предоставил мне выбор: провести это мероприятие самостоятельно или в его присутствии. Я решил, что буду считать эту встречу одной из целей, которую покорю с помощью нашей «Пошаговой стратегии». И, доверяя практике, решил, что присутствие доктора очень хорошо повлияет на исход дела, ведь первая попытка была более чем успешной.

Мои родители нервничали, и я не мог их за это винить. Последняя семейная встреча закончилась паникой Эммета и моими слезами. Хотя на этот раз его с нами не было. Он ждал меня в фойе, вероятно, считая, сколько плиток ушло на стены или вспоминая цифры из числа Пи.

— Спасибо, что пришли, — обратился я к родителям, когда мы сели. — Рад вас видеть. Мама нахмурилась и смахнула со своих брюк невидимую ворсинку.

— Ты никогда не навещаешь нас. Почти не звонишь.

Это не было похоже на дружеское начало нашей встречи, но я очень много разговаривал с доктором Нортом о своих родителях и ожидал именно такого приветствия. Вернее, ожидал кое-чего похуже. Я вообще не был уверен, что они придут.

— Как раз собирался сказать, что нам стоит видеться чаще. — Я положил руки на колени, стараясь не сжимать их в кулаки и не ерзать. Мне хотелось доказать, что я могу контролировать собственное тело. Было очень трудно сохранять спокойствие, но хотелось попробовать это сделать. — Еще я думал рассказать, как изменилась моя жизнь за прошедший год. С того дня, как я ушел из школы. Хотите послушать? Хотите узнать, как я живу в «Рузвельте»?

Мама скрестила руки на груди, и, все еще хмурясь, посмотрела на моего отца.

— Ну, давай.

Признаюсь, я был бы рад увидеть ее нетерпение и волнение. Наверное, я всегда буду смотреть на родителей Эммета и Дэвида и мечтать о таких же отношениях со своими, но это невозможно. Я был уверен, что именно мама с папой стали причиной моего состояния, они меня раздражали, но мне все равно хотелось наладить наши отношения. И первый шаг к этому был сделан. Возможно, я скорее смогу пойти на рок-концерт, где меня будет окружать толпа кричащих людей, чем добьюсь успеха в намеченном деле, но попробовать стоило.

И я стал рассказывать обо всем, что они пропустили:

— Произошло много всего. Для большинства людей это пустяк, но для меня — очень важно. Я научился жить самостоятельно. Знаю, как контролировать свои счета, чтобы в холодильнике всегда было что поесть. С помощью Эммета поддерживаю свою комнату и квартиру в чистоте. Я помогаю жителям «Рузвельта», особенно Дэвиду. Он паралитик и мой друг. Есть желание пройти обучение, чтобы стать его официальным помощником. Я записался на онлайн-курсы и в будущем хочу учиться в «Анкени», но пока не тороплюсь. Это, наверное, самое серьезное, что я постиг: главное, никуда не торопиться. У каждого человека свой темп жизни и свое определение успеха. То, что легко для других, не обязательно будет легко для меня. Хотя некоторые вещи, дающиеся мне легко, тяжелы для других. В этом году я понял, что хорошо разбираюсь в эмоциях. Эммет называет это нашими суперспособностями. У него суперпамять, ему легко дается математика, он видит и слышит

многое. Моя — эмоции. Я знаю, что чувствует любой человек, находящийся рядом со мной, и даже могу ощутить эти эмоции на себе. Поэтому нужно быть осторожным, ведь если обрушивается сразу много всего, то это меня переполняет. Вот почему мне так трудно дается шоппинг. На меня выливаются эмоции сразу столько людей, что я не всегда могу это остановить или контролировать. Но я учусь. Идя в магазин, я надеваю солнечные очки, наушники, и со мной всегда находятся мои друзья. И мой парень. — Я улыбнулся мыслям об Эммете. — Конечно же, в этом году я узнал, каким должен быть любящий парень. Научился прислушиваться к желаниям своей половинки и стараться дать ему то, чего он хочет. Научился находить компромиссы и в итоге получать то, чего хочется мне. Распознавать ревность своего парня и справляться с ней. Понял, что такое делить с кем-то свою жизнь. Научился поддерживать человека в борьбе с его проблемами и страхами, зная, что в ответ он поможет мне.

Я прервался, ожидая их реакции. Не слишком уверенный в том, что они перестали ненавидеть Эммета. Глядя на родителей, я пытался понять выражения их лиц. Радостными они не были уж точно, но я сомневался: это из-за моих слов про Эммета или из-за самой встречи. Мне показалось, что пора перейти к следующей части намеченного мной разговора.

— Еще я осознал, мам и пап, то, что я должен защищать себя. Со мной не происходит ничего неправильного. Просто я страдаю клинической депрессией и тревожностью, что, на самом деле, очень серьезно. Эти вещи невидимы ни для кого, кроме меня, но я хочу сказать, что иногда аутизм Эммета и квадриплегия Дэвида менее проблемные. Я должен бороться со своими «демонами» каждый день, и иногда победить мне не удастся. В те дни, когда депрессия и тревожность особенно тяжелы, я вынужден говорить Дэвиду, что не могу сопровождать его на учебу. И знаете, что? Если в эти дни у него нет никаких тестов, он остается со мной. Сидит рядом или помогает Эммету готовить обед. И так происходит, пока мое состояние не улучшится. Да, он мой работодатель, но еще Дэвид мой друг. Один из двух моих самых лучших друзей.

Моя мать снова нахмурилась, а на лице моего отца появилось отвращение. Мне стало грустно от того, что я понял: эта встреча не будет иметь успеха. Я почувствовал себя так, будто надо мной нависли черные тучи, приглушая освещение в комнате. Я не запаниковал, но мне захотелось уйти.

Доктор Норт присел рядом со мной и погладил по спине. Я посмотрел на свои руки, за которыми перестал следить, и обнаружил, что теперь они сжаты в кулаки. Я коснулся браслета на запястье, который купил для меня Эммет. Замысловатые кожаные узоры напомнили ему меня. Я представил, что Эммет считает сейчас, бродя по коридору этого центра. Наверное, пойду к нему, оставив родителей здесь. Больше не стоит пытаться примириться с теми, кто этого не хочет. Я говорил себе, что у меня уже есть семья. У меня есть Эммет.

Но мне все равно было грустно.

— Я хотела только, чтобы ты был счастлив, — голос моей матери был едва слышен. Я поднял голову, думая, что мне и вовсе все послышалось, но она смотрела прямо на меня и плакала, а отец держал ее за руку. — Я хотела только, чтобы ты был счастлив, — повторила она снова.

На ее лице отразилась мука, и по щекам снова побежали слезы, смешанные с тушью. Мама стала вытирать их платком, оставляя на коже темные полосы.

— Ты всегда был таким замкнутым, и я была уверена, что это болезнь, о которой мне

хорошо известно. Чувствовала, что все, что с тобой происходит, это слишком для твоего возраста. Я не хотела, чтобы ты грустил. Хотела для тебя самого лучшего. — Она высморкалась, а папа привлек ее к себе, но, прижавшись к нему, мама разрыдалась еще сильнее. — Я этого для тебя не хотела. Я не хотела этого для своего ребенка.

Я смотрел на свою мать, и моя голова начала кружиться, но как-то слишком легко, как будто принадлежала не мне. Происходило ли все это на самом деле? Моя ли это мать? Мой ли отец? Все казалось слишком нереальным. Миллион раз, смотря на то, как Мариетта обнимает Эммета, я представлял на их месте себя и свою мать, но никогда не предполагал, что услышу такое. Мама говорила, что хотела мне только счастья, что она все понимала. Наверное, она плачет, потому что думает, что все испортила.

И как когда-то я понял, что Эммет желает мне только хорошего, не исправляя меня, а помогая мне, в тот день я по-новому посмотрел на своих родителей.

Я смотрел на то, как она плачет, расстроенная больше, чем когда-либо.

«Эта болезнь мне хорошо известна».

Интересно, а она до сих пор испытывает что-то подобное? Ее мать разговаривала с ней так же, как мы говорим сейчас? Проходила ли она через темноту и туман в голове, как я? Ведь только Эммет смог осветить мой путь.

Не знаю, был ли я прав, но мне не хотелось, чтобы на этой семейной встрече моя мать была кем-то другим. Я больше не нервничал из-за того, что она может сказать что-то расстраивающее.

Я встал со стула, пересек комнату и, сев рядом с ней, крепко обнял ее, позволяя плакать на моем плече.

Я разделил с ней все негативные эмоции и сделал все, чтобы заставить их уйти.

— Прости меня, — прорыдала она, уткнувшись в мое плечо.

Глядя маму по спине, я стал укачивать ее точно так же, как делает Эммет, когда хочет меня успокоить.

— Все хорошо, мам. Все хорошо, — повторял я.

И знаете, что?

Так оно и было.

Глава 25

Эммет

Много чего случилось со мной и Джереми после семейной встречи с его родителями. Много всего произошло и с Дэвидом, но это уже совсем другая история, и, если расскажу ее, Дэвид меня убьет.

Поэтому расскажу вам о моей работе и о поезде.

Когда я только начал учиться в университете, один из преподавателей предложил мне попробовать себя в Уоркиве³⁷ (раньше она называлась Вебфиллингс). Несмотря на то, что стажировка, предложенная супервайзером Уоркивы, не оплачивалась, я подумал о пользе получения такого опыта: потом мне будет гораздо проще получить работу.

В итоге, я очень понравился своим руководителям, и мне предложили занять оплачиваемую ставку по окончании стажировки. Пришлось отказаться в связи с тем, что я еще не получил образование, но мне пообещали заплатить за обучение, если я останусь

работать у них на полставки и перейду на полную по завершении моей учебы.

Так как это был очень серьезный вопрос, я не мог согласиться сразу и должен был посоветоваться с родителями. Мой отец очень долго разговаривал с руководителем Уоркивы, и они даже пригласили адвоката. Пока шла эта важная беседа, я читал информацию о компании в интернете и узнал, что она очень быстро растет и имеет офисы практически во всех штатах Америки. Мне нравилось там работать. Уоркива генерировала отчеты для других компаний, и руководству импонировало, что я оказался так хорош в написании программ. И еще, компания специализировалась на модификациях. С самого начала моей стажировки все было внимательны и для моего удобства даже изменили пару внутренних правил компании, чтобы я чувствовал себя комфортно. Руководство Уоркивы уверило адвоката моей семьи в том, что все правила и законы будут соблюдены, и я подписал необходимые бумаги.

Я снова выразил желание научиться водить машину, но папа снова ответил, что не может мне этого обещать. Хотя после стажировки я и так получил больше, чем мог себе представить. В университет я теперь ездил на автомобиле компании и чувствовал себя подобно одному из братьев Блюз, несмотря на то, что за рулем был не я. Я начал получать деньги и очень скоро позволил себе прокатиться с Джереми и нашими семьями на поезде.

Я ездил на «Амтраке»³⁸ и раньше, но никогда не путешествовал со своим парнем.

Пришлось долго уговаривать на поездку Дэвида, который боялся, что ему будет сложно это сделать из-за кресла, но проводники проявили участие. Нам принесли платформы, из которых соорудили пандусы, и Дэвид легко заехал в вагон. Еду ему приносили прямо в купе, а посетить вагон-ресторан, который располагался на втором этаже, он мог на любой остановке.

Мы решили съездить в Чикаго. Посмотреть достопримечательности и поесть их знаменитую пиццу. Также планировалось навестить сестру Джереми и, как обещал папа, посетить места, в которых снимали «Братьев Блюз».

Как только поезд тронулся, мы с Джереми отправились в вагон-ресторан, Дэвид же должен был присоединиться к нам на следующей остановке, ближе к ужину. Я был рад этому, потому что мне хотелось побыть с Джереми наедине хоть какое-то время. Мы сидели у окна, держались за руки и смотрели через окно на проносившийся перед нами мир. Я немного покачивался от волнения, но меня не трогало, что люди стали поглядывать на нас, когда я начал напевать. Джереми сидел рядом и улыбался. Мой парень. У меня был парень. И была работа, которая позволит нам совершать такие приятные поездки.

— Я люблю тебя, Джереми, — тихо произнес я и постарался посмотреть ему в глаза, но из-за сильного волнения мне это, как обычно, не удалось.

Джереми это, конечно, не волновало.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он и поцеловал меня в щеку.

Но мне хотелось большего. Поэтому я поцеловал его запястье.

— Я хочу, чтобы ты был моим. Всегда.

Джереми тихо вздохнул и коснулся моего лица, пытаясь угадать, о чем я думаю.

— Просто твоим парнем?

В ответ на его догадку я улыбнулся широкой счастливой улыбкой.

— У тебя есть другие идеи?

Он покраснел, но тоже улыбнулся.

— Возможно, у меня найдется парочка идей, но все произойдет, когда мы будем готовы. Не нужно спешить. Я никуда не тороплюсь и не уйду, и ты тоже.

Я снова улыбнулся и поцеловал его в губы.

— Сто шесть миль до Чикаго, у нас полный бак бензина, полпачки сигарет, темно и мы в темных очках, поехали!

— Точно!³⁹

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Здесь и далее примечания переводчика: Элвуд Блюз один из певцов американской группы, играющей в жанрах блюз и соул, основанной в 1978 году комедийными актёрами Дэном Эйкرويدом и Джоном Белуши.

[

←2

]

Мульчирование — покрытие почвы под плодовыми деревьями или овощными растениями защитным слоем.

[

←3

]

ConAgra — одна из крупнейших в стране компаний-производителей готовых продуктов питания.

[

←4

]

Моноамины — биологически активные химические вещества, посредством которых осуществляется передача электрического импульса между нейронами мозга. Недостаток какого-либо из моноаминов может вызывать разнообразные нарушения, например, различные виды депрессии.

[

←5

]

Синапсы служат для передачи нервных импульсов.

[

←6

]

Стевия — «сладкая трава», сахарозаменитель.

[

←7

]

РАС — расстройство аутистического спектра.

[

←8

]

Палео — палеолитическая диета, основанная на тех продуктах, которыми в древние времена питались древние люди, вместо полуфабрикатов предпочтение отдается пище, которую нам подарили природа и земля.

[

←9

]

Google Talk — служба, позволяющая общаться с помощью голосового чата и обмениваться мгновенными сообщениями.

[

←10

]

iMessage — служба обмена мгновенными сообщениями, разработанная Apple, позволяет пользователям отправлять и получать текстовые сообщения, фотографии, видео, контактную информацию и групповые сообщения через сети Wi-Fi.

[

←11

]

Эйблизм — системная дискриминация людей с инвалидностями и хроническими заболеваниями.

[

←12

]

Автобус CyRide — студенты университета Айова не оплачивают проезд на автобусе этой фирмы, предъявляя студенческий билет.

[

←13

]

Охана — Важнейшая составляющая гавайской культуры, означает «семью», включая кровное родство, усыновленных, нареченных и близких друзей.

[

←14

]

Унаби — сладкие плоды дерева Зизифус. В России это называется китайским яблоком или фиником. На Востоке же унаби считают «деревом жизни».

[

←15

]

Трекпад — аналог мышки и тачпада. Сенсорная панель, похожая на мини-планшет.

[

←16

]

Стаккато — «оторванный, отделённый» — музыкальный штрих, предписывающий исполнять звуки отрывисто, отделяя один от другого паузами.

[

←17

]

Далек — представитель инопланетной агрессивной расы, жаждущий истребить всё убийца из сериала «Доктор-кто».

[

←18

]

Мистер Великолепный — джазовый исполнитель.

[

←19

]

R-слово — ругательное слово, связанное с умственными способностями. В оригинальном произношении запрещенное на R слово переводится как «слабоумный», «с задержкой в развитии».

[

←20

]

SSRLs — ингибиторы, средства, поставляющие в мозг серотонин. Серотонин — нейромедиатор, гормон, его называют гормоном удовольствия, он препятствует депрессии и улучшает настроение.

[

←21

]

SNRLs — ингибиторы, средства, поставляющие в мозг норадреналин. Норадреналин — нейромедиатор, гормон, вырабатываемый надпочечниками, его называют гормоном ярости и отваги.

[

←22

]

Реддит — социальный новостной сайт, поддерживающий систему голосования, его российский аналог — сайт «Пикабу». Наиболее популярные новости, размещенные пользователями, оказываются на заглавной странице. И пользователи могут сами создавать дизайн сайта.

[

←23

]

DVR — (digital-video-recorder) цифровой видеорегистратор для записи, хранения и воспроизведения видео.

[

←24

]

Rokibox — приставка, медиапроигрыватель с подключением к интернету.

[

←25

]

Рефрактерный период — период половой невозбудимости у мужчин, наступающий

после эякуляции.

[

←26

]

Фроттаж — трение половых органов о части тела, в том числе интимные, другого человека, вплоть до имитации полового акта. Фроттеризм — действие, при котором сексуальное возбуждение и удовлетворение достигается фроттажем.

[

←27

]

Ситком — ситуационная комедия, комедийный сериал.

[

←28

]

«Король кондитеров» — телешоу о работе пекарни в Нью-Джерси, где ее вспыльчивый хозяин Бадди Валастро при поддержке своих родственников создает первоклассные кондитерские изделия.

[

←29

]

Children — All Through The Night.

[

←30

]

Кресло-танк — кресло на гусеницах помогает забыть об ограничениях передвижения и препятствиях, встречающихся на пути не только человека с ограниченными возможностями. Самоходное гусеничное кресло способно пробираться по гравию и камням, по жидкой грязи и мелководью, по свежему снегу и сыпучему песку.

[

←31

]

Квадриплегия — это частичный либо полный паралич всех четырех конечностей.

[

←32

]

Песня Фаррела Уильямса «Нарру» буквально переводится как «Счастливый».

[

←33

]

«Welcome Home» — «Добро пожаловать домой» песня Radical Face.

[

←34

]

Spotify — шведский сервис для прослушивания музыки.

[

←35

]

Area Community College — муниципальные колледжи, обучение в которых ведется по двухгодичной программе. Выпускникам таких колледжей присваивается степень ассоциата (associate degree), которая позволяет работать на младших должностях или продолжить обучение в университете.

[

←36

]

«Человек дождя» — фильм 1988 года, где одним из главных героев является аутист. Режиссер — Барри Левинсон.

[

←37

]

Workiwa — компания, занимающаяся корпоративным программным обеспечением. Ее основным продуктом является Wdesk — платформа, которая позволяет компаниям создавать и представлять финансовую и другую отчетность в федеральные и государственные регулирующие органы. Платформа Wdesk интегрирует информацию из различных форматов Контента, включая электронные таблицы, презентации, документы, электронные письма и другие неструктурированные данные в единое облако.

[

←38

]

«Амтрак» — американская железнодорожная компания, занимающаяся пассажирскими перевозками на дальние расстояния.

[

←39

]

Реплики из фильма «Братья Блюз», произнесенные перед песней «Rawhide».